

№ 4(56). 2023

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Август 2023 № 4(56)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 911 863 0467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – член правления Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 16 августа 2023 года. Тираж: по востребованности. Заказ № 1346.
Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала. Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега актуальности

Галина Хэндус. Культурный суверенитет России	5
--	---

Проза

Василий Киляков. «Светлые дали» Евсеича. <i>Повесть. Начало. Продолжение в № 5-2023</i> ...	9
Ольга Губарева. Алексей Александрович Губарев	20
Николай Зайцев. Княжий воин. <i>Рассказ</i>	27
Светлана Савицкая. Сахалин. Последний остров. <i>Письма отцу, писателю</i> <i>Василию Тишкову</i>	37
Николай Кокухин. Дача Сталина. <i>Рассказ</i>	47
Наталья Алейникова. «ДНК» взаимной любви	56
Ваагн Карапетян. Море и старик. <i>Рассказ</i>	60
Артём Капустин. Вот такие пироги. <i>Рассказ</i>	64

Поэзия

Владимир Скиф. «Незримо времени течение...» <i>Стихи</i>	68
Лариса Цигвинцева. Замоскворецкий дворик. <i>Стихи</i>	71
Любовь Ладейщикова. Достоинство. Венок сонетов. <i>Стихи</i>	74
Марина Бережнева. «Дряхлеет тело – не дряхлеет Дух». <i>Стихи</i>	77
Нина Волченкова. Когда мы думаем о доме. <i>Стихи</i>	80

Поэтическая седмица

Вадим Терёхин. «Предчувствуя скорую встречу». <i>Стихи. Вступительное слово</i> <i>Александра Орлова</i>	85
---	----

Рижские берега

Каспарс Димитерс. «Да, я латыш. Русский...» <i>Стихи</i>	87
Ираида Кельмелене. Перевернутый мир. <i>Стихи</i>	91
Марианна Озолиня. Поэтов мужество в веках... <i>Стихи</i>	94

Берега Янтарного края

Лидия Довыденко. Фототворения Валентины Архиповской	97
---	----

Берега Амура

Александр Герасимов. Вспоминания призрачных дождей и <i>другие рассказы</i>	101
Елена Пастухова. Тайны Клеопатры	112
Любовь Романова. Весна амурская. <i>Стихи</i>	116

Берега Китая

Ван Мэнжень. Доброжелательность осени. <i>Стихи. Перевод Светланы Савицкой</i>	118
--	-----

Берега Новороссии

Андрей Новиков. Командировка на СВО	120
Алексей Полубота. По зову пророка непокорённого Донбасса	124
Беседа Екатерины Орловой с Владимиром Малягиным. Поездка на наши новые территории	131

Берега прочтения

Лидия Довыденко. «На войне память обостряется...». О книге Елены Крюковой «Лазарет».	134
Тамара Бусаргина. «Себя каждый день – из себя доставать»... О творчестве Владимира Скифа	138
Светлана Леонтьева. Звучащий город на холме. <i>Обзор журнала «Берега» № 3(55)-2023</i>	149

Бережок

Вадим Новожилов. В стране невыученных уроков. <i>Пьеса в стихах</i>	170
--	-----

Наши друзья

О приобретении и подписке на журнал	174
---	-----

Берега актуальности

Галина Хэндус

С 1998 года живёт и работает в Германии. Писатель и публицист. Замужем, трое детей. На русском языке вышло в Германии 9 книг (изд-во Richardgall MBV GmbH). Награды: международная премия «Лучшая книга года» (Берлин-Франкфурт, 2013, 2014 и 2015); шорт-лист конкурса «Ясная Поляна» (Москва, 2014); «Золотое перо Руси» (2013, 2021, 2022).

В России ИД Академии им. Жуковского опубликован роман «Долгая жизнь, короткая смерть» (2022). На немецком языке увидели свет в Германии 5 книг (изд-ва Аахена и Берлина). Публикации автора и об авторе на страницах русско- и немецкоязычной прессы в Германии (2010–2023). Публицистика в российских газетах и журналах (2022–2023).

КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ

24 декабря 2014 года президент РФ подписал Указ за № 808 «Основы государственной культурной политики» с целью определения её главных направлений. Последние девять лет что-то идёт не так. Культура продолжает смещаться в сторону «свободы» Запада с сексом в фильмах и театральных постановках, схожих с порнографией, панибратского отношения к низкопробной литературе, засильем сомнительных рэперов, блогеров и ограниченной группы поднадоевших эстрадных имён. Февраль 2022 года многое расставил по местам, прочертил красную линию между либеральными и патриотически настроенными силами страны. Второй год противостояния России объединённым силам НАТО на Украине вынес на поверхность часть либеральной пены. Мутную накипь унесло в сторону Запада, но, к сожалению, осталось достаточно недружественно настроенных, рядящихся под «истинных патриотов». Это они призывают к отказу от конфликтов с другими странами, кричат о необходимости договариваться. О чём договариваться? О сдаче Крыма и Донбасса? О признании над Россией власти внешних сил или об отказе от российской историко-культурной идентификации?

Страна, забывшая своё прошлое и отказавшаяся от традиций, рано или поздно сгинет, исчезнет, пропадёт. Именно этим озабочен президент Российской Федерации. 25 января 2023 года им приняты поправки к Указу «Основы культурной политики РФ» за № 35, где впервые официально сформулировано понятие «культурный суверенитет». Изменения к Указу на 15 страницах затронули весь текст Основ государственной культурной политики.

Культурный суверенитет – совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищёнными от деструктивного идеологического информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Борис Костенко, журналист, телепродюсер и медиаменеджер утверждает, что раньше такого рода документов не было никогда. Но, по его словам, культурное сообщество не отреагировало должным образом на важнейший документ. Общественный совет при Министерстве культуры молчит. Телевизионное сообщество работает по старым лекалам, ничего в российских СМИ существенного не произошло. Поправки приняты, а воз и ныне там. Телевидение интересуется рейтинги, реклама, зарабатывание денег. Это мнение человека, работающего в центре российской культуры. Возможно, эта тишина перед бурей? Хорошо бы.

Наверняка не каждый россиянин читал или вообще слышал об Указе и поправках к нему, но ведь народ не слепоглухонемой капитан дальнего плавания. Он видит топтание певца на православном кресте на концерте в Кремлёвском дворце, артиста на сцене в женских колготках, слышит частушки и стихи из уст известных артистов, направленные против СВО. Сложно не заметить тех, кто уехал из России, оплевал её с ног до головы в заграничных пампасах, а сейчас тишком пытается вернуться,

чтобы заработать. Разве это по-христиански? Да просто не по-человечески. Одно радует – процесс очищения российской культуры идёт. Неторопливо, с натяжкой, где-то неохотно. Всё, как в пословице: Русские долго запрягают, да быстро ездят. То тут то там появляется критика на недовольных СВО, отменяются давно или недавно запланированные концерты поддерживающих киевский режим артистов. Стоит вспомнить несколько последних эпизодов.

Глава Федерального проекта по безопасности и борьбе с коррупцией Виталий Бородин обратился к генпрокурору Игорю Краснову с просьбой признать народную артистку РФ Лию Ахеджакову иноагентом и возбудить в отношении неё три уголовных дела, в том числе по статье о госизмене, лишить наград и почётных званий после её высказываний о политике РФ по демилитаризации и денацификации Украины.

Депутат Госдумы Сергей Колунов выступил с предложением о создании отечественного аналога песенного конкурса «Евровидение», где участвовать смогут исполнители только из дружественных стран.

Ассоциация патриотических сил Юга России обратила внимание властей, что К. Орбакайте живёт в США, в Россию приезжает только заработать, «а на сцене выступает в цветах украинского флага». Во время мобилизации певица помогла старшему сыну сбежать из страны и получить ПМЖ в Америке. Общественники обратились в СК РФ с заявлением проверить К. Орбакайте и её старшего сына, Н. Преснякова, на предмет возможного финансирования ВСУ.

Имя И. Хакамады исчезло из списка спикеров конференции для деловых женщин «Леди у штурвала» во Владивостоке. Мероприятие с её участием в Иркутске тоже отменили. Александр Якубовский, депутат Госдумы от Иркутской области, выразил надежду, что другие арендодатели в городе также откажут организаторам подобных мероприятий. И. Хакамада – символ либеральной тусовки из 90-х, подруга покойного Немцова и сбежавшего Чубайса.

В августе лидер ДДТ Ю. Шевчук был признан виновным по административному делу о дискредитации ВС РФ. Выступления ДДТ в Москве, Санкт-Петербурге, Челябинске, Магнитогорске и Оренбурге в 2023 году перенесены на неопределённый срок.

Депутат Госдумы Артём Бичаев обратился к министру культуры РФ с просьбой проверить информацию и не допускать актёра Д. Козловского к театральным сценам. Актёр осудил миссию российских властей на Украине, затем сбежал в США, сейчас вернулся работать в Россию.

Депутат Госдумы Яна Лантратова обратилась к председателю СК РФ А. Бастрыкину с просьбой проверить выступление комиков А. Долгополова и Г. Оганесяна, где они пошутили над убийством военкора Владлена Татарского (Максима Фомина). Долгополов и Оганесян спародировали вручение В. Татарскому статуэтки, начинённой взрывчаткой в видео, снятом в Берлине.

Концерты группы «Ночные снайперы» отменены в Улан-Удэ, Тольятти и Чебоксарах. В Ростове-на-Дону отменили концерты артистов В. Меладзе и А. Реввы. В Туле отменили концерт певицы К. Коки.

По инициативе депутата Госдумы Ярослава Л. Суrowой отменили концерты юбилейного шоу группы «НАИВ» в Ярославле и Череповце. Ранее избиратели прислали депутату видео с публичными антироссийскими и проукраинскими высказываниями участника группы А. Иванова.

Да, есть подвижки, но есть и те, кто пытается усидеть на двух стульях, призывая отнестись к товарищам по сцене «с пониманием». К. Богомолов, худрук Театра на Бронной, слёзно жалеет предателей. Цитата: «Понимаю логику <уехавших>. Жаль, что в итоге страдает команда. Театр – дело коллективное, где всегда занято большое количество людей, от актёров до осветителей и гримёров...» Ситуацию, когда в программках убирают имена уехавших, Богомолов назвал «странной» и «неостроумной».

Г. Х.: А ему не странно, что российские воины на Украине проливают кровь против банд НАТО именно за то, чтобы таким, как он, можно было в тишине ставить спектакли? Неостроумно переделывать программки, а продавать за тридцать сребреников интересы страны и народа – остроумно?

Илья Резник тоже пустил слезу сочувствия в интервью «Комсомольской правде». Цитата: «За границей они долго не продержатся. Первые концерты для наших эмигрантов пройдут, острота их поступков пропадает, нивелируется, интерес к ним угасает. Я бы посоветовал возвращаться на Родину, и, может быть, люди всё простят им и начнут опять уважать».

Г. Х.: Предателей-бандеровцев простил в своё время генсек КПСС Н. Хрущёв Указом от 17.09.55 г. «Об амнистии...». Тогда их (сидельцев и ссыльных) только на Западную Украину прибыло более 50 тысяч, не считая завербованных западными спецслужбами и осевших на чужбине. Сегодня их

потомки воюют против России, убивают русских. И что, сегодня опять простить иуд, дать работу и наступить на те же грабли?

Член Совета Федерации Л. Нарусова заявила, что к уехавшим знаменитостям нельзя применять жёсткие санкции и судить их за это, а также подчеркнула, что эмиграция не является предательством страны с юридической и правовой точки зрения. Цитата: «Жить с ощущением изгнания, причём как бы добровольного, это очень тяжело».

Г. Х.: А то, что есть ещё и моральная составляющая жизни большинства народа, ей не пришло в голову? Человеку, сидящему в кресле сенатора, надо бы защищать интересы избирателей, а не наматывать жалость на кулак по артистам, признанным иностранными агентами.

22 апреля 2023 года в Москве прошла торжественная церемония награждения лауреатов главной театральной премией РФ «Золотая маска». Жюри не стало озвучивать имена одиозных «нетвойнистов» – режиссёров Ю. Бутусова и А. Могучего, но их спектакли получили призы. Приз за лучшую работу актёра получил также Е. Цыганов. Его слова: «Я против войны. Вы скажите ещё, что в Донбассе восемь лет убивали людей. Да, но эту проблему должны были решать политики».

Г. Х.: Что ж, браво! Это о том, как выполняются наоборот поправки к Указу президента – награждают лучших «нетвойнистов». Интересно, куда смотрит Минкульт?

Л. Милявская решила выступить не в защиту уехавших коллег, а в защиту певицы МакСим после её скандального выступления в Твери и призвала не осуждать артистов, выступающих в состоянии алкогольного опьянения. Милявская не видит катастрофы, если артист вышел на сцену в пьяном виде.

Г. Х.: А ещё артистам можно попудрить нос белым порошком, выйти на сцену в авоське вместо платья и в итоге получить пару миллионов рублей за тяжёлую, неподъёмную работу. Лолите самой не смешно?

Всем «защитникам» уехавших и оставшихся хочется сказать, что они просто зажрались свободой, если встали на сторону тех, кто выступил против своей страны. Как Иуда предал своего Учителя на страдания и смерть, так его сегодняшние потомки предают свою Родину. Они всё время оглядываются за Запад, но почему бы не поинтересоваться, как поступают с защитниками чужих интересов, например, в Германии? А поступают здесь по принципу: кто не с нами, тот против нас. Выступил против программы партии, против помощи Германии танками Украине или против засилья мигрантов – получил «чёрную метку». На карьере можно поставить крест, и хорошо, если отделаешься штрафом, а то ведь и срок можно получить. О таких случаях пишут редко – их очень мало, но мы ведь тоже не слепоглухонемые, всё правильно понимаем.

То, что пьяные артисты на сцену выходят, – прерогатива Министерства культуры и контролирующих органов. Где они? И почему за рулём пьяным ездить нельзя, а артисту выступать можно? Все мы не без греха, но нельзя путать божий дар с яичницей и на работу приходите подшофе. Можно ли представить пьяным пилота самолёта, депутата, выступающего с трибуны, или рабочего за станком? Нонсенс! Так чем артист лучше? Наоборот, хуже, потому что подаёт дурной пример, в том числе подрастающему поколению. Таких не жалеть нужно, а увольнять и лечить.

Это только про артистов. А сколько их, приверженцев либеральных взглядов, сидят в информационном поле России?

Стоит почитать новости в Рамблере – тут и про положительный эффект женской мастурбации, и что употреблять с похмелья, и про первую невесту Горбачёва, и «бессмертные» высказывания Собчак, и откровения блогерши о возмущении немцев, впервые посетивших Россию. Подобного «мусора» не так много, но он есть. Впрочем, если этот информационный ресурс считает себя с жёлтым оттенком, то может себе позволить и грамматические ошибки с опечатками, и информацию интимного характера, а о культурном суверенитете РФ вообще промолчать.

Ошибки-опечатки – исключительное право качества образования, и оно является обязательной составляющей культурного суверенитета любой страны. Приведу, со слов очевидца, пример обучения в одной из британских частных школ. Обучение очень дорогое, а значит, не для всех.

Школьный процесс длится шесть дней в неделю, классы отдельные – для мальчиков и девочек, как это было в Российской империи. Учёба с 8.00 до 16.00, перерывы между уроками по 10 минут, 30 минут обед, урок 45 минут, в 21.00 отбой. Никаких гаджетов и свободного Интернета в школе. В свободное время никаких мобильных и компьютеров, только по необходимости и с разрешения, основная нагрузка на домашние задания. Никаких татуировок, цепей, пирсингов, браслетов и прочих

тюремных атрибутов. Обязательные предметы для обучения, как в советской школе: алгебра, геометрия, химия, физика, биология, астрономия, география, а также мировые религии и спорт. Никаких уроков ни сексуального, ни дистанционного обучения, запрет на упоминание ЛГБТ и всё, с этим связанное. Отпуск в детских лагерях на берегу океана, затем опять учёба.

Правила одинаковы для любых частных школ, колледжей и вузов Англии (наверняка и других стран Запада). В них учатся дети многих высокопоставленных чиновников России и бывших республик СССР. То есть задан вектор обучения «высших» кадров, которые в будущем будут руководить 90 процентами обучающихся сегодня в общеобразовательных учреждениях по европейским лекалам. Воспитываются господа для рабов.

А теперь представьте, как не хотят чиновники, чьи дети учатся за границей на деньги российских налогоплательщиков, чтобы власть ушла из их рук. Именно поэтому они хотят оставить всё как есть, торпедируют любой указ президента, делают всё, чтобы народ поднялся и скинул Путина. Зачем? А чтобы президент не мешал им пилить государственный бюджет. Чтобы осталось всё, как было в девяностые-двухтысячные. Чтобы воровать, не отвечать ни за что и кататься как сыр в масле.

Читатель думает, что в Германии лучше? Отнюдь. Система «господа и рабы» сегодня отработана во многих странах, и здесь тоже. Достаточно послушать выступления немецких политиков, чтобы понять низкий уровень их образования. Их неграмотность говорит только о том, что они не господа, а проводники их идей, сами же являются только марионетками-рабами. Дети по-настоящему влиятельных людей страны учатся не в Германии, где классы забиты до 60 процентов детьми мигрантов, а в частных школах США, Швейцарии, Англии. Учатся там, где не слышали про 52 гендера, где не целуют ботинки неграм, где точно знают, откуда берётся электричество и что означает разворот на 360 градусов.

На политическом форуме «Валдай» ещё в 2007 году В. Путин сказал: «Суверенитет – очень дорогая вещь, и на сегодняшний день, можно сказать, вещь эксклюзивная. Для России суверенитет – не политическая роскошь, не предмет гордости, а условие выживания в этом мире. Россия – такая страна, которая не может существовать без защиты своего суверенитета. Она будет либо независимой и суверенной, либо её вообще не будет...» Прошло 16 лет, а слова президента РФ актуальны как никогда. Без культурного суверенитета не сложится общий суверенитет страны. Без культурного суверенитета страну выест изнутри ржа западной вседозволенности, отсутствие должного образования, нехватка патриотизма, и при политике общего пофигизма и «нетвойнистов» враг завоюет страну без единого выстрела.

В. Путин включил защиту культурного суверенитета РФ в число целей государственной политики. Со следующего учебного года возвращается в школы совсем забытый, но такой важный предмет, как черчение, что очень радует. Теоретическую базу для улучшения жизни в стране президент подготовил. Остаётся самим не сидеть сложа руки, что и происходит медленно, но верно.

Послесловие: Основной материал готовился в мае, с тех пор произошли некоторые события, не отражённые в статье. Прошу у читателей прощения за возможный неполный охват тем.

Проза

Василий Киляков

Василий Киляков – родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал дежурным электриком, мастером на заводе (почтовый ящик) в г. Электросталь, служил в армии (г. Киев, Киевское высшее зенитное ракетное инженерное училище), фельдъегерем по спецпоручениям Главного центра спецсвязи (Москва), затем – начальник отдела Главного центра спецсвязи, личная охрана, Росгвардия. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 1996 году (мастерская М. П. Лобанова). Публиковался в журналах: «Берега», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Новый мир» и др.

«СВЕТЛЫЕ ДАЛИ» ЕВСЕИЧА

Повесть

Начало. Завершение в следующем номере

Человек – несомненно и безусловно и честен, и прав, когда все как будто бы и «кривые» линии жизни его направлены к пользе народа.

Из размышлений

Наступило жаркое лето, устоялись долгожданные ветреные деньки. Наталья Хломина, всегда опрятная соломенная вдова с приметными, на удивление широкими и чёрными бровями при седых волосах, развешивает на верёвках зимнюю одежду, трясёт, выстукивает, чистит щёткой... И ворчит. И всё из-за этого гадкого полушубка, как она говорила – «энкавэдэшного», пропади он пропадом. Полушубок чёрной дубки Наталья тащит с отвращением, крепко схватив за воротник. Седого молодого барашка воротник – всё ещё остист и колок, – тащит волоком в дальний угол старого сада, заросшего высокой глухой крапивой. Крапива отцвела и поблекла, но всё ещё кусается.

Наталья вскрикивает от боли, чешет ужаленные места, ищет глазами сына. Прикусив от усердия нижнюю крашеную губу, тяжело поднимается на носки, накидывает полушубок мехом к солнцу на дубовые кольца изгороди и пристальным взглядом смотрит на пархатый испод: личинки и порхающая моль. Забыв про жгучую боль и густую крапиву, она кидается с веником в руке за кружащей молью, вскрикивая: «Зараза! Вот пакость-то какая навязалась!»

Единственный сын Натальи, Юра Хломин, сидел на низкой садовой скамеечке под раскидистой молодой яблонькой, глубокомысленно курил, казалось, не слышал голоса матери.

– Иди-ка глянь-ка! – вскрикнула Наталья. – Ты только полюбуйся на своё!.. – теряя терпение, звала она Юру. – Полюбуйся на своё имущество!

Юра в синих широких армейских трусах, босой, ровной мягкой походкой военного подошёл к матери, разводя крапиву по сторонам. Наталья, запрокинув седую голову, посмотрела на сына, как на высокую гору или на вершину высокой яблони. Карие у неё глаза, пронзительные.

– Вот, полюбуйся... Нет, ты на рукава погляди... Наказанье. Сил моих нет воевать. И никакая отравка не берёт: ни антималь, ни табак, ни керосин, ни лаванда, ничего, хоть плачь! И висит, и висит. И не нужен вовсе он, этот полушубок. Моль кинулась на зимнюю одежду, шапки, ковры, до сапог добралась... Нет, ты не отворачивайся, ты гляди! Всё сожрёт, останемся без шапок, без воротников... Нынче, сам знаешь, одежонка-то кусается, поди-ка купи её, зимнюю одежонку...

Наталья выговаривала, строчила как из пулемёта, скороговоркой. Юра, не говоря ни слова, полез пальцами в ворс. Уж как неказист, кургуз полушубок, рукава залоснились, блестя на солнце, засмоленные грязным блеском, кое-где из прорех выбивался наружу седой ворс. В подмышках начисто выпал и только на спине и подоле всё ещё был тоже жёстко остист. Даже неопытным беглым взглядом можно было определить, что полушубку лет пятьдесят, а то и шестьдесят.

– ...Доброго слова не стóбит. Кинь на дорогу – ни единая душа не подберёт, – ворчала Наталья, брезгливо тыкая веником в личинки и серый помёт. Кобелю на подстилку не годится...

Юра молча глядел на полушубок, думал о чём-то, покуривал. И вдруг, на удивление матери, запел тихо, нудно:

Моль, моль, вредная букашка,
Моль, моль, маленький жучок, –
Где ни сядет – всюду тянет,
Тянет и сосёт...

И эта глупая, не к месту песня почему-то доконала, взорвала Наталью. Карие глаза её налились слезами.

– Запоёшь зимой-то! Запоёшь по-другому, – не спуская с сына глаз, запричитала Наталья. – Копила, собирала по рублику, каждую тряпочку берегла, сэкономила. Ты погляди на мою шапку, она денег стоит! И всё из-за какого-то полушубка военного, энкавэдэшного...

– Да брось ты, мать, – отзывался шутливо Юра, обнимая Наталью за плечи... – Это же вещи, покупаются и продаются... Вещи не стоят слёз.

– Да?! Не стоят слёз? Ка-акой богач! – Наталья раскинула короткие, маленькие, как ласты, пухлые белые руки. – У тебя же ничего нет, гол как сокол, а тебе жениться надо, семью заводить... Отвези ты его, за-ради бога, владельцу, – скидывая с плеч тяжёлую руку сына, взмолилась Наталья.

– Ладно, отвезу, говорил же – отвезу...

– Когда? Отвезёшь-то?! – смаргивая набегавшие слёзы, твердила Наталья.

– Сам попрошусь в командировку, замену кого-нибудь из наших. Да и пора навестить старика, отблагодарить...

– «Отблагодарить!» За что? За моль? Говоришь чего-то как пьяный. Ходишь по саду как во сне... Женить тебя надо, вот что...

Полуденное солнце палило и жарило. Старый сад блестел листьями, млели головки ярко-алых роз, в юбках соцветий и в цветах работали пчёлы. Сквозило в густоте яблонь и груш – ясно и мило – такое близкое, точно стиранный хлопок – синее небо. Не смолкали голоса птиц. Юра отыскал в сенцах бутылку с керосином, ветошку, распластал полушубок и принялся чистить, протирать загаженный ворс и верх чёрной дубки. То сидя на пятках, то на коленях, он хлопотал над полушубком, и тут глубокое раздумье застигло его. Он не чувствовал ни запаха старого полушубка, ни керосина, не видел матери, горестно глядевшей на него. «Моль, моль... – тихо пел Юра, – моль, моль, вредная букашка...»

– Он живой ли, старик-то? – успокоившись и устроившись на ступенях крыльца, спросила мать.

– Какой старик?

– Да этот, который дал тебе полушубок-то, в Заозёрье-то?

– А-а! Дядя Фома-то! Фома Евсеич... Живой, вот только болеет... Ко Дню Победы, ты же знаешь, письмо прислал. Поздравил и меня. И про полушубок помянул, оставь, мол, на память...

– Нет уж, не надо, скажи: спасибо. Он что же, инвалид, что ли?

– Инвалид. Всю войну прошёл от звонка до звонка и после войны хватил лиха, бандеровцев ловил, «лесных братьев».

– Офицер, энкавэдэшник?

– Да, до сих пор в штанах с лампасами ходит, знаешь, в таких... тёмно-синие с голубыми тонкими полосками. Хороший, душевный старикан. С таким я бы пошёл в разведку, жаль, что мало у нас таких стариков осталось.

– Про них вон нынче говорят и пишут не больно того... Пишут, какие герои они были. Убивали ни за что ни про что, издевались над заключёнными, душегубцы. Даже песню сложили такую, баба в короткой юбке, исподнее видать, поёт и пляшет: «А ты – не лётчик...» И прочее такое. На работе как слушаешь разговоры...

Юра поднял голову и искоса взглянул в лицо матери. И тут Наталье надо бы помолчать, а она понесла без остановки:

– ...Как же, читала! И начальство энкавэдэшное всё подлое... Ежов, Ягода, Берия... Наворочали дел, волосы дыбом. Вот я и думаю: полушубок-то, может, в крови людской, невиноватой? Вот она, моль-то, и точит, она не дура, видать, моль-то... Точит в отместку. Чует кровь.

– Чево, чево-о?!

И тут Юра, как говорят в таких случаях про молодых, горячих, закусил удила. Сжимая ветошку с хрустом в суставах, простуженных в армейских караулах, – так, что меж пальцев потекли грязные ручейки, резко встал, порывисто кинул мокрую тряпку на полушубок, шагнул к матери. И, оседая, заглядывая в глаза матери, зло и по-солдатски отчётливо заговорил:

– Слухи? Всё слухи! Все Разгона читают, проштудировали *Архипелаг*, да Шаламова. Это его «Непридуманное» – и я читал. А там одно только и есть про то, как Лев Разгон обиделся... На всех обиделся. На советскую власть. Сел за тестя, за сомнительные делишки, и рассвирепел. Они все обиделись, когда их за ж... взяли. А когда в Кремле они пили, гуляли, с бабами красивыми спали, подворовывали – тогда они, конечно, молчали. Это ведь они, молчуны, сластолюбцы, наплодили ежовых, берий, ягод. И других воспитали, помельче, но ещё более жестоких, неумолимых, бессовестных... И на кого всё свалили? Я так спрошу: на кого всю вину свалили?! На Сталина. На мёртвых валить безопасно. Труссы они...

– Да что ты, что ты?.. Ты с ума сошёл, что ли? Чего ты на мать-то орёшь... Я тут при чём?

– Не знаешь? А ещё всё свалили на стрелочников, на «вертухаев», «малорослых», «рябых», «коротконогих», на тех, кто вовсе не при делах. И на того, кто на остановке снимает с себя полушубок, как ты говоришь, «энкавэдэшник» и спасает от неминуемой инвалидности твоего сына, а то и от смерти. И кого спасает? Совершенно незнакомого. Меня вот, например. И ты знаешь об этом, помнишь, как я поехал в полупальтишке, в полупердончике и в ботинках. У меня, кроме этой одёжки и обуви, не было ничего. Да я уже чувствовал: замерзаю, не выжить. И стояли, и мимо проходили. И вздыхали, и сочувствовали. А вот этот «энкавэдэшник», «вертухай», инвалид – снял с себя вот этот полушубок, надел мой полупердончик. А уже ночь наступила. До посёлка добрых три километра. Да и гостиницы там нет, завод номерной, Сибирь, не пустила и в проходную погреться «вохра». Даже удостоверение не помогло. А там, в удостоверении-то, написано: «Оказывать всемерное содействие и помощь фельдшеру в исполнении возложенных на него обязанностей...» Не стало власти, и удостоверению веры не стало. А с ним, с «энкавэдэшником» – пустили. С одного слова, с одного взгляда. Вот тебе и «вертухай», вот тебе и надзиратель-конвоир-надсмотрщик.

– Ты говорил, я вспомнила... А что же по удостоверению не пустили?

– Такое удостоверение, так уважают государевых людей на службе и при исполнении с некоторых пор... Сказали, в любой подворотне напечатать такое «влёгкую можно теперь». Нет уж, выслушай, а то забудешь опять. Так вот, этот энкавэдэшник убедился, что сходить мне некуда, в морозную зимнюю ночь сибирскую. В автобусе уговорил меня ехать к нему, одинокому больному человеку. И там он налил тазик воды холодной для ног и отмачивал обморожения мои, потом выпросил у соседки-староверки гусиного сала, смазал ноги и руки спас мои тоже. И под этим полушубком я спал до утра... Едва-едва отошёл я, отогрелся...

– Я вспомнила, не говори, ты же не был таким...

– Нет уж, слушай. Ты хотела сказать: не был таким жестоким? Ведь так? Я жестокий весь в своих родителей, в тебя... В мир этот жестокий. Вон наш сосед, три ходки сделал и всем говорит: «...ни за что сажали...» А напротив живёт ещё один, матрос, весь зад, как говорят, в ракушках... Тот, что на деревянный бушлат дышит лет уже десять, а как выпьет, всем рассказывает, плачет: дважды давали по пять лет, сидел «от звонка до звонка». Обижен он? Обижен: «а за что посадили?» – «да, украл, но ведь и копейкой не попользовался!». А украл на миллионы... Тогда и взяли. А теперь время иное пришло, «во всём Хозяин и его окружение виновато», вот и отпустили. Теперь их тысячи, развели жулья. Они, как вот эта моль на полушубке, – всё источили, испортили, обожрали.

– За что он сидел-то? Анисим-то?

– И совсем ни за что! Отец и братья валенки катали, нужна была шерсть. Он был снабженцем. И с «шубно-овчинного завода» машину шерсти увёз. Накрыли. Пять лет.

– А второй раз?

– А второй раз тоже, в прошлую войну, – машину американских консервов – тоже червонец. Ну, это далёкий разговор. Давай-ка о нас поговорим. Так вот, я, твой сын, тоже «энкавэдэшник»? И вот такие носил полушубки. И служил в конвое... Выходит, и на мне кровь «невинная»?

– Ты же писал, что служишь в унутренних войсках...

– «Унутренних»... Это они теперь «унутренние», а тогда их называли «энкавэдэ». От названия ничего не меняется. Служба одна и та же. И что? Оказывается, я, восемнадцатилетний, по нашей

Конституции обязан был служить, с меня взяли клятву на верность родине и народу и обязали охранять заключённых. Почему? «Обязан»? Кто обязал? Народ, закон, Конституция. И почему этим «поганым» делом должен был заниматься именно я? Заключённые воровали, убивали, насиловали, а я, деревенский парень, который до службы ни сном ни духом не знал про эти их дела и делишки, – и должен, и обязан даже с ними мёрзнуть, кормить комаров... А? «Вертухай» – они не убивали, не грабили, не насиловали, а, оказывается, «обязаны» мёрзнуть с этими негодями разного масштаба – страдать, голодать, кормить мошку и наживать болезни? Почему так, а? А ещё бывает – и жизни лишаться. За что? Во имя народа? Чем же одарил их народ? Почестями, наградами, может быть, добрым словом?! Нет, «энкавэдэшник», «вертухай», «малорослый», «кривоногий», «серый», «стояк»... Вот и вся награда! И выходит так, что и родная мать и та не понимает и говорит про своего же сына хрен знает что...

– Не говорила я... Не знала я, чего это ты... Вот окрысился на мать родную.

Юра с нервной дрожью гнутыми пальцами вытащил сигарету, чиркнул зажигалкой, закурил и, выпуская синий дым, нервно раздувая ноздри, вдруг почувствовал какую-то острую внутреннюю пустоту, тоску. Ясно ощутил, что бесполезно кому-то и что бы то ни было объяснять, даже и матери. И опять, как уже много раз в жизни, почувствовал холодок мертвящий одиночества.

...Шум сада, блеск солнца, шелест трепетной листвы... А он как будто заглянул в пропасть...

...У Натальи всё валилось из рук, жалела она, что связалась в воскресенье с сушкой одежды, завязала разговор о моли, этой вездесущей моли... Не даром же верующие люди в воскресенье отдыхают, не работают. Грех...

– Что правит миром?... – сдерживая волнение, кликнул Юра.

– Ой, отвяжись за-ради бога... Уже и сама не рада, что упрекнула тебя тулупом этим.

– ...А я тебе скажу, что правит миром: жестокость! Должностные лица «в рамках закона», преступники в беззаконии. Чиновники всех ведомств – личинки, и «интеллигенция» так называемая – те же личинки. Моль, порхающая на просторах философских идей. Из них лучшие-то – как раз и «вертухай» простые. Они следят, чтобы эта зараза, эта моль не расплодилась по всей стране. Они жизнями своими рискуют. Судьбы у всех поломаны, условий никаких. А благодарность, ну, кто они, так сказать, «в миру»: «Цербер, Гоблин, Торчок, Шустряк, Стояк, Нянька»... Интеллигенция... Она и развалила империю, по сути, совершила суицид. Она, интеллигенция эта самая, – она же не кормит даже и себя, своими руками, мозгами... не то что ещё кого-нибудь. Потребляет труд других... «Трутни. Моль»... А претензии?! Сталин – чудовище»... Если поверить, даже настолько сойти с ума, что согласиться даже... Но кто же тогда шесть миллионов доносов друг про друга настроил? Сталин, так, что ли?

– Далеко тебя понесло, стыдба моя... Хватит на сегодня, давай-ка лучше закончим с одежкой. Больно уж далеко шарить, в историю дальнюю. Да успокойся, уймись, люди мимо ходят, совестно...

– Можно и поближе, не на историческом, а на семейном, так сказать, уровне... – Юра сел на тёплую траву, банку с керосином отставил в сторону, чтоб не воняла, – можно и с нас с тобой начать, с нас самих, это поближе. Вот вы – отец и мать, мои родные, кровные... Сколько помню себя, всегда ссорились, не проходило выходного дня, чтобы я не убежал от ваших скандалов. Вы постоянно чем-то были недовольны, что-то делили, считали деньги, расходились, сходились... И когда я возвращался домой вечером – срывали зло на мне, это как? Не жестокость?

– Что ты, какая жестокость? Тебя ни разу ремнём не били ни отец, ни я...

– Вот видишь, мама... Прости, но ты и сейчас не понимаешь, о чём речь. «Ремнём не били...» А жил я среди вас всегда как избитый. Вам вместе всегда было тесно. И вы, наконец, разошлись от греха. До беды недалече было, перегрызлись бы, а то и хуже – ножами бы перерезались... Конечно, делёж приспел. Квартирка в городе. Наследство.

– Нет, ты невыносим, я больше не могу слушать. – Наталья вытащила из-за пазухи платок, и слёзы душили её. Сморкаясь и всхлипывая, зачастила: – Я только и живу для тебя, каждую копейку берегу...

– Мам...

– Перестань, ради бога, прошу тебя... Вот ты – так уж действительно жестокий. Испортили тебя... в армии...

– Не знаю, что меня испортило и кто. Дом или Княжин Погост. А может, я просто слаб. Слаб в коленках, как говорят. Надо бы сдерживаться или пропускать мимо ушей. Но ты же мне залезла в душу вместе с полушубком и молью на нём... «Энкавэдэшник», а сами-то праведники, так, что ли?..

Наталья ручьём разливалась, плакала. И небо уже не казалось близким и голубым. Всё казалось чужим, враждебным – и сын, и ослабшее это солнце, и кривые тени деревьев, косые и спутанные. Листья замерли, как перед грозой. Загорелось единственное стекло амбара ослепительной позолотой. С центральной улицы пробивался шум троллейбуса, а тут по деревянным тротуарам стучали каблук прохожих, равнодушных и к ней, и к сыну, и друг к другу, ко всему...

Тревожный день завешивался багровыми облаками, а в саду стоял полусумрак от густого вишенника. Пьяный сосед, держась за частокол, пробирался к своему крыльцу, а кобель, дремавший возле конуры, вдруг кинулся на пьяного, дёргая и гремя цепью, угрожая сорвать натянутую проволоку.

– Сволочь... – выговорил пьяный и загнул такой мат, отыскивая глазами камень, что запутался сам, забыл, что плёл и в чём упрекнуть загадал соседей.

– Отрыж! Фу! – крикнул Юра на рыжего кобеля-алабая. Так громко и неожиданно, что Наталья, сидевшая на скамейке у крыльца, вздрогнула и поспешила в сенцы, громко хлопнув дверью.

– А-а, гэбэшник, – трудно ворочая языком, простонал сосед, вцепившись в городьбу грязными, в наколках руками. – Дома сидишь, сад караулишь? Шмотки?

– Иди, иди, душегуб! – сдерживаясь, чтобы не двинуть соседа, отвечал Юра. – Иди, а то до крыльца не дотянешь...

– Уб... Убери кобеля, а то застрелю... У меня ствол есть, в два счёта уработаю.

– Тебя самого давным-давно надо бы застрелить, шкуру, целешник. Четвёртая ходка тебя ждёт, и пересылка на колених. Распустили вас, Сталина на вас нет, он бы тебя прижухнул.

Кобель кидался на пьяного, Юра с трудом держал его за ошейник. Хлопнув щеколдой, из дверей выскочила соседка и закричала на Юру матерно, тоже вечно пьяная, сухоногая от запоев и дерзкая, – она у него пятая, он у неё шестой. Нюра сидела два раза, и всё же в торге работает.

– Собакой травить?! – нарочно орала она на всю улицу. – Гэбэшники проклятые! Сейчас на вас управа есть, отошло ваше время! К стенке вас, к стенке...

И тут быть бы драке, если бы не Наталья. Спотыкаясь на дорожке, она успела добежать до Юры, озираясь на собравшихся прохожих. И странно было слышать беспорядочные разговоры случайных людей: обвиняли не синюшников, не пьяниц, а Юру: «зачем связался», «пьяного Бог сторонится»...

– Пойдём, пойдём домой, – тащила Наталья сына... – Ишь, народ собрали... Пойдём же...

А соседка-маруха, спала ли она до того, загорала ли, – кто её знает, сама как с цепи сорвалась: в купальнике на маленькой, высушенной зоной груди, в трусиках, едва-едва прикрывающих её, забыв про кобеля, изводилась на брань. На ляжках, возле «родимой», наколка: «Свобода!», чуть ниже пупа – «Равенство!», а на груди – «Братство!». И приняла от «супруга» папиросу, оторвав зубами бумажный мундштук, сплюнула. Жёстко затягиваясь дымом, по-мужски отставив в сторону ногу с крашеными ногтями, продолжала:

– Людей собакой травят. Я его отравлю, твоего алабая. Пойдём, Коля, пойдём, милый... Власть взяли гэбэшники-суки, опять их взяла... Ничего, ничего, труп... Трупоеды... Пожиратели невинных и сирот. Мало они народа постреляли, в ямы закопали, теперь собак завели, падлы, на людей направляют...

Послушного, с мокрой ширинкой, невменяемого Колю соседка тащила, оглядываясь, встряхивала супруга, напившегося без неё и нависавшего с мотавшейся головой и с полубутылкой недопитой в кармане. Ей помогали сердобольные, неодобрительно поглядывая на Юру и Наталью.

– На-ка, на-ка, я и тебе оставил, Нюраха. Я человек и ты человек! Мы люди, а остальные – гэбня!.. Су-уки... Гэбэшники... – еле ворочая языком, матерился Коля в короткие минуты передышки. – Всех на печь загоню, будете сухари грызть, су-уки...

...В дом пришли сутемки, темнело от надвигавшихся туч. Наталья налаживала ужин. Юра надел штаны и рубаху, в шлёпанцах вышел в сад таскать одежду. Солнце уже закатилось, и небо поблёлкло и приблизилось. Ныли комары. Липли к голым местам, жестоко впивались в руки, лицо, шею. Юра охапкой затащил в дом одежды, вышел в сад, сел на любимую скамью в ожидании ужина.

Был весенний час медленно умирающего дня. Ни единый лист не шелохнётся, не вздрогнут головки роз, роняя лепестки. Лишь изредка сорвётся яблоко, хлыстнет по листьям и упадёт с глухим стуком, где-то пропоёт мотором легковушка, и снова тихо так, что слышно отчётливо, как трещит на реке чей-то спиннинг.

В сознании всё ещё неприятно ворошились события дня: моль, полушубок, мать, Коля и маруха его с наколками. И томила тоска от этого разительного контраста существования: чарующая природа, созданная Богом для благих дел, и... вот они, эти люди.

Стукнула створка окна, мать позвала ужинать. Юра тяжело, как старик – болели обмороженные ноги, встал со скамейки и пошёл в кухню. Ели молча гречневую кашу, запивали молоком.

– Прости меня за-ради бога, сынок... – отводя в сторону взгляд, сказала мать. – Я найду место для полушубка, пусть лежит в сенцах.

– Это ты меня прости, мама... Я не сдержался... А полушубок я завтра отвезу старику, выкрою командировку. Дед Фома хоть и не велел возвращать полушубок, всё же чужую вещь надо вернуть. Да и совестно: старик, надо навестить, как сына меня привечал.

Так они сидели в полутьме – родные, близкие друг другу люди. Юра обнял мать, ощущая этим объятием всю её, лёгкую, незащитную, хрупкую. Каждую косточку её и стать.

– Собрать тебя, что возьмёшь?

– Да ничего, полушубок заверни. В какую-нибудь чистую тряпицу – яички, колбаски, сальца. Завтра я что-нибудь выпить куплю ему, гостинец. Коньячку французского было бы неплохо.

– Это за двадцать тыщ? – обмерла мать.

– Дешевле хорошего не купишь.

Юра укладывался спать. Мать всё ещё хлопотала по дому: хлопала крышкой кованого сундука, скрипела дверью, звенела посудой. И вновь Юре стыдно стало за раздор с матерью и за то, что связался с соседями. Завелась теперь привычка думать по ночам, когда хоть глаз коли – темно... И вновь видел он эти лагеря, надоевшие по срочной службе... С дремучими лесами, с опутанной проволокой-запреткой, с эсками на крышах барачных, машущими шапками проходящим мимо зоны поездам и пролетающим самолётам. Корявые хромые вышки по углам зоны, серые заключённые с картузами, которые сами эски почему-то называют «пидорками»...

«Истрепал нервы или приобрёл чувствительность в этих лагерях? – думалось Юре. – Кого в самом деле больше наказывали, заключённых или нас – бедолаг? Впрочем, и прапорщики и офицеры живут не лучше вояхры солдатской. Те хоть могут уволиться вчистую на «дембель» или по болезни, если постараться, а офицеры? Ну чем они провинились? Двадцать пять – как медным котелкам греметь до пенсии. Глядеть каждый день на серых, злых, ненавидящих всё и вся “з. к.” – насильников, воров, убийц. Водить их под конвоем и всегда чувствовать опасность – в любую минуту, в любой миг быть посаженным на какую-нибудь заточку арматуры или получить в бок электрод, нож, а то и пулю. И такая короткая жизнь, и много передумано, и пока что ничего светлого. Нет чистого ничего, а всё какая-то грязь. “Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок...” Может быть, поступить в институт, хоть бы попробовать? Попытка не пытка...»

– Юра, сынок, спишь?

– Не-ет, а что?

– В сумку уложить полушубок или в рюкзак?

– В сумку, ту, что с ляжкой.

– Ладно, ладно, спи...

В понедельник Юра Хломин пошёл к начальнику Филипенко. Начальник, маленький, толстый, с кудрявой головой, неестественно белыми руками, неприятно тонкими и такими нежными, что можно было сосчитать каждую жилку, – начальник был на месте. Юра знал переменчивость настроения его: то на удивление весёлый, беззаботный, такой, что «всё до лампочки», то не в меру и даже напоказ властный, жёсткий – не начальник, а плохо обработанный после родов пупок младенца: как ни прикоснись к нему – всё не так и с болью. (Начальника так и звали между собой – Пупок.) В такие дни к нему не подступись: этот «Пупок», «Чайник», маленький тиран становился упорен. «Я сказал...», «Я не потерплю...», «Я не люблю, когда в моей тарелке ночуют мухи...» И так всё: «я, я, я...» И все знали: выдвинуло его начальство под досмотром родственника из полковников-отставников. Ждал он повышения, подъёма по лестнице того же «курятника» – того самого, где стараются, по его же словам, как на насесте, на птичьем базаре: взлететь повыше, клюнуть ближнего и обгадить нижнего.

Юра пришёл на службу в центр спецсвязи рано. Поставил сумку-«самосвал» возле двери, рядом с мусорным ящиком, чтобы не было слышно керосиновой вони от полушубка. Сам присел за рабочий

фельдьегерский стол (стол сварен со стулом вместе). Здоровенные грузчики-ребята, ходившие туда-сюда с автоматами, дула которых тупо торчали вниз из-под защитного цвета бронежилетов, – поздоровались сочувственно (с утра к начальнику, значит, у парня неприятности). «Идти или не идти?» – вертелась в голове мысль. Вовремя войти – значило добиться желанной командировки.

Между тем солнце разгоралось. Лакированные стенды – с указами, приказами, законными и подзаконными актами под стеклом – горели жарко и ярко, пахли подсолнечным маслом – от распущенной жарой краски в недавно выкрашенном коридоре. Постучав в высокие двери, оклеенные «под дуб», он услышал «да». За дверями была ещё одна дверь. И эти двойные двери начальства были особенно неприятны, они как будто задуманы были предупреждать, что ты гораздо меньше, чем тот, к кому ты идёшь. Открываешь дверь, ожидаешь увидеть начальника, а вместо этого – тупик и опять дверь, от подслушивания, что ли? Или так: открыл решительно первую с твёрдым намерением найти правду, а вместо кабинета – вот она, вторая тут и есть. В молчании незыблемом своём предупреждает категорически от глупостей: «Ты куда, и оно тебе надо? Не ходи, остынь, подумай, не трать нервы. Всё равно справедливости не найдёшь...»

За вторыми дверями, на той стороне стола подле стопки бумаг сидел шеф. Окна были раскрыты, и тут тоже светило солнце, а из кондиционера капало на подоконник в оцинкованное ведро – дистиллятом. Словом, всё так, что невольно думалось: «Неплохо устроился и этот...»

– А-а-а, Юра, проходи, садись!

Начальник отложил ручку в сторону, серо-зелёные глаза его блеснули. На широкое, бледное, одутловатое бабье лицо просочилась улыбка. На начальнике белоснежная рубашка с обрезанными выше локтя рукавами, подтяжки были так натянуты, что, казалось, вот-вот лопнут; брюхо так и просилось на низкий стол. Сцепив узкие руки замком, шеф улыбнулся, показывая мелкие хорошие зубы от умелого стоматолога. Пахло дорогим, тонкого аромата одеколоном «Консул».

– Сижу вот, как каторжный. Та республика отделилась, эта стала автономной. Названия городов меняют, улиц – тоже. Теперь уже не Кишинёв, а Кишинеу, изволь посылать отправления как хочешь, а попросту говоря – швах. – Он говорил тихо и значительно. – Сижу и подновляю в местных инструкциях кое-что о правах и обязанностях в службе спецсвязи. Новый план инструкций. Ты парень шустрый, вот послушай, что не понравится – поправь.

И начальник начал журчать тихим прозрачным голоском, таким казённым и скучным, что Юра беззвучно, как говорят, – «маленьким язычком», начал ругать себя за вход к начальнику. И когда тот закончил и выкатил на Юру большие, тёмные, с белками, как облупленные яйца, глаза и молча как бы спросил: «Ну, каково?»

– Годится, – сказал Юра. – Только вот что-то прав мало, а обязанностей навалом. Никто не пожелает жить по новой вашей инструкции. Но примут, конечно. А куда они денутся. Будут молча недовольство копить. Незаметно. И не поймёшь, кто преданный работник, а кто только притворяется таковым. Кстати, стало известно недавно, целое открытие: у нас же не только братья Черепановы да Кулибин были... А и аппарат рентген как таковой, оказалось, изобрёл... кто?

– Кто? – удивился начальник. – Рентген и изобрёл. Нет? А кто? Кюри? Тоже нет?

– Достоверно доказано: Пётр Первый. Он боярам так напрямую и говорил, в семнадцатом веке ещё: «Я вас всех, дармоедов, насквозь вижу!»

Шеф прыснул в руку. Юра, стараясь держать серьёзную паузу, продолжал:

– Как повторял наш «кум» коротко, но принципиально по поводу всяких там инструкций: «У каждого подчинённого есть только одна-единственная, раз и навсегда заданная, нигде не написанная обязанность – казаться глупее своего начальства».

Юра передал слова «кума» со срочной действительной службы как-то ровно, точно инструкцию читал, и никак не ожидал взрыва хохота начальника: шеф откинул голову назад к отвалу высокого кресла, круглое брюхо заколыхалось над столом, как шар, начинённый гремучим газом. «Ха-ха-ха-ха, ха-ха-ха», – надрывался начальник. – Пётр Первый, рентген... Это так точно, ай да кум!»

Знал Юра слабости шефа, – большой любитель «травить» и слушать анекдоты, он записывал их в блокнот, – нравились ему долгие разговоры о слухах и происшествиях. Шеф отхохотал и невольно заразил Юру хорошим настроением. «Ну, угостил, – смахивая костяшками пальцев слёзы, говорил шеф. – На весь день зарядка. А то сидишь тут, как чернил выпил... Юморист ты у нас, ей-богу, хорошо подпустил... А кто это твой кум-то?»

– Кум-то? – улыбаясь, отвечал Юра. – Лагерный начальник по режиму. Это его так «з. к.» звали.
– Поеду в Москву, – не слушая уже Юру, сказал начальник, – своему патрону про обязанность расскажу. «Насквозь вижу...» Да... Хоть посмеётся...

– Не советую. – Юра попросил разрешения закурить и, пуская дым в растворенное окно, думал о командировке. – Не советую, и вот почему: примет на свой счёт, может подумать, что это про него.

– А ведь верно, чёрт! Вот нарвался бы! А ты сказал, надо понимать, про меня?

– Да ну, что вы... Так отбарабанил. К инструкциям вашим пришлось к месту.

– Ну, ну же... Ты зачем пришёл-то? – спохватился шеф, улыбку на его лице как рукой сняло.

Юра начал рассказывать, заходить со всех сторон, напомнил, как был на больничном, обморозился, будучи в Заозёрье, в этом медвежьем углу...

– Помню, вспомнил! – остановил начальник Юру. – Ну а чего сейчас-то надо?

– В командировку попасть в Заозёрье опять. Полушубок чужой отвезу, а заодно и с делами, какие есть, постараюсь управиться...

– Делов там – тьма тьмуцая! – перебил Юру шеф. – Чёрт бы побрал эту конверсию и космическую программу – вместе взятые. Туда надо мешок «секретов» посылать, да нет возможности. – Да ради бога, ради бога, поезжай, пропади оно пропадом это Заозёрье. Самолётом или поездом желаешь?

– Самолётом, – просиял лицом Юра, – самолётом!

Шеф надавил на кнопку, проговорил по «матюгальнику»: «Настя, слушай... Выпиши Хломину Юрию командировку на три дня с сегодняшнего числа... На завод пэ-я пятнадцать. В Заозёрье командировочное предписание заготовь и билет закажи...»

– Самолётом, – подсказал Юра.

– Билет закажи самолётом, знаешь через кого?

– Знаю, будет сделано, – ответила Настя малиновым голосом.

Когда начальник говорил по селекторной связи, Юра подумал: «Ляд его знает, это начальство! Всё оно может, если захочет. Вот он, пупырышек, пупочек, чайничек, а куда там! Везде у него свои, все его знают в этом городе, “суметь” и “достать”, “заказать и подсказать” – самые любимые его слова, не сходят с языка...»

– Ну вот, и дело в шляпе... – потягиваясь и зевая, сказал шеф. – Скоро у нас отберут этот маршрут, этот куст малиновый, решают... Конверсия, понимаешь. «Росатом» теперь под себя всё гребёт, да хоть бы и отобрали, всю плешь проело это Заозёрье. Как командировка – жди неприятности. Ты там поосторожнее, в посёлке что ни дом – химики или бывшие зэки. Завод строили и осели там. Да староверы бывшие, тоже непростой народ. Прямо рок какой-то. Да вот с тобой случай – ты обморозился, а прошлой осенью там у Гали Савиной украли метиз¹ с приборами образцовыми, с клеймами. Верно, думали, что там доллары... Ведь выкинули же, гады, за ненадобностью, в чистом поле. А меня за горло по этим делам. И чуть не судили. А лет пять назад, в самый разгул «химиков», произошёл такой случай, до сих пор верить не хочется...

И тут шеф захохотал, и хохотал так долго и заразительно, что и Юра хмыкнул – уж больно потешен был шеф, – прикрыл рот и подпёр кулаком. Юра знал таких рассказчиков: ещё ничего не рассказано, а сами уже заранее смеются. Смешно.

– Про печёнку слыхал? Нет? Что, наши старые работники не рассказывали? Ну и дела-делишки. Я тебе расскажу, а ты слушай и, когда Надя ответит нам, жди. – Он нажал кнопку связь-аппарата. – Дело было в апреле, в самом начале... Послали Саню Сапунова в командировку в это самое Заозёрье, пэ-я... Ну, послали и послали, дел-то малая тележка. Вернулся он чин чином, отчитался, всё пучком, а где-то уж в мае, – тут шеф развёл голые, по самые подмышки, руки, блеснул широким золотым кольцом и перешёл на шёпотный крик: – в мае, в середине, к прокурору меня самого... А я тогда отдел возглавлял, старшим диспетчером был. «А меня-то за что?» – думалось. И чёрт его не знает, аж затосковал я: через день да каждый день к прокурору, к следователю, в суд...

Юра, отслуживший в конвойных войсках, сидевший битый час в этой жаре, знавший десятки жестоких случаев, склонность шефа к подобного рода анекдотам, – Юра, пристально ждавший ответ секретарши, вновь пожалел, что невпопад зашёл к начальнику. Любые упоминания о жестокости после вчерашнего разговора с матерью – пулей ранили молодое сердце. Он не любил рассказчиков

¹ Метиз – спец. термин. В службе фельдъегрской и специальной связи отправление – «металлоизделие», упакованное по нормам спецслужб.

грязных историй про то, как они спали с чужими жёнами, как брались за ножи и топоры, – всю эту людскую немочь и нечисть.

– За-гас-ка-ли! – шоркая по нерусским кудрявым волосам и выкатывая белки больших турецких глаз с тёмным райком, сипел шеф. Юра видел своё отражение в этих глазах.

– И что?

– Да вот слушай, не перебивай. Уж после-то мы смеялись над Саней. А и началось с малого: Саня нашёл квартиру у бездетных молодых из химиков. Из бывших. Они купили дом у старика возле завода, а утром, чтобы поспать подольше... Саня и клюнул на эту удочку: близко от завода. А с завода и сейчас-то спиртшко потаскивают, а тогда-то, в ту-то пору – залейся. Детали спиртом промывали в специальных ваннах и сливали в канализацию. Ну, сам знаешь, в лаборатории инспектору-поверителю норовят угодить, умаслить, чтоб поменьше браковал. Саня и потаскивал спиртяшку, точнее, ему проносили через проходную шустрые киповцы. Расплачивался он с хозяином спиртом каждый день...

– А чем дело-то кончилось, за что судили-то? – не терпелось уйти Юре. Он знал давно и многое про спирт, и про киповцев, и про химиков...

– Когда потащили к прокурору, к следователю, я Саню спрашиваю, мол, чего натворил-то? А он и сам не знает, мотает головой как зарезанный. И что? Саня закончил командировку, уже вечером пришёл на квартиру, а хозяин жарит и парит, отъезд собирается отмечать, печёнку жарит. Саню зовёт к столу. Саня выставил фляжку фасонную спирта, – знаешь, такие фляжки есть, дугой, чтоб незаметно пронести в кармане.

– Да, знаю, знаю, ну и что случилось-то?

– Да препоганое дело! Этот химик, хозяин-то, застукал свою бабёнку, сожительницу, с любовником!

– И только-то! – воскликнул Юра и подумал: «...чёрт его знает, скучно, что ли, ему от безделья, разговоры разговаривает. Хорошо как всё устроили для него – его дяди...»

– Да ты слушай, – обиделся тот. – Застукал химик свою шалашовку на самом хорошем месте, на софе, да не одну. Мужик выскочил, вынес оконную раму, хоть и стеклом порезался, а ушёл, успел. Пока химик топор из-под печки доставал. А сожительницу порешил на месте, изрубил на куски, сложил в подполье, а печёнку зажарил... Пьют они с Саней спиртшко, а под полом – баба изрубленная... А они печёнкой бабьей зажёвывают...

Юра заёрзал на стуле. Какое-то мерзкое отношение к людям рождалось в его душе, когда он глядел на шефа, на его короткие, похожие на женские мягкие запястья, эти холёные руки, на широкое кольцо, такое блестящее, что оно от брошенных на него теней и отблеска солнца казалось помятым... Рубаха с коротким рукавом выглажена в стрелочку. Жена заботится, ценит, видно... Но как же может она жить и уважать такого...

– Это анекдот? – спросил Юра.

– Ещё раз спроси! – обиделся шеф. – Не веришь – познакомлю тебя с Саней, дело прошлое, расскажет. Да вот хоть нашу приёмщицу спроси, Марию Петровну...

– Не надо, зачем. Ну, а как же нашли, узнали этого печёночника-то? Хозяина-то?

– Да очень просто. На лесной поляне в мае кисть руки нашли. Ночью, видно, перекладывал из подпола, торопился. Да и земля была мёрзлая. А тут соседи: баба пропала. Он спохватился, сам и заявил в милицию, мол, жена пропала, ищите, я тоже искать буду...

– И что ему дали, химику-то?

– Да лет шесть, кажется, дела-то любовные. Аффект, ярость, измена и прочее. Тут так поверни и так покрути. Баба-то, как ни кинь, а уж, верно, дрянь была. Сане пришлось уволиться по личному желанию, мне – выговор... «Смотри за подчинёнными, за личным составом, чтоб спирт не воровали и не угощали им».

Начальник чиркнул спичкой, Юра тоже прикурил, хоть курить не хотелось. Было такое ощущение, как будто на голову вылили ушат дерьма. Вдруг телефон зазвонил, как сверчок, и малиновый Настин голосок доложил:

– Игорь Демьянович, билет заказан на двенадцать ноль-ноль. Пусть он зайдёт за командировочными и предписанием.

«О'кей», – внутренне сказал Юра и, как можно поспешней, вышел, закрыл за собой обе двери. Сумка-самосвал стояла там же, где он её и оставил, и в первом часу пополудни он был уже в салоне самолёта. В чистом и свежем воздухе под голубым небом.

...Как только «Аннушка» – Ан-2 – развернулся, вибрируя старым корпусом, лёг на курс, Юра постарался забыть все неприятные разговоры и удобнее устроился в кресле. Молодые лётчики расстворили дверь кабины, и Юру поразила сложная приборная зелёная доска. В проходе, натываясь на сиденья, ходили дети. От болтанки широко, по-мужски раздвинув ноги, сидели женщины в цветастых платьях; небритый мужик лет сорока вёз в «авоське» валенки... В правый борт дул сильный ветер, поднимая крыло, временами самолёт проваливался в воздушные ямы, и тогда внизу живота неприятно щекотало, слегка тошнило. Мерный звук мотора убаюкивал, но никак нельзя было заснуть в неудобном кресле. Задремал мужик, не выпуская из рук «авоську». По пластмассовому обшиву салона изнутри – «под обои», с синими розочками, перелетали друг перед другом мухи. И это было как-то очень странно: в самолёте – мухи...

День стоял чистый, светлый. Изредка в иллюминаторе проглядывали белые, как лебяжий пух, облака в зеркальной своей белизне отражавшие солнце. Внизу плыли то дома, схожие со спичечными коробочками, то поля, ухоженные, как школьные наделы, то тёмными овчинами проплывали леса.

Змейками извивались речки, по которым бежали солнечные отблески, как будто нарочно, со смыслом, была показана и блистала эта Божественная красота. Замысел был, намёк на что-то – на что?.. И чёрная тень самолёта заскользила по холмам, по лесам, похожим сверху на шерсть с исподу всё того же, рыжей дубки, полушубка Евсеича.

Заскользила тень и по зонам, забранным заборами, по вышкам часовых. Для чего же так прекрасна Земля? Для красоты разве только своей Божественной, и ни для чего больше? Воды слюдяные, сияющие реки – как родники, питающие человека. То вспыхивали, то гасли. То уходили в лес, то снова текли полями, то прятались в холмах. Юра, пересилив сон, прилип к иллюминатору, всё смотрел вниз на бегущие из-под крыла самолёта просторы. И когда пошли леса, показались заборы с вышками, вахтами и люди, серые, как мыши, – Юра узнал лагерь, эти «пятёрки», «тройки», в сознании возникли серые широкие ворота, эски в кирзачах, в серых одеждах и робах с номерами на груди.

И вспомнился погожий день окончания срочной, когда сидели у вахты в ожидании автобуса, с дипломатами, чемоданами, а заключённый из «вольных» в честь дембеля корешей тихо играл на гитаре и пел грустным, с хрипотцой бельканто:

Выйдешь за ворота, / Тряхнёшь сединою
И с презрением / Оглянешься на зону...

И припев:

Домой, домой, домой, / Пора домой...

«“Презренные зоны”, как измотали они! – подумалось Юрию. Словно сам он отсидел два года. – Все их презирают: и эски, и солдаты срочной службы, и прапорщики, и офицеры, и даже “кум” с его чисто лагерной должностью “начальник по режиму”. И всё же эти высокие заборы, колючие проволоки, натянутые туго, как струны, эти вышки и солдаты с автоматами на них, эти вахты, и шмоны, и штрафные изоляторы, и стальные двери с “волчками” и “кормушками-решками”... Эти вонючие парашаи – всё это было, есть и будет, и почти всё то же и так, как писал Достоевский, и за ним Шаламов, и Олег Волков – вслед за которым вся остальная проза о зонах кажется розоватой... Если не хуже, жёстче и безжалостней. А уж и тем более эти поздние шельмоватые подделки, эти сказки про Соловки от Марченко, от эпигонов писаний *сидельцев*, коим нет теперь числа. Из пальца высосанные рассказы. И ведь какую нужно смелость иметь, чтобы на материале таких авторитетов, как Шаламов или Волков, – выгадывать и выделывать, – выкраивать свой пиджачок писарьку в погоне за дешёвой славой сочинителя или свою юбочку – пишущей бабёнке. Подловато и с выгодой для себя, даже и дня не посидев, не зная темы – играть на остром, пихать “жареное”... И смелость завидную нужно иметь, даже не смелость, скорее, а – безрассудность, наглость, нахальство. Наглочие писаришки-сочинители, и прут в литературу, аки танки с отстрелянным боекомплектком. Это отлитературные волчата и волчицы... У “сидельцев”-писателей судьбы поломаны, а эти славы хотят».

...Посадка лайнера была, судя по времени, уже близка. Лётчики без видимой причины, из интереса, как показалось Юре, накренили борт самолёта уже перед другой, строгорегимной зоной. Во всём, кроме числа вышек по периметру, схожей с первой, той, которую пролетели. И Юра оторвал взгляд,

потёр кулаками глаза, как бы очнувшись от видения. В салоне ребяташки лезли к иллюминаторам, что-то беспокоило их, говорливых, непоседливых. Показывали вниз. И всё так же перелетали мухи на иллюминаторе, по старому кожмиту и раскрашенному под салатные комнатные обои исподу пассажирского салона.

Между тем мужик с валенками упорно дремал, навалившись боком на обшивку «Аннушки». Вдруг как-то резко провалились, да так резко, что островерхие ели показались совсем рядом. Качнуло вправо, и под ногами что-то стукнуло. «Аннушка» разбежалась и развернулась, замерла. Из кабины вышел второй пилот, тот, что моложе. Он отворил дверь и привычно выставил лестницу.

На аэродроме было пусто. Только справа от посадочной полосы стояли рядом два «кукурузника» и вертолёт с обвисшими низко лопастями, словно они были из пластмассы. В брюхе одного из самолётов ковырялся механик. Пассажиры потянулись избитой дорогой к автобусной остановке. Шли опушкой большого хвойного леса с молодым подлеском. Потом торной тропинкой в жидких редких овсах, и скоро Юра узнал ту самую стоянку, где замерзал прошлой зимой и был спасён стариком Фомой Евсеичем. И неприятно было вспоминать те недобрые часы и себя самого, полуживого от мороза, в «полупердончике» – демисезонном фельдъегерском пальтишке на «рыбьем меху», в ботиночках форменных, «кисейных». Теперь же солнце горело над полем, над одинокой автостоянкой с облупившейся краской. Возле стоянки валялись обрывки газет, консервные банки, мятые пачки сигарет, окурки и пивные жестяные из-под пива банки, похожие на большие пушечные отстрелянные гильзы; разбитые бутылки. Чуть поодаль приютились женщины-«грибницы», любители тихой охоты, с кошёлками и ведрами с красноголовиками, сыроежками. Слева от дороги набирала спелость гречиха с красными стеблями, справа подступали к лесу подсолнухи. Было тихо, жарко. Жара стрекотала в траве, купалась с воробьями в пыли, чирикала, стрекотала в травах кузнечиками и пела голосами жаворонков в воздухе. Возле стоянки под липами уселись бабы, девки, ребяташки. Шёл нестройный гомон. Чахлые, забитые травами молодые подсолнухи замерли под солнцем, отыскивая жёлтыми головами-соцветиями солнечный диск. Зрелые – уже повисали головами. Два мужика-«синяка», уже заметно пьяные, сидели на траве, наливали в крышку термоса какое-то мутное пойло, бессовестно и беспросветно мешая мат с феней. Временами тот, что моложе, с запущенными волосами, принимался петь каторжные песни, то кашлял застарелым кашлем туберкулёзника, то сипло смеялся.

– Не гоношись, здесь женщины и дети, можно же не лаяться? – бросил Юра походя.

Тот, что постарше, сидевший на пятках, словно в туалете без седла, поднял на Юру тяжёлый взгляд. Лицо его было бледно, потно и обрюзгло. Он мрачно перевёл взгляд на молодого своего друга-собеседника, с хрустом жевавшего неспелые яблоки.

– Ты кто такой?.. – Тот, что был моложе, вдруг вскочил, сжав в руке крышку термоса. – Прижохнись, фраер. Культурный, глянь-ка, а, Вадим. – И сидевший на пятках встал и, ни слова не говоря, потянулся руками в наколках к Юре.

Юра схватил за руку, дёрнул. Молодой вцепился в воротник Юрия. Рубаха треснула. Подбежали женщины, старухи. Ребяташек не пускали смотреть свару, заплакала испуганно девочка.

– Ладно,пусти его, Чёрный,пусти его,Вадя, – с хрипом дыша,выдавил молодой. – Не хватало ещё,чтобы за этого локшового фраера мне дорогу намостили до хаты.

– Не за грибами вы ходите в лес, а водку жрать... Спирт пить, – громко выговаривала молодая женщина, одёргивая подол красной флисовой кофты. – Ишь, десяток сыроежек несут, а шуму на всю дорогу.

– Ведь вот только что оба из загорожки, а всё нисколько неймётся, – вставила своё та, что постарше, тёмная и аккуратная. Видно, тоже из вольняшек. – Вадим, ты забыл отсидку-то? И хоть бы молодой был, а то ведь два месяца как дед... Ай совести-то нет вовсе?..

Двухмесячный дед отвернулся и громко плюнул окурком: «Ладно, раззявила пасть-то! Не слышали тебя...» Рукава его были засучены по локоть. Сухие руки тяжело висели на узких плечах.

– Цыц, бабка, не кукуй... Ну, ну, в натуре, никто нас и не слушает, ты только уши наострила. Ладно, сядь, чего там, не вякай...

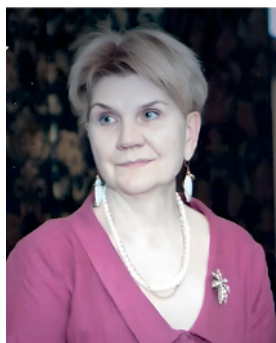
– Заглохни, не пыли и не гони волну. Ты есть кто? Ты есть – апá, баба, и место твоё на верхней наре. И глохни совсем, а то поймаетшь вилы.

– Вилы тебе будут – во-во. – Чёрный показал раскрытой пятернёй на свою шею. – Сидела бы, бабка, на печи, сухари грызла. Вон, возьми ягодки лесные и соси...

Продолжение в следующем номере

Проза

Ольга Губарева

Ольга Алексеевна Губарева – публицист, автор просветительских проектов о космосе. Руководитель волонтерского клуба «Космическая семья» при Музее космонавтики в Москве. Родилась в Москве в семье лётчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза Алексея Александровича Губарева. Детство и юность прошли в Звёздном городке. Работала старшим преподавателем в Академии внешней торговли РФ (СССР) (1982–1997), в Государственной Думе ФС РФ второго и третьего созывов (1996–2003), в журнале «Аэрокосмический курьер», сотрудничала с журналами «Авиапанорама», «Воздушно-космическая оборона», «Авиасалоны мира», с газетой «Советская Россия» и другими изданиями. Лауреат премии «Слово к народу».

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГУБАРЕВ

Per aspera ad astra

«Таких не берут в космонавты» – они туда врываются сами, с преодолениями, сквозь тернии – к звёздам, к именным планетам – малая планета в далёкой Галактике № 2544 носит имя Алексея Губарева, моего отца. Закончив дела земные, он отправился в свой последний полёт к звёздам, навсегда... И там теперь будет жить – на своей малой планете GUBAREV. «Маленький принц» из российской сельской глубинки с добрым сердцем, широкой душой и типичным русским характером, выросший в большого человека, преодолевшего земное притяжение... Алексей Александрович Губарев, лётчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, Герой ЧССР, труженик тыла, участник Корейской войны 50-х годов, военно-морской лётчик – это всё можно узнать в его официальной биографии в Интернете. Он – покоритель четырёх стихий: Земли, Воды, Воздуха и Космоса (Огня).

Крестины

Отец родился 29 марта 1931 года в крестьянской семье в селе Гвардейцы Борского района Куйбышевской, ныне Самарской, области, стал четвёртым и самым младшим ребёнком в многодетной крестьянской семье, но был единственным и долгожданным мальчиком.

Он появился на свет в самый паводок, когда все реки разлились, а передвигаться можно было только на лодках. Его родители были крещёными верующими православными людьми, особенно набожной была мама. Вопрос о том, надо или не надо крестить ребёнка, даже не обсуждался. Мой дед, Александр Григорьевич, хотел дождаться схода воды, а бабушка, Ефимия Ивановна, настаивала на немедленном крещении. Махнув на упрямство жены рукой, он напутствовал её такими словами: «Утопишь Лёньку, домой не возвращайся». Сам же из-за «должности» председателя колхоза на крестины не поехал, вернее – не поплыл.

Но, как говорится, – бог миловал, и видимо, наречённого и крещёного Алексея, а в переводе с греческого – «защитника», взял под свою опеку его тёзка-святой. Папа всю жизнь считал, что именно мамины молитвы хранят его от всех невзгод и несчастий, которых на его судьбу пришлось немало.

Поволжский голод

В начале тридцатых годов в стране случилась сильнейшая засуха, неурожай зерновых, в том числе и в степном Поволжье, где жил папа с родителями, и – страшнейший голод. По воспоминаниям отца о раннем детстве, они с сестрой Нюсей, чтобы хоть как-то прокормиться и выжить, «наладились ходить по поминкам». Мама, Ефимия Ивановна, едва успевала их отлавливать, так как голодные дети шли к домам, где были похороны и горе. Нестерпимый голод их гнал туда, где можно было «разжиться» хоть какой-нибудь едой. Стояли молча и терпеливо ждали у забора, взявшись за руки, хоть

какого-нибудь кусочка лепёшки из лебеды и жмыха. Трёхлетний мальчонка и пятилетняя девочка-инвалид с детства, два прозрачных скелетика, надеялись хоть на маленькую крошечку с поминок.

Вкус детства

Самым вкусным лакомством для папы была мёрзлая картошка, которую удавалось «выколупать» из замороженной земли зимой. Сладкая мёрзлая картошка. Это осталось на всю жизнь, он потом, уже в другой, сытой и благополучной, жизни иногда даже специально клал картошку в морозильник и готовил её лично для себя. И ел, хотя мог позволить себе любое блюдо из любых продуктов – от икры, осетрины до лобстеров, крабов, устриц и прочей деликатесной пищи. Мне этого было не понять никогда, такое надо было только пережить. Иногда, если зимой попадалась подмороженная картошка со сладковатым привкусом, папа и мама, оба дети войны, с удовольствием ели это блюдо «с морозцем», мы же с братом наотрез отказывались пробовать.

Отцу вообще больше всего нравилась простая еда из его голодного детства: суп-затируха, домашняя куриная лапша, отварная картошка с подсолнечным маслом, пирог-курник, «блинцы», как он называл тонкие, как марля, прозрачные бездрожжевые блины с «русским» маслом, которые пекла его мама. С творогом, с мясом, «пустые» – со сметаной. Пельмени... Он сам любил лепить пельмени, нравилось, чтобы в фарш добавляли капусту или картошку, а я его убеждала, что из чистого фарша вкуснее.

Но вкус детства остаётся с нами навсегда, особенно такого голодного. Любимые конфеты – самая дешёвая карамель с повидлом – «подушечки», чуть позже – «Коровка» и «Школьные», чай с любым вареньем, особенно из чёрной смородины. И это при том, что его рабочий портфель всегда был полон шоколадок, которые обязательно по рации выдавали лётчикам. Папа к ним даже не притрагивался, а вот мы с моими подружками с удовольствием вкушали.

Удивителен «вкус детства». Я ловлю себя на том, что становлюсь с возрастом всё больше похожей на папу, не внешне, а внутренне... привычками, пристрастием к простой еде... У меня тоже есть свой «вкус детства» – шоколадные конфеты, пирожные, чай и прочее, «как тогда», но уже в моём «золотом» счастливом, сытом и радостном детстве. Теперь уже мои сын и внучка, как и я раньше, так же не понимают, почему я ем конфеты только определённой фабрики... И люблю сначала понюхать конфету и обёртку... Она должна быть ещё и правильно, как в детстве, упакована – в цветной бумажный фантик с вощёным пергаментом и обязательной фольгой. Для меня важен «запах детства»... Он навеивает счастливые воспоминания о безоблачной жизни под крылом родителей.

Полусирота

Огромное несчастье вскоре обрушивается на семью в 1936 году – скоропостижно умирает отец, а баба Фима остаётся одна с четырьмя детьми на руках. Папа с пяти лет оказался полусиротой, как в деревне принято было говорить, «безотцовщиной». Он, пройдя рубеж тридцатилетия, когда мы с братом были уже взрослыми, признался, что внутренне с большой тревогой ожидал этот возраст. Детская травма на всю жизнь... Папа опасался, что и его дети, не дай бог, останутся сиротами.

После его смерти я узнала, что в наши нелёгкие времена он помогал ребятам из малообеспеченных семей в своём селе, отправляя деньги на школьные завтраки, в детские дома. Сам же папа только говорил, что стал сентиментальным с возрастом. Нет, он был таким всегда. Добрым и сочувствующим, сопереживающим и сострадающим, тяжёлая жизнь на выживание и на преодоление его не озлобила, а наоборот... осердоболила.

Всем смертям назло

Бабушка после смерти мужа, намыкавшись одна, решает с детьми всё-таки обосноваться в подмосковном Чашникове, ближе к родственникам супруга. Войну папа встретил под Москвой. Одни из самых кровопролитных и страшных боёв за оборону столицы велись именно по ленинградскому направлению – деревни Крюково, Чашниково, где они и жили.

Первый раз Ефимия Ивановна «похоронила» своего любимого сына, десятилетнего Лёньку, в сентябре 1941 года. Он отправился в Химки на рынок что-нибудь продать с огорода, а вечером поезд, в который он сел, возвращаясь домой, оказался под бомбёжкой. Из всего состава уцелел лишь один вагон, где и был отец. Вести о его гибели «сарафанным радио» дошли быстро, бабушка перестала

сына и живым считать. Тогда, видимо, и случился её первый инфаркт из трёх... Божьим промыслом уцелевший десятилетний мальчишка пешком добирался до деревни, пришёл где-то под утро, постукался... Для матери это было чудом: воскрешение из мёртвых её ребёнка.

К середине ноября 1941 года немцам удалось продвинуться, они оккупировали Чашниково. Семью отца, как собак, выкинули из собственного дома. Пришлось перебраться в землянку рядом со скотным двором, а морозы стояли лютые. Для того чтобы не умереть с голоду, так как все запасы остались в доме в погребе, приходилось ночью тайком собирать картофельные очистки на помойке рядом с фашистской кухней.

Чудесное спасение

В начале декабря Красная армия перешла в наступление и стала теснить врага от Москвы. Фашисты же собрали оставшихся в деревне стариков, женщин и детей, построили их в колонну и погнали по шоссе в сторону Солнечногорска. Смеркалось... Колонна шла медленно. Несмотря на лютую стужу и сильный мороз, было нестерпимо жарко из-за полыхающих вдоль дороги деревенских домов, и всё освещалось заревом пожара, словно в солнечный день. Языки пламени от изб взметались ввысь, горько тянуло гарью. Хотелось раздеться и бросить вещи: кричали дети, плакали груднички, причитали женщины, выли и остервенело лаяли собаки. Автоматчики, охранявшие колонну, шедшие спереди и сзади, разомлели от мороза и жары. Стемнело... Люди растянулись по дороге и монотонно-медленно брели по шоссе. Охранники утратили бдительность, а в это время старики передали по цепочке, что впереди за поворотом – лес, и, чтобы без суеты и паники, потихоньку, всей колонной сворачивать к нему с дороги. А как только выйдут в темноту – бежать в сторону леса через поле что есть сил, не оглядываясь и не останавливаясь.

Живая река из женщин и детей, поравнявшись с поворотом, так же медленно и монотонно сошла с дороги, и в одно мгновение все стремительно бросились врассыпную по полю, прячась в темноте. Кто смог – бегом рванул в лес. Опомнившиеся конвоиры стали беспорядочно палить вдогонку, но двинуться вслед побоялись. Вскоре заработала наша артиллерия, начался кромешный ад. Скрываясь за деревьями, бабушка с папой продвинулись вглубь. Они блуждали несколько часов по лесу в ночи, пока не наткнулись на односельчан, которые обосновались в землянках раньше, будучи изгнанными немцами из своих домов. Их приняли, обогрели, напоили кипятком, чем-то нехитрым накормили, а через три дня вернулась Красная армия, выбив захватчиков окончательно и отбросив на несколько десятков километров от деревни.

И снова Бог уберёг

Дом сожгли, но подпол не успели заминировать, в отличие от других изб. Обрадовавшись, что подвал цел, не думая ни о чём, отец с бабушкой бросились проверить, осталось ли там хоть что-нибудь из запасов – картошка или зерно. Была огромная радость, конечно, что не всё продовольствие успели фашисты забрать, но только позже папа с бабой Фимой осознали, что истинное чудо заключалось в том, что они остались живы и здоровы.

Взрывы катились эхом по деревне – подрывались их односельчане в заминированных при отходе фашистами уцелевших домах и подвалах, а сапёры не успевали их разминировать. Очень много людей погибло или было покалечено тогда в деревне из-за подрывов. Картины смертей и увечий, которые папа видел ребёнком, были ужасающе страшны и кровавы.

Бабушка принимает решение уехать с детьми из разорённого Подмосковья в Поволжье. Они вернулись в Гвардейцы снова, где уже папа, одиннадцатилетний пацан, работал, как взрослый. Пахал, сеял и убирал хлеб без скидок на возраст. Все приближали победу – на фронте и в тылу, мужчины и женщины, дети и старики. За свой героический, почти непосильный труд для ребёнка, отец был удостоен взрослого звания «Труженик тыла».

Атлетом можешь ты не быть, а физкультурником – обязан

Победный май семья встретила уже вновь под Москвой. Они все с нетерпением ждали возвращения сестры Шуры, которая была демобилизована только через год после. Она вернулась, да не одна, а с мужем – Петром Гавриловичем, героем-освободителем, прошедшим войну от первого до последнего дня.

Все мальчишки военного детства смотрели влюблёнными глазами на солдат-победителей, брали с них пример. И Пётр Налётов, молодой, крепкий спортивный мужчина, штурмовавший Берлин морской пехотинец, был образцом для подражания для юного отца. Естественно, как водится у мужчин, невзирая на возраст, они стали меряться силами и бороться. Пётр, по выражению папы, «заломал» его, как «щенка». Тогда отец дал слово себе и зятю, что через два года они будут на равных.

Пообещал – сделал. Упорства, целеустремлённости, трудолюбия и стойкости характера отцу не занимать было никогда. Он приступил к тренировкам. Нашёл выброшенные оси грузовых машин, приделал к ним от старых тракторных гусениц части, соорудив таким образом штангу, постоянно наращивая её вес, стал «качаться». Папа создал футбольную команду в школе, мяч сшил сам из обрывков автомобильной резины, сформировал и волейбольную команду. Кроме того, до школы приходилось ходить пешком, а это почти восемь километров туда и обратно. Так что его общая физическая подготовка росла день ото дня. Вечерами он отправлялся разгружать вагоны, чтобы заработать денег и заплатить за учёбу в школе, помочь дополнительной копеечкой матери. Сейчас мало кто знает или помнит об этом. Стране нужны были рабочие руки, поэтому в школе за учёбу в старших классах надо было платить.

И вот через два года, как отец пообещал, они с Петром боролись уже на равных. К окончанию школы, через четыре года, муж сестры уже не мог совладать с крепким 19-летним спортивным и физически подготовленным юношей.

Отменная физическая подготовка – залог успешной работы на орбите. Свою привязанность к спорту папа сохранил до последних дней. Единственный вид спорта, которым он не занимался принципиально, – это бокс, который несовместим с профессией лётчика. Это папа понял и усвоил ещё с училища. Все его сокурсники, кто серьёзно занимался боксом, были в конечном счёте отчислены по здоровью из-за частых сотрясений мозга, сломанных перегородок носа, а как следствие – невозможность в полёте поддерживать работоспособное состояние, так как на высоте постоянно меняется давление. Отец прекрасно ходил на лыжах, играл в футбол, волейбол, хоккей, бадминтон, настольный теннис, был мастером спорта по парашютным прыжкам, быстро бегал, катался на коньках, великолепно плавал. К середине жизни увлёкся большим теннисом, который стал его любимым видом спорта.

Мальчишеские забавы взрослых мужчин

Вспоминается случай импровизированного спортивного «соревнования» двух вполне успешных и состоявшихся в жизни и профессии «мальчиков» – отца и С. Н. Фёдорова, знаменитого хирурга-офтальмолога. У нас дачи находятся в одном месте – на Икше, на Канале имени Москвы, соединяющем реку Москву с Волгой. Иногда эту местность называют «Подмосковной Швейцарией» за холмистый рельеф. Недалеко расположились базы с горнолыжными трассами, рядом с посёлком – теннисные корты, крытые и открытые, картодром, можно покататься на лошадях, позагорать на обустроенном пляже на берегу и поплавать, походить на лодке или катере вдоль канала, покататься на водных велосипедах. Знаменитый посёлок «Лётчик-испытатель», это живописнейшее место для дач, «сталинские соколы» присмотрели с высоты птичьего полёта.

Со временем там приобрели дачи известные актёры – Г. Жжёнов, Л. Хитяева, С. Любшин, музыканты, врачи, а к лётчикам-испытателям добавился вполне солидный «отряд» лётчиков-космонавтов – В. Терешкова, А. Николаев, В. Севастьянов, А. Леонов, В. Быковский, Е. Хрунов, А. Елисеев, Г. Береговой. Папа с коллегами по космическому цеху, пока строились, был в правлении кооператива, они помогали совместными усилиями газифицировать посёлок, а соответственно – и все близлежащие деревни в округе теперь получают магистральный газ.

Однажды отец по-соседски зашёл к Святославу Николаевичу и увидел у него в кабинете шестнадцатикилограммовую гирию, чему был немало удивлён. Фёдоров пояснил, что руки хирурга должны быть сильными и крепкими, не дрожать, поэтому он каждый день тренируется. Мужчины решили посостязаться. Кто больше выжмет одной рукой – лётчик-космонавт или врач? Ничто человеческое не чуждо даже успешным и состоявшимся в жизни людям, всё всем и себе доказавшим. Возраст тут совсем не имеет значения. У Святослава Николаевича была отменная физическая подготовка, в молодости он тоже мечтал, как и папа, а они одного поколения, стать лётчиком. Но помешала детская травма. Судьба же нам в его лице подарила выдающегося врача. В соревновании победила дружба. Соперники оказались равны не только по силе духа, но и физической подготовке.

Человек будущего

Годы летят как птицы, а неумолимое время берёт своё. После замены сустава врачи запретили папе выходить на корт. Для него было очень тяжело смириться с тем, что он больше не сможет играть в теннис. Но это не отменяло других занятий физической культурой: ежедневной физзарядки и регулярных походов в бассейн. Отцу справляться помогал юмор, который я называла «солдатскими шуточками»: «Я – человек будущего, так как всё, что лишнее, мне удалили, а что могли, то поменяли – хрусталики, зубы, суставы, кардиостимулятор поставили». Сразу возникал перед глазами такой образ человека-киборга из голливудского кинематографа. Но папе уже было за восемьдесят, когда он стал себя называть «человеком будущего», поэтому самым интересным и весёлым было следить за реакцией окружающих на его шутку, пока он произносил первую часть высказывания. У отца много интересных и шуточных, и мудрых высказываний было, которые помогают и теперь. Если вдруг подводит здоровье, а мы сетуем на это, то вспоминается папино: «Если хочешь дожить до старости – готовься к болезням».

Есть такая профессия – Родину защищать

Папа, как и большинство мальчишек, чьё детство пришлось на войну, непременно хотел стать военным, да не просто, а ещё и лётчиком, но и немножко моряком мечталось. И как это было совместить? Но он нашёл выход – подал документы в Морское авиационное училище. Тогда отец по молодости не совсем разобрался, что отправил документы в военное училище для авиационных техников. Поняв, что придётся по окончании ремонтировать самолёты, а не летать, исключительно благодаря настойчивости и силе характера добился перевода в Военно-морское минно-торпедное авиационное училище имени С. А. Леваневского в г. Николаеве.

Из-за ВОВ папа пропустил год учёбы в школе, закончил её на год позже. Обстоятельства же сложились таким образом, что, в связи с войной в Корее в 50-х годах, он попадает на курс ускоренного выпуска: вместо положенных четырёх лет учится только два. Таким образом, после выпуска отец теперь на год даже опережает ровесников в получении профессии.

Окончив училище в 1952 году, в числе лучших курсантов-выпускников в декабре этого же года был направлен на службу в Китай, где готовился к участию в боевых действиях в Корейской войне. И этот факт своей биографии он считал большой удачей. А то, что сразу попал на войну, так это такая профессия – Родину защищать и выполнять её приказы. Боевой лётчик-интернационалист был награждён медалью Мао Цзэдуна. Я думаю, что папа единственный среди наших космонавтов, кто уже имел иностранную награду до прихода в отряд. Первых советских покорителей космоса страны мира, где они побывали, а они посетили практически все континенты, наградили своими высшими знаками, орденами и медалями. И у папы появилось много иностранных наград после полёта по программе «Интеркосмос». Но эта, китайская, была для него особенной – первая иностранная, да за его боевую интернациональную лётную службу. Орденская лента китайской медали всегда была у него на планке, во все времена, невзирая ни на какие-либо политические перипетии.

Космонавт – это круто

Той славой и рейтингами, выражаясь современным языком, той популярностью, любовью, уважением, почётом, обожанием и преклонением вряд ли могут похвастаться нынешние рок- или поп-«звёзды» не только наши, но и мировые. Первых космонавтов планеты, первопроходцев околоземного пространства, встречали целыми континентами, странами и городами.

Покорителей космоса 70–80-х годов слава и популярность тоже не обошла стороной. К тому времени начались международные полёты, международные программы, и космонавтов также встречали с триумфом и почётом не только в городах и республиках нашего необъятного Советского Союза, но и в других странах – участницах космических проектов. Как и «первые», они собирали целые улицы и площади. По пути следования кортежа автомобилей граждане их приветствовали цветами, флагами, плакатами, при этом люди приходили добровольно, сами, без принуждения: хотелось увидеть «людей-легенд», космонавтов, «небожителей». Увидеть тех, кто вырвался за пределы нашей Земли. Если же удавалось получить автограф или просто «подержаться» за космонавта, то

это было знаменательным и памятным событием на всю жизнь. Люди всех профессий, всех словий, разных уровней достатка – все хотели путём встречи с космонавтами быть сопричастными к покорению непознанного Космоса.

Современная мировая пилотируемая космонавтика основывается на трёх основных компонентах: долгосрочность пребывания на станции на орбите, стыковка модулей разных стран и постоянная совместная работа международных экипажей. К двум из этих трёх базисов отец имеет непосредственное отношение. Старт в 1975 году с Георгием Гречко и был первым успешным долгосрочным полётом к космическим станциям и работе на них. После завершения орбитальной «вахты» и возвращения на Землю именно на папе и Г. Гречко была апробирована уникальная советская программа быстрой реабилитации космонавтов после длительного пребывания в невесомости. Второй полёт в качестве командира первого в мире международного экипажа с чехословацким космонавтом-исследователем Владимиром Ремеком открыл эру полётов международных экипажей. Сейчас это уже привычно и ни у кого не вызывает удивления, что космонавты длительно, иногда годами, работают на орбите в международных экипажах. Но пионером был папа... За ним уже шли другие...

Отец, как сейчас модно говорить, был перфекционистом. По-русски, по-простому говоря, всегда добивался отличных результатов в работе. В своём деле, он считал, нужно быть только лучшим среди равных и лучшим среди лучших: «Чтобы не моргать глазами и не краснеть». Папа никогда не бахвалился и не принижал других. Оценить же его профессионализм должным образом могли только коллеги. Коллеги папы по космической службе В. А. Джанибеков и А. С. Иванченков, не единожды поработавшие в космосе, профессионалы в своём деле, рассказали мне о том, что в своё время отец был лучшим. А их оценка дорогого стоит...

Долгая дорога в Космос

Она у папы составила ровно двенадцать лет и один день. Зачислен в отряд космонавтов отец был 10 января 1963 года, а в космос впервые полетел 11 января 1975 года. Двенадцать лет «боевой» космической готовности, ежедневных тренировок... 4385 дней ожидания старта и полёта... Но всё могло сложиться и иначе... и даже не сложиться совсем.

Во-первых, могли просто не отобрать. Причины были разными, и не только по состоянию здоровья, но и по личностным качествам. Во-вторых, говорить правду, даже если от этого зависит жизнь и работа в космосе твоя и твоих товарищей, весьма рискованное для карьеры космонавта качество. Можно «подписать себе смертный приговор» – на вылет из отряда. Наконец, подводило здоровье, что чаще всего и случалось с космонавтами. Об этом папа подробно написал в своей последней книге «Космос начинается на Земле. Эпизоды...»

Семья – стартовая площадка

Для отца семья была всем – фундаментом, опорой, поддержкой, крепким тылом. И он для семьи, для всего нашего фамильного клана, включая многочисленных родственников со стороны моей мамы и всю папину родню, стал непререкаемым авторитетом, гордостью, опорой, стержнем.

Лучше всех на земле – мама

Папа любил свою мать беззаветно, преданно, безоглядно. Но он не был «маменькиным сыночком» в общепринятом значении этих слов, никому даже в голову не приходило его так называть. Отец часто вспоминал, как мама его закрыла собой в поле, когда они попали под обстрел и несколько часов зимой так лежали, а она молилась...

Выбор отцом профессии военного был обусловлен не в последнюю очередь и желанием облегчить жизнь мамы, которая всю жизнь тяжело работала: в училище он переходил на полное государственное обеспечение, да ещё и небольшое денежное довольствие полагалось. Единственный и ненаглядный сын, её Лёнька, с детства помогал ей во всём и всегда, был мужчиной в семье после смерти отца. Когда же он выучился, стал офицером, военно-морским лётчиком, то все материальные проблемы ушли. Только одно оказалось ему неподвластным – вернуть маме утраченное здоровье.

Ефимия Ивановна, простая русская крестьянская женщина, с тремя классами церковно-приходской школы, прожившая тяжелейшую жизнь, перенёсшая три инфаркта, ушла из жизни, к сожалению, так

и не дождавшись триумфа её любимого сына. За три года до старта, до его первого космического полёта. Она обожала папу какой-то фантастической любовью. Будучи очень мудрой и сметливой от природы, бабушка, конечно, догадывалась, что сын её «служит» не просто лётчиком, как отец уверял. К нам за просто заглядывали в гости Ю. А. Гагарин, А. А. Леонов, многие другие «первые». Уже «побывали» в космосе папины лучшие друзья-лётчики – В. А. Шаталов, А. В. Филипченко, Г. Т. Добровольский. Конечно, мама всё понимала. Но среди родственников, кроме жены, режим секретности работы отца поддерживался неукоснительно – в формате «секрета Полишинеля». Такие были времена...

Вы любите театр, как люблю его я?

Однажды баба Фима даже «пострадала» от чрезмерной сыновней любви. Папа с улыбкой вспоминал эту историю. Дело было так. Отец служил в Китае. Ещё не был женат, хорошо зарабатывал. Когда он приезжал в отпуск, по его выражению, у него «карманы лопались от денег». В Москве отец не знал, чем ещё порадовать свою любимую маму и чем ей угодить: уже одарил всеми подарками, уже побывали в лучших ресторанах. И наконец, придумал – повёл её в главный театр страны – Большой, на оперу. Партер, шикарные места, роскошный зал, хрустальные люстры, дамы в вечерних туалетах в туфлях «лодочка». Бедная моя бабушка, простая крестьянская женщина. Она сидела ни жива ни мертва, но мужественно терпела, когда любимый сын наслаждался действием. В антракте в буфете, боясь обидеть при этом папу, буквально со слезами на глазах, она взмолилась: «Сыночек, прошу тебя, никогда в жизни больше так меня не мучь!»

Надежда – мой компас земной

Впервые свою будущую супругу, мою маму, папа увидел летом 1946 года. Он играл с мальчишками в волейбол, а за них «болели» их одноклассницы и местные девчонки. Отец сразу обратил внимание на девушку удивительной красоты: с серыми глазами, русыми густыми волосами, туго заплетёнными в две толстые косы, с яркой и ослепительной белизны улыбкой, высокими скулами и ямочками на щеках при задорном смехе, с точёной фигурой, по-городскому одетой. Так произошла их первая встреча. Они познакомились в общей компании. Девушку звали Надежда, она приехала из Москвы в гости.

В следующий раз, как он вспоминал, встретился с Надей, когда возвращался из школы домой. Шёл босиком, так как берёт обувь, она стояла дорого, а ботинки поэтому, завязанные на шнурках, висели на плече. Очень переживал, что предстал в таком «непрезентабельном» виде перед «городской красоткой». Потом снова увиделись на волейбольной площадке, играли вместе, мало-помалу стали общаться уже в каждый её приезд на каникулы. Катал её на велосипеде, и они подружились. У мамы не было отбоя от местных кавалеров, но она почему-то сразу выделила папу. Их юношеская дружба для деревенских кумушек, естественно, не осталась незамеченной, и началась «обработка» обеих сторон, что они совсем не пара друг другу. Папе и бабушке Фиме говорили, что, дескать, куда он лезет, она – единственная дочь, городская, да ещё москвичка, избалована любящими родителями, которые в ней души не чаяли. А маме и её родне рекомендовали «доброжелатели-доброхоты» выбрать «позавиднее жениха и побогаче». Мол, нашла самого бедного, безотцовщину из многодетной семьи.

Но звёзды уже сошлись! Папа встретил свою Надежду, свой «компас земной», свою любовь, свою суженую, опору на всю жизнь, мать его детей, хозяйку очага, свою русскую красавицу с голливудской улыбкой...

Они отметили золотую свадьбу, даже успели встретить изумрудную... Успели... Через два месяца мамы не стало... И в радости, и в горести вместе навсегда... пока смерть не разлучила их... Отец стоял у гроба на отпевании и шептал: «Какая же она красивая!» Он продолжал на неё смотреть глазами того влюблённого юноши... «Одна из двух моих геройских звёзд – Надежды», – так часто говорил отец.

Вместо эпилога

Земной путь отец завершил в 83 года, не дожив месяца до своего дня рождения. Служению стране и Родине отдал из своей жизни на десять лет больше, чем прожил на Земле. Трудовой стаж 94 года – не каждому предоставляется судьбой такая честь и возможность... Каждый отпущенный и прожитый день исчислялся по делам его и в другом времени...

Проза

Николай Зайцев

Николай Петрович Зайцев – родился в Талгаре Алма-Атинской области Казахстана, в 1968 году окончил среднюю школу № 1, работал в топографической экспедиции, закройщиком, радиомехаником, мастером по изготовлению очковой оптики, корреспондентом. Публиковался в республиканских журналах «Простор» и «Нива», в альманахе «Литературная Алма-Ата», российских – «Берега», «Наши современники», «ЛитЭра», «Молодая гвардия», «Север», «Подъём», «Ковчег», сетевых – «Молоко», «Камертон», «Великороссь», «Лексикон», издал девять книг поэзии и прозы. Лауреат фестивалей «Славянские традиции» (2009), «Верность родному слову» (2011), «Литературная Вена» (2011), лауреат премий им. В. Белова (2009), им. В. Шукишина (2013). Руководитель творческого объединения «Вершины Талгара», член Союза писателей Казахстана и России.

КНЯЖИЙ ВОИН

Рассказ

Аще сказать ли те, старец, повесть?
Блазновато, кажется, да было так.

Аввакум

Нынче здесь редко кого можно увидеть. Только дядя Вася не забывает это святое для него место своим присутствием. Он тоже теперь нечастый посетитель, но более памятный из всех приходящих сюда. Хотя можно ли назвать привлекательным для паломничества кусок заброшенной земли, где между двумя тысячелетними дубами врос позеленевший от пробившегося по нему мха то ли просто камень, а может, останок какой-то вежи, отметины, оставленной людьми, жившими в этих краях. Скорее всего, это был памятник, его поверхности касались руки каменотёса, но когда это было, так никто и не распознал. Хотели узнать, нашли на тёсаном лице камня буквенные знаки, больше похожие на руны, чем на славянское письмо, даже прочли о каком-то великом князе, то ли побывавшем в этих местах, а может, почившим под этим древним надгробием. Время ушло, любознательные к своему прошлому люди канули в небытие, а красных комиссаров, захвативших власть, не интересовала история этой страны по причине своего чужеродства ей, они были увлечены построением светлого будущего для своего народа. Но ближняя к камню деревня звалась – Князево. Отчего-то такое произошло? Чего не дают на Руси просто так – это названия. Дают его один раз и надолго. Навсегда. Потом переименовывают, но имя возвращается из своего времени через год, через век. Живуча Русь. Один камень такой, замшелый, на её земле останется памятной, и от него снова начнётся Волга, Москва – Родина. Русь – она от Господа людям дадена, и потому конца ей не будет. Живуч и дядя Вася, он от родного простора – русский. Он тоже, без всякой посторонней помощи, уже начал вращаться в свою землю, как тот Князев камень, боясь, видно, что похоронить его вскоре будет некому. Стоя перед древностью, он становился похож на неё – на вековые дубы, на землю под ногами, в своём неизменном, затёртом армяке и стоптанных, до вида опорок, сапогах. Жил он в сторожке на деревенском кладбище вроде при деле, хотя ни о какой службе речь не шла – кормился от добрых людей, да и только. Кладбище давно заросло вековой дубравой, кустами сирени, похороны здесь случались нечасто – люди в деревне стали совсем редки. Народ родился, но куда-то потом исчезал, растворялся в городах, а если кто и заглядывал в родные места, то умирать здесь не собирался, не задерживался долго, уезжал восвояси, а чаще никто ни слухом ни духом о своём дальнем житье-бытье не заявлял. Кое-кто из заблудших на чужбине по прибытию на свою малую Родину приходил к Князеву камню, отвешивал поклон своему и общему прошлому, выпивал с дядей Васей кружку горького вина, поминая при этом князя невиданного, родных своих, свою

понятную былую жизнь. Потом обретший память земляк шёл к могилам своих родителей, родичей. Здесь без помощи сторожа никто не мог обойтись: нелегко холмики, поросшие травой, в лесу отыскать, пусть и родные они. Но дядя Вася знал места упокоения каждого односельчанина, мог рассказать о его жизни и смерти, служил проводником в прошлое своей деревни. Мог поведать историю Князева камня и сказать слово о самом князе. Этих сказов со временем становилось всё больше, сочинял их сам дядя Вася, но никто его в этих фантазиях не упрекал: прошлое минуло, и мало кого тревожили выдумки о нём. Легенда, рассказываемая дядей Васей, становилась всё витиеватей и длинней, а слушателей всё меньше и меньше. Время поощряло сказительный талант кладбищенского сторожа, увеличиваясь непомерно между посещениями любопытных и совсем неинтересных гостей и редких, ещё не обделённых памятью земляков. Сказ начинался в лучших традициях русской былины: «Когда-то давно жил в этих краях достославный князь. И был он разумом светел и телом могуч...» Окончание же повествования зависело от внимания слушателя. Если он был не охоч до рассказов и баек, то у середины своей повесть начинала комкаться, укорачиваться (чего зря красноречие изводить, дураку что просо, что брильянт – всё едино) и заканчивалась в двух словах: «И почил князь от дел своих под этим камнем». Но находился настоящий слушатель, и сказ расцветал неслыханными при жизни князя и после неё историями его подвигов и других благих дел. Когда кто-нибудь из особо памятливых гостей начинал перечить словам рассказа (мол, в прошлый раз было другое), дядя Вася и вовсе прерывался на половине своего повествования и начинал сердито курить самосад, всем своим видом давая понять, что право на повесть принадлежит рассказчику, и, как должен жить великий князь, ему – потомку его, лучше знать. А причина к тому была – в деревне, да и вокруг по земле, его звали не иначе, как потомком князя. Так нарекли, а попросту в деревне до такого звания никого не возвысят. Имя человечье, что при рождении дают, то для Господа, к престолу звать, после земного гостевания, а прозвище для людей, пока среди них во грехе живёшь – вроде ты, а может, и нет. Бог даст, не заметят твоих пакостей, творимых при жизни, но надежды на такое прощение мало, Отец Небесный всё и всех видит, тем более потомков князей. Любое человеческое звание обязывает достойно на земле жить, а княжеское особенно. Невзрачный собою, по правде говоря, достался поселянам потомок княжеский, но и деревня или то, что от неё осталось, была под стать. Домов тридцать скособоченных осталось стоять по улицам, из них большая половина заколочены, покинуты. «Куда народ подевался? – дивился остатний потомок могучего владетельного князя, покуривая самосад. – Чего людям надо? Такое раздолье кругом, живи – не хочю. И не хотят. В каморке вонючей в городе ютятся, а в деревне дом-пятистенок в тоске одиночества валится на бок. Последний заморыш городской приедет, отъестся на молоке да на масле настоящем, а сам свысока поглядывает на кормящих его: лапти вы, мол, недоплетённые. Вон, Митька Бывалых, возьми, парень как парень – пахал, сеял – человеком был. Урыл в город, грузчиком работает, будто подменили его там. Мысли у него безродные стали, неприкаянные, обрывки от прошлого. От стакана до рюмки живёт. Теряется народ в городе, ветшает. Чужим становится, и в первую голову – себе».

«Однажды», – так начинается множество повествований, сложенных людьми, живущими на земле. Рассказов хороших и не очень, хотя суждения, как и осуждения, всегда относительны, как и все человеческие слова. Однажды, единожды – именно так определяется срок жизни человека на земле. Об этом мгновении и хочется поведать современникам, а удастся – и потомкам. Однажды – так начинается всякая жизнь и единожды – проходит. Из этих мгновений и сложена Вечность. Она и сложена для того, чтобы однажды продолжиться ещё одним повествованием, а потом остаться в нашей памяти этим росчерком пера. Не каждому дано вылиться радостным сказанием своей пробегающей жизни или уже почти минувшей. Не каждый умеет заметить время своего рождения и промежутки того же времени движения к смерти. Чаще замечают чужую, чем-то выдающуюся жизнь, забывая о своём единственном присутствии в мире, столь же нужном, как и рождение кумира, в котором растворилось время твоей жизни. И часто совершенно бесследно. Но одна напевная сага может прожить на устах потомков тысячи лет, чтобы оформиться в великолепие исторических событий, хотя через тысячу лет очень сложно судить о действительности событий, переданных красноречивостью человеческого языка. Но если сказание живо, прошедши через века, значит, оно имеет право жить, и не нам судить о том. И слава Творцу, что живы народы в своих преданиях, потому что однажды кто-то сказал слово о своей жизни или описал чужую, более яркую, не заметив в этом свете своей. Пусть будет славен и тот и другой, как и всякий отважившийся сказать слово. И дядя Вася в их числе славен, невзирая на незаметность своего присутствия во времени. Пусть единожды, мельком, но он велик, остановив время княжеского жития, раз-

бросав этот сказ по умам слушателей, городам и весям родной земли. Вспомнить – значит узнать себя в прошедшем, может быть, в том князе, который будет жив до той поры, пока – однажды – не народится другой достославный князь и не объединит прошлое с настоящим.

О новой жизни и людях в ней, пробивающих себе дорогу куда-то, а то и просто живущих, как кро-ты, боясь света разумного, абы день до вечера провести, а ночь скроет и грехи и святость – расскажут много и многие. Разным земным событиям и человеческим деяниям, произошедшим на его веку, был свидетелем княжеский потомок. Немного людей на его глазах выросло из своего детства, очень мало из юности, и уж совсем редкостны стали человеки, что выходят из разумения молодости и становятся взрослыми. По обличью они добропочтенные старцы, а присмотришься пристальнее – балбесы мало-летние. Прожил долго, а спросить нечего, он про своё прошлое толком не помнит, а уж о корнях и памяти вековой и говорить нечего. Своих кумиров в телевизоре разглядывает и их радостью богомерзкой живёт. Радость должна быть тихой, покойной и светлой в Любви, Христом завещанной, а не лахудрой с голыми сиськами, что ими по экрану во все стороны размахивает, не для того же это дано, а детей вскармливать. В такой груди и молоко горькое, отравленное чужими взглядами завистливыми, оттого и дети маются у таких матерей – то разумом, то телесным недугом. Коли в голове недород, то и всюду одни сорняки. И полоть их уже некому.

Спросите, отчего дядя Вася сказителем стал? Такое не вдруг случается и не со всеми. Давно жил в деревне паренёк Василий. Неказист уродился внешним видом, но вырос удал и дерзок и в работе не-уёмный. Рано остался без родителей, воспитывался у бабки своей и был очень самостоятелен в желании жить. Рано начал работать, поставил хороший дом и к двадцати годам решил жениться. Девку выбрал самую рослую и красивую – никак ему не в пару. Но упорен Вася и в любви оказался, добился-таки согласия красавицы; чем уж он её, голубушку, полонил (на полголовы ростом ниже невесты), одному Богу известно, но стали готовиться к свадьбе. Вася тогда ещё не назывался потомком князя, но праздник готовил по-царски. С тройками, лентами, музыкой, скачками. На лошадях, расфранчённых яркою мишурой, двинулись в районный загс, а после, уже в качестве законных мужа и жены, с радостью этой вселенской, помчались на рысях в деревню, где народ ждал, томился у накрытых свадебных столов. Зима только началась, снег не шибко лёг. Мчали резво, с удалым куражом, молодым задором. Уже перед самой деревней шаркнули сани полозьями о голую землю, пошли боком, невеста вылетела и расшиблась о придорожную корягу. Два года потом лежала недвижимая, без памяти и без слов. Так и померла невестой, а Васю оставила навсегда женихом. После похорон её заметно стало, что угас в неслучившемся муже огонь желания жить. Нет, он оставался на земле, но уже как-то больше по привычке, без радости. Погоревала вместе с внуком и отправилась на Божий суд бабушка, и остался Вася один среди людей. Помыкался ещё пару лет на колхозных работах, потом выпросился кладбищенским сторожем служить, рядом хотел с любимой быть, а тут, в аккурат, преставился старик, охранявший погост деревенский, и место стало вакантным. Но старик стариком, а вот как молодого на кладбище списать, тут надобно разрешение от власти. Но отпустили, чего парня в неволе держать, коли у него всё из рук валится. Там, на кладбище, и работа не видна, по старости подходит, а молодой гражданин должен государству пользу приносить. А какая польза от усопших, вечная им память. Оформили пастухом, грех на душу забрали, но то мирской обман, не тяжкий. Ну, как назвать кладбищенскую службу, когда кругом безбожники? Чего, мол, их охранять, души нет, Бога нет, а кости никому не нужны. А подумать хорошо, так Вася навроде апостола Петра у ворот погоста – встречает усопшего и покой его хранит. Но нет таких должностей в советских работах. Не нашлось, будто народ в безверии бессмертие телесное обрёл. И стал Вася пастухом по ведомости бухгалтерской и пастырем у могил упокоившихся навечно. Где ограду поправить, где цветы полить, да мало ли заботы в местах упокоения, души умерших тоже радуются, когда о них волнуются и не забывают поминанием, приходом на место последнего их пребывания земного. Но только поначалу приплачивали в колхозе жалованье, а потом забыли. Сторож есть у кладбища деревенского, а у колхоза без него забот хватает и денег нет – всегда. И стал Вася вольным художником – сказителем, сам себе своё пропитание выговаривал. Много ли человеку надо? Доброе слово да хлеба кусок. Всяк по-своему живёт, у кого закрома ломаются от добра, другой и похлёбке рад, а кто из них счастливее, поди дознайся. О своём счастье Вася ни с кем не заговаривал и ни на что не жаловался, ему хватало и светлого дня, и тёмной ночи, и люди к нему шли, своих проведовали и его не обижали. Так и стал Вася покой усопших своих земляков охранять, не найдя своей душе отдохновения. Позднее отыскалась княжеская могила и началась легенда, и никто уже не мог вспомнить, жила эта сказка раньше или по-

явилась с началом Васиного отшельничества на кладбище. Да никто об этом и не думал, слушали, и всё тут. Сперва сомневались, после привыкли, изменить прошедшее пытаются только дураки, а таковые на огонёк к сторожу не заходили. К такому событию готовились долго, в одиночку, копили обиды, грехи, а уж потом шли высказаться и послушать. Послушать и сказать. Часто случалось, что приходил человек поговорить о своём наболевшем, томившем мысли, но, послушав, о чём идёт разговор между другими людьми, и в этом случайном собрании слов узнавал себя и о себе и уходил, не сказав ничего – всё поняв и тем успокоив боль своих невзгод. На кладбище лучше понимается мелкость своих несчастий. За кладбищенскими воротами и звуки другие. Понятней. Смысл слова огромен, когда вокруг не суется, а слушают и понимают. Когда Вечность впечатана в землю крестами. Вехами бессмертия. Ушёл один – пришёл другой. Пока помянуть, осмыслить, а потом и совсем. Но придёт следующий живой, и помянёт, скажет доброе слово об усопшем, и откусит кусочек хлеба, свою часть от Вечности. Причастится к ней. Так легенда вросла в родную землю и стала душевной нуждой, за которой идут люди к дяде Васе узнать, какую ещё великую доблесть обрёл в себе их земляк – князь. Тем и жива легенда, что всегда нова на свежих устах. Выдумка – не обман, это заслуга рассказчика, свет его разума, льющийся в души слушателей, окрыляющий верой, что всё было именно так и дальше будет ещё лучше и красивее. Даже на кладбище. Умер, но жил, чтобы стало лучше. Только поэтому стоит жить. Жить рабом, но верить, что жива воля, за которую бьётся и борется князь, и надо помочь ему своими делами, чтобы обрести эту даль и ширь своей земли. Она, эта вера, и есть свобода. Мысли о свободе – крамола души. Свобода от чего? Это когда беды нет. Но чаще свободу в беде находят. В разбое. Сказы сказывают о благородных служителях ножа и топора, о вольных, лихих людях. Говорят с завистью и томлением духа, забыв, что пред Господом никто не волен. Волен только Господь. В крови и злобе свободы не бывает. Потому и неясно, где жертва, где палач. И судить никто не волен. Земные судьи на службе у власти кормятся. А Господь сам судит, и присяжные его суда тоже не на земле живут. Не купишь. Земной суд – это так, для потехи тщеславия, всё настоящее людей после кончины ожидает. И казни лютые, и награды высокие. На кладбище идут, кто наград не ищет, а душу, растерянную объединить желают. Пока сам у дяди Васи чаёк попиваешь да беседеешь, душа твоя с душами родных и земляков встречается, узнаёт многое, лечится от суеты, злобы в той суете. Красивей становится, добрее. Но ты об этом не знаешь и, только выйдя на дорогу, ведущую в село, ощутишь в себе покой и веру, возносящую твою душу к Господним высям. И князь светлым облаком оживает в тебе, и верится, что славные дела его умножать – долг твой.

Уважали мужики дядю Васю. За слово доброе, за всегдашнее ожидание, полуденное и полуночное, несчастий человеческих, что приносят ему из-за забора кладбищенского и хоронят с его помощью, в тишине вековых дубрав, выросших здесь с самого начала белого света. А пуще всего возвышала Васю в нехлипких мужских душах его нерастроченная любовь, схороненная за оградой кладбища у могилы любимой. Величают люди глубокие чувства, что через землю прорастают, не пылкостью юной, а через страдания, Господней любовью, ко всему живущему на земле. Со всеми людьми Вася ровен был в отношениях. Провожал на могилку родственников, ежли таковая имелась, или просто привечал в своей избушке. И никто не уходил от него, не излив в беседе душу свою и не выслушав легенду. Один дошлый газетчик, приехавший с какой-то оказией собирать деревенский фольклор, измучил дядю Васю вопросами. Сначала слушал, потом записывал, а вопросы стал задавать, когда понял, что записать легенду невозможно, у неё нет окончательного варианта. А на все выдумки рассказчика бумаги не хватит.

– А был ли князь? – спросил писатель после нескольких прослушиваний. – Что-то описание его подвигов у вас каждый день разнится с другим, последующим.

– Так и дни не все погожие: и хмурые есть, ненастные, – отвечали ему.

– Легенда-то из веков, при чём тут нынешние дни? – не отступался приезжий.

– А теперешнее время откуда? Не из веков ли? Мы не от Ленина, слава богу, родились, а от отца Небесного. День ко дню – и Вечность образуется. А у Вечности много чего есть. И князя там жили и живут, – твердил своё Вася.

– Он что у вас, князь, – не один? Так бы и говорили, – отбыл восвояси собиратель древних сказаний.

Множество имён придумали России заумные её жители и совсем безумные бродяги заморские. Тут тебе и варварская страна, и тройка – Русь, и умом её не понять. А кто просит её понимать тем развёрнутым умом европейского безбожника, нашу бескрайнюю Русь. Для того чтобы Россию понять, ум бескрайний нужно иметь, безграничный. Россия – это мужик, одетый в просторную рубаху, он красивый, светлый лицом, в льняном уборе волнистых волос, с доверчивым, но смелым взглядом, готовый

пахать и защищать родную землю. Россия – это женщина, удивительная Василиса Прекрасная (именно так – с большой буквы), с вечным ожиданием и любовью в своих чистых, как родниковая вода, глазах. Вот она, Русь, и все её дворцы, и Кремли, и даже мавзолей дьявола от мужика, от его труда, от взгляда его доверчивого, веры бесконечной, неколебимой, что воздаст Господь всем по заслугам; и ожидание в глазах женских всё от той же веры истовой в начало и продолжение Русской земли. Кто-то придумывает этой земле названия, этому народу имена, а народ просто живёт и ждёт пришествия Господа, чей святой дух хранит его землю. А ещё пропитана земля Русская совестью человеческой на все времена: и добрые и лютые, и с первыми шагами по родной земле наполняет она русскую душу до краёв боязнью обидеть кого-либо ненароком, оскорбить нелюбовью, встретить неприветливо. Совесть в русскую душу мукой великой вросла. Никому её потеря так дорого не обходится. Человек без совести – вроде языческого божка становится: напасти и страхи насылает на ближних своих, без милосердия душа его обитает. Ему и себя не жалко. Бога нет – совести то есть, значит, и жизнь моя, а не данная кем-то для благих дел, хочу и себя погублю на утеху своему язычеству. Но противны такие мысли русской душе. Эту совестливую широту души русского человека марали и гадили все недруги и други переменчивые, но отмывалась она после кровавых побоищ и снова, с ожиданием любви, глядела в глаза врагов своих и верила – поймут, должны понять. Понимали, но ненадолго, и вновь хаяли и виноватили кормилицу свою, боясь размаха её силы и желая её погибели. А почему так случается? Тысячу лет растила, множила и хранила Русь свою совестливую православную веру, жила в ней и была ей. А Европа изменила Христовым заповедям и расплодила у себя ересь, хитрость и лукавство. В том и суть нашего различия. Но должно бы им всем знать: если проснётся в русском мужике зверь и утихнет совесть – весь мир дыбом встанет и не будет пощады никому из нынешних и будущих клеветников. Любите – покуда добры к вам, идите в открытые объятия – покуда зов ласковый слышен. И мысли такие у Василия прозревали от самой земли родной, от камня княжеского, до Небес тянулись, к Господу. А пути Господни дивны, вечны и мудры. Так и слова добрые, нежданно пришедшие не тяготят, но радуют. Поначалу дивился Василий таким думам, будто бы и не своим, боялся, больно широко захватывало, но после решил – коли дано, стало быть, так Богу угодно.

Не каждому дано прорваться в память своего Отечества и сотворить о том легенду, суметь рассказать её, связать, объединить время, пусть здесь, в ветхой избёнке кладбищенского сторожа; что ж, не всё доброе во дворцах живёт, чаще наоборот. Вася дворцов выше сельсовета не видал, а так высокие терема да подворье княжеское словами раскрашивал – заслушаешься. Распрямялась его неказистая статья, занимались огнём на морщинками повитом лице глаза, и вот уже он сам горячит плетью застоявшегося коня, правит с княжьего двора со дружиною удалой, и льётся, льётся сказ о том походе славном, о воинской доблести и ещё многом, многом забытом, растерянном в суете смешной человеческой жизни. Умели раньше сочинять истории и саму Историю блости. Говорить умели, слова знали верные. Ныне забыли многое, растеряли в войнах кровавых, а пуще того в революциях смрадных, коммунизмах разных, обману научились, ереси, лжи красивой. От этого всего и идут люди к рассказчику честному, дивные слова знающему, там и вспоминают своё родство с добрым словом, с песней славной. К дяде Васе идут на кладбище, там всё прошлое, древностью пахнет, словом мудрым тишина – до поры она тишина, грянет громом, раскатится, молнией засверкает прямо в души и осветит былое, освятит родное, и прибудет Любовь в сердце; и пойдёт человек своей дорогой, оставив недобрые помыслы, похоронив печаль и заботы среди вековых деревьев, уже не боясь безродности своей, восстановив в услышанной легенде связь времени с живущими на Земле людьми. Не каждому хочется взглянуть в глаза истине, вернее, никому не хочется этого делать – страшна правда, даже взгляд в её сторону пугает; там все мерзости, нами содеянные, собраны, бежать захочется, а может, задуматься и пойти за своим взглядом в истинную сторону, тяжёлый будет путь, но славен. Слава земная к праведникам не охоча, но люди её всегда помнят. Да что слава, её кругом много, кумиры что вши плодятся на капищах порушенной истины. Много мелькает лиц, звучит слов, но помнится только настоящее. Если вымрет память о праведниках – кончится жизнь на земле, как Содом и Гоморра, как башня Вавилонская, ведь не Господа люди узреть хотели, на небеса поднявшись, себя показать, мерзость свою возвысить, в гордыне своей с Небесами сравниться. Известно, что потом произошло, и так будет всегда. Только разрастается клоака нечистая, ширится, или Божьего гнева уже не хватает, или число праведников совсем умалилось; а кажется, больше извратилось понимание истины, лжепророки по всем углам множатся, сулят славу, богатство, а то и есть муки адовы, мерзость пред Господом, и смерть, смерть, смерть души нашей. Но души от

чистоты нашей памяти возродятся. Уходят с кладбища люди, из малой избушки-сторожки, напивавшись слов добрых, душою светлея от шага к шагу, и несут этот свет в мир, где множатся испытания и не почитаема истина. Не дойдут эти, придут другие, твёрдые духом. Жив дядя Вася, жива легенда о славном князе, о подвигах его во славу народа, многие придут, и светлым станет их путь обратный, освещённый светом той истины, которой боятся, но идут за ней и приходят.

Вася не только рассказывал о князе, его подвигах, но и видел его в своих беспокойных и всегда коротких снах; не тех лёгких видениях, что приходят от желаний, не исполненных днём, а пытливых продолжений самой легенды, где являлись новые сюжеты и лица, происходили сражения, все события развивались согласно сценарию неведомого режиссёра, отрывки неких кадров, должных объединиться в одну картину, но многое смазывалось, рассеивалось в утреннем свете и оставалось в памяти только то, что и дополняло легендарные образы и благие дела. Жил Вася двойной жизнью: ночью ходил в походы, был дружинником, защитником Отечества, днём бродил среди могил, обихаживал кладбище, встречал памятливых гостей, просто странников, бродяг; некоторые жили у него в избе днями, а то и дольше, месяцами, и зачем они тут были, и куда потом девались, никто не знал, в голову никому не приходило расспрашивать о том. Людишки заходили незаметные, молчуны, но Вася их зачем-то привечал, прикармливал и отпускал с Богом на все четыре стороны. Много по свету людей бродяжит, кто от чего ушёл, всего не дознаешься, но больше от неясности бредут, хотят до истины добраться, не зная, что она недвижна и неизменна, чем дольше идёшь, тем дальше от неё и отходишь. Потом причалит бедолага к какому-нибудь берегу, и начнёт понимать себя, и снова уйдёт, теперь уже от себя, от горести своего узнавания. Так и ходят от одной печали к другой, но для чего-то они, эти побродяжки, тоже есть, должны быть, из века в век идут, скорби собирают и уносят с собою, потому и принимает народ странников с душой и открывает им тайну горькую свою, и уходит скорбь вместе с каликами переходими. Им что? У них ничего в этом свете нет, потому и печали нет, вот и выслушивают других, чтобы понять, зачем живёт человек, в богатстве лишь тоска, но всяк о нём радуется. Заберут кручинушку, они новую копят. У Васи всё по-другому: здесь люди помолчать собираются, послушать, на кладбище только дураки кричат, но те редко сюда заходят, что не дурак, то умереть боится, думает, подальше от погоста буду, дольше проживу, а зачем – не задумывается. Вася многое о том думал, рассказать было мало кому, да и зачем, он легенду знал и сказывал её, туда и свои мысли укладывал, как получалось, но, видно, неплохо говорил, надо уметь складывать слова, чтобы тебя слушали, читали, для того должно отыскаться какое-то начало: высокое, божественное, а может быть, и дьявольское. Кому что милее, оттого и слушают люди, а которые прочь идут, в головах скудость имеют, а гордыни много, чтобы глупость свою признать. Глупость – она от лени, от нежелания слушать. Есть хлеб – покушают, нет – поплачут, а отчего так происходит, думать не хочется – трудное это дело. Леня наперёд людей родилась. Слушателей у дяди Васи хватало, живые сами приходили и уходили, почившие прибывали на телеге и на автомобиле и оставались навсегда, они всегда вернее – не обманут, не польстят, только смотрят с укором с фотографий памятных, много у них вопросов к оставшимся на земле, но до времени, до встречи молчат, а укор их в обретенной ясности того смысла, что на земле никогда почитаемым не станет. Сам Вася давно умер, он жил только на кладбище – и больше нигде, а значит, был покойникам роднее, нежели живым. Весь род человеческий от рождения – потенциальные покойники, но жить при жизни на том свете не всякий отважится, как и о былом говорить не каждому дано. Все пытаются в будущее заглянуть, а там ничего – кладбище, родня зарёванная, если есть, конечно, и ты одет, как в праздник, от радости, что всё закончилось удачно, можно ведь жить остаться надолго, так долго, что взвоешь от этой бесконечности своих мытарств и дури в них. В прошлое никому оглядываться не хочется, там такие мерзости наворожены, по пояс, по грудь, а у кого и под горло жмёт, никому не хочется себя в дерьме помнить, а в будущем всё возможно, но покойником и в настоящем, и в дальнейшем быть вернее. Все того ждут и боятся, а ты вот уже тот, кем все ещё только будут. Не мечтают, конечно, но непременно станут, и потому оглянуться только тому дано, кто раньше всех понял, что в будущем ничего нет и жить нужно сразу по-человечески, с малых лет. Потому дядя Вася никогда не изнывал мечтами, что вдруг кладбище превратится в райский сад и одарится он пышными плодами его. Спокойно относился и к живым и к умершим, к князьям и рабам, в покойниках все перед ним равными проходили, и он им ровень был, жив – не жив, но память отеческую величал.

Говорят, что на погосте бесы обитают, вурдалаки, оборотни, про них люди шепотком рассказывают, не зная и не ведая, да и не видел того. На кладбище тихо и покойно, мёртвые сраму не имут, и не потому,

что не живут, а не приемлют его, Господа узрев. Бесы, они среди живых людей проживают, в кабаках за стойкой стоят, в карты зовут играть, на воровство смущают, при жизни в сатанинское воинство готовят, а похоронили – души усопших либо плачут, либо радуются, и уже навсегда. Вася много лет живёт, никаких передвижений на своей территории не замечал, тишину слышал, а в ней благодать, а вот когда гроза, вроде как плач раздаётся рядом, а может, мерещится по старости лет, но нет, плач не может блазниться, чудится смех, то дьявол хохочет над человеческими делами, а на кладбище все старания и страдания к тем мучениям закончены, смеяться не над кем и не над чем, всё умерло – всё, и сатане делать тут нечего. Мир да любовь царят на погосте. Мир среди усопших и любовь к ним помнящих о них.

Вася живёт долго, и всё потому, что умирать ему не надо, он совсем коротко среди людей обитал и сейчас находится в том мире, где нет суеты, лишних слов и покойно, а то, что он ещё не под землёй, так ведь надо же кому-то за могилами усопших ухаживать, живым это делать некогда, они не помнят о смерти, и потому она к ним приходит неожиданно. Вася помнит о своей кончине, она уже состоялась и больше ему не страшна. Умирать надо уметь, не тащиться за ненужной жизнью, не ползти, желанная пора проходит быстро, а жить против желания не стоит. Желания мешают умереть, а если их нет, то и жить не надо, но и умирать, если что-то не закончено – нельзя. А не закончена легенда, в каждом сне видится ему её продолжение. Ему снится, значит, ему её и договаривать. Умирать недосуг, князь живёт в нём не обличьем, но словом. Вокруг земля родная, и о том каждый знать должен, и легенда – тому напоминание.

Князь повернул своего коня: «Всё, дальше чужая земля лежит. Отдохнём пару деньков и к родным вотчинам направимся». – «Можно бы дальше пойти, город виден за рекой. Добычу возьмём», – раздался голос от дружины. «Или головы сложим. Воровство нам не по чину. Мы – защитники своей земли, а не разбойники. Вольна наша земля, и мы ею будем живы», – князь спешился и подал молодому дружиннику повод.

И Вася проснулся от этого сна. В деревне петух горланит, подниматься скоро. Рано Вася встаёт. Казалось бы, чего спешить, почивай себе до свету, покойники в двери стучать не станут, им ничего от тебя не надо. Вчера, правда, странник к нему приبلудился, чуть жив, каким его ветром принесло, как добрался, ничего не сказал, чаю выпил и дремать зачал. Уложил его Вася на постель в маленькой комнате и подумал, чего они ходят, куда хотят добраться, до чего – до счастья, до богатства, а может, к себе идут всю жизнь? Надо же так потеряться, чтобы по всей земле себя искать. Нет, что-то другое этих людей по земле водит. Или корни оборвались, прорасти не могут, вот и носит их ветром туда и сюда. Расспросить бы надо, отчего ушёл или куда пойти хочет, что потерял и что находилось в долгом пути. Будет жалиться на судьбу, бродячую жизнь, но проживёт недолго и отправится дальше, куда, одному Господу вестимо. Богу многое известно, всякое почему – Его путь, определённый судьбой.

– Почему бродишь? – спрашивают.

– А ты чего дома сидишь? – вопрошает в ответ бродяга.

– Не знаю, – говорит домосед.

– И я не знаю, – вздыхает идущий. Дай ему дворец белокаменный – и от роскоши уйдёт. Бродягу о цели пути спрашивать, как птицу про высоту неба – её всегда не достаёт. Иного прохожего спросишь, где бывал, чего видел – он и не помнит ничего, а зачем ходил, бродил по свету, неизвестно. Другой из дому не выйдет, а всё, что ни спроси, и в тридевятом, и тридесятом царстве знает, что там творится. Прозрение человеку от Господа дано, и про князя тоже, иначе откуда ему в Васиных снах оказаться.

Поле Куликово тоже из снов явилось – о свободе, единении сил, ту волю рождающих. Долго те сны народу снились и только потом освобождением явились от междоусобных распрей, от мелких мыслейшек корыстных, из своего «я» к народному – «мы», выбором – пропасть в рабстве или силой стать. И князь славный нашёлся, и на поле привёл, и победу добыл. И град Китеж со дна всплыл, и вспомнили люди жизнь былую, волю вольную. Тот град Китеж и есть Русь упрянтая, потаённая до поры, до победы над рабством своим, ведь сказано: возродятся града и веси, не из пепла, нет, из памяти народной. И покуда разруха и гнев на земле, народ надеждой жив, что всплывут города и поразят своей красотой сердца, и воспрянет в них Любовь. Легенда красивая и смелая – путь к той Любви, и потому окончания ей нет, что тайна не имеет конца, как не имеет конца земля родная для тех, кто на ней живёт.

Вся разруха на Руси с никонианского раскола началась. Были, конечно, и до того меж русскими драчки, но чтобы веру делить, до такого только дьявол да Никон могли додуматься. Никон хотел своих врагов от веры православной отлучить, а получилось, что отделил Русь от России. И пошло и поехало –

разброд по стране, одни в леса, другие в терема высокие, не достать. И стали православные люди друг друга аки зверя лютого травить, одному и тому же Господу молясь, но по-разному персты складывая. Из этого русского раскола выросли в злобе своей и Разин, и Пугачёв, а потом на ослабевших от внутренней распри навалились иноземцы, каждый силился свой кусок от нашей беды урвать. Но русский народ тем и славен – своя драка, междоусобица до смерти, до разрухи, но чужой не суйся, сомкнутся перед супостатом, будто братья родные станут, нет прочней силы – из пучины вражды на защиту Отечества как один идут, и нет равных им в том бою. Но кончится время ратного подвига, отстроятся, обживутся и заново за старое принимаются, обиды начинают вспоминать, тут, глядь, какой-нибудь Емелька найдётся – пошёл бунт, разбой по родной стороне. Натешатся вдосталь, как заново родятся, и снова – за работу. Тут вскоре комиссары чужеродные подросли и молвят: трудно вам, ребята, в расколе жить, а бросьте вы вашу веру вовсе и без неё живите, вот вам по топору, добывайте себе свободу от всего – закона, царя, веры, Родины и радости. Разбойничайте безбожно и бездумно, а мы тут за вас решим, как вам дальше жить. Так и решали – кого в тюрьму, кого в гроб загнали, а кого и туда, где Макар телят не пас. Так бы и перебили русичей всех до единого, но тут немец на весь мир озлился. А воевать кому? В европах свои законы, кто сильнее, тому и лизнут задницу, а, чтоб воевать, упаси господи, для этого варвары-славяне на Востоке имеются. Туда немцев и направили, а сами все сдались без боя и стали ждать освобождения, под оккупацией проживая. Комиссары тоже в сторону (кто в Америку, кто в Сибирь), не наше, мол, дело, свою землю сами защищайте, а мы со стороны посмотрим, может, опять какую-нибудь выгоду вынем из вашей бойни. Слава богу, князья славные нашлись, повели народ в бой и победили всех сразу: и комиссаров, и немцев, и безбожие своё. Сплотился народ, окреп, ожил – засияла русская земля куполами золотыми, вера в единую срастаться начала. Но неймётся пророкам бездомным, ни флага, ни Родины долгое время не знающим, бродят эти паразиты по телу народному, пьют кровь, зудят, будят в людях мелкие, мерзкие мыслишки, им непокой, разбой вселенский – радость, они руки на этом пожаре греют да барыши считают. Потому и сеют разброд в народе, и снова по стране разбой и смута (манит народ воровская свобода), видно, скоро до войны дело дойдёт. Последней, самой страшной, после которой сгинет всякая нечисть со всей своей ересью в Тартар, и наступит мир да покой, и слово Божие станет услышано во всех началах и концах Земли. А пока зуб за зуб и око за око, и нет от той мести спасения на белом свете, не видна война эта тайная глазу, но губит всё на Земле, что ещё верно Господу. Глумятся лжепророки над верою, над победами нашими, устраивают революции и новые войны, обращают народы в рабов разврата и безбожия, и нет тому конца.

Вышел Вася во двор, а там всё так же: утро встаёт, туманом закутанные деревья дремлют до солнца, а земля в этой дымке утренней будто покачивается, в неге дремотной, и такой кругом покой, что думать только о добром хочется. День всегда утром готовится: как светом ранним подумаешь, так тебе и день отзовется. Пройтись бы надо, осмотреть хозяйство своё скорбное: где прибрать, почистить, деревья у ограды надо бы поредить, мешают друг дружке в рост пойти, а там, поди, и странник поднимется, для разговора время будет. Вслед за добрыми мыслями хорошо ранью утренней пройтись, оглядеться в редком ещё свете, в котором прячется по углам, в низинах, ночная тьма, но уже не выстоять ей, скоро зальётся всё кругом теплом солнечным, зашевелится, зашебаршит соком жизненным природа, блеснут росой травы, стряхнут дрему деревья и откроется взгляду благодать и ширь родной земли. Вдруг показалось Васе, блеснуло что-то в стороне, в зарослях сиреневых кустов, не росинка крупная, нет, не осколок стекла бутылочного (с чего им сверкать в тумане, солнца-то ещё нет), а нечто особенное, как озарением засветило в глаза, указало, куда подойти, и погасло. С трепетом и опаской, но не снедаемый любопытством, а как бы по зову родному, подвинулся он к месту свечения того. Продрался сквозь заросли, лет двадцать никем не хоженные, с той самой поры, как разросся первый куст, Васей посаженный для красоты весенней и запаха сиреневого. В самой чаще, глядь, а тут крестик нательный, серебряный, и на цепочке того же металла лежит. Поднял Вася святую вещь, вылез из кустов, а тут по небу будто что-то зашумело. Поднял он голову, а там промеж начавших светлеть облаков всадник скачет, не шибко так, будто протягивает путь с востока на запад. Замер Вася, задрожало кругом, конь белый и всадник на нём, осиянный золотыми лучами, повернул голову и на землю глянул, и таким светом воздух наполнился, как только при рождении бывает. Надел Вася крестик найденный на шею, упрятал под рубаху и покойно стало на душе. И сразу вновь шум по небу прокатился, и всадник за ним уже с запада к востоку проплыл, добрался до горизонта, и солнце сразу выкатилось, и день начался. В покое и радости пошла у Васи работа, и мысли, меж делом, светлые. Догадаться хотел, кто же крестик мог обронить, и всё понять не мог, и казалось, что

похожа находка на его именной крестильный крест, что надела на шею ему при крещении бабушка, и который, не снимая, носил мальчонкой, а потом затерял где-то по неразумности своей. А всадник – он-то к чему, не каждый день такое чудится? Что явь, а что видением называть, не сразу разберёшь.

Вернулся, хорошо потрудившись, Вася в избушку, а странник уже поднялся, ожидает у двери. Вчера, когда сумерничали, в потёмках не разглядел толком его – оказался и лицом пригож, и статью вышел, не истоптался ещё, по земле странствуя, и говор лёгкий, не докучливый. По нраву пришёлся со взглядом, и пошёл разговор, а между ним Василий картошки начистил и варить поставил, сальца порезал, лук, хлеб, траву в чайнике заварил. Хорошая беседа – она к застолью располагает; достал Вася и настойки крепкой, на ягодах, – горит в бутылке рубиновым цветом, радует глаз чистотой хрустальной. Выпили по махонькой, хлебом, салом закусили, и спросил тут бродяга:

– Сказ-то будешь говорить?

– Откуда знаешь, что я рассказывать умею? – удивился Вася.

– А то. Земля слухом полнится. Твою легенду по всем краям света странники сказывают, – ответил гость.

– Как узнал, что они здесь повесть услышали? – пытал хозяин.

– По их рассказам, пригляделся – вижу, не иначе как в этом доме поэт тот живёт. Могилу князя покажешь? – развеял все сомнения гость.

– Покажу, отчего не показать, раз уж всё знаешь об нас, – успокоился Вася.

– Легенду слышал, но везде она разнится в словах. Пока донесут из края в край, многое переменят. Но, главное, жива легенда и славен в ней князь. И я, слава богу, добрался к тебе, послушать из первых уст желаю, вот и пришёл. Не выгонишь – поживу, послушаю, – готовился к рассказу странник.

– Рассказывать к ночи будем, а сейчас отдохнём от обеда, потом пособишь мне в работе, если не ленив, разговоры вечером будут, – противился своей радости Василий, но душа его пела словами странника: «Жива легенда, жива».

Полуденная дрёма недолга, пошли дела дорабатывать. Помощник Василию достался умелый, дело у него спорилось, сам-то за ним едва поспевал, видать, не от работы мужик бежал, судьба в бродяги определила. Может, останется, поживёт, одному всё трудней управляться стало. Уже вечером и поговорить надо об этом. По нраву Василию захожий человек пришёлся, будто родной, долгожданный. А душа уже кипела словами легенды, собирала их вместе, чтобы вылиться всей своей красотой свободной на радость слушателя. Много у него людей перебывало, подкормиться заходили, погреться, зиму скоротать в тепле, но чтобы издалека за словом прийти, впервые такое случилось.

Потрудившись изрядно, отправились к Князеву камню. Почтительно встал у памятника странник, и кепчонку сбросил с головы, и волос пригладил, молчал долго, только губы шевелились, как при молитве. По нраву Василию и почтение его к памяти великой, и молитва неслышная.

Поужинали уже при лампе и сразу же прилегли, и медленно-медленно встрепенулась темнота словом, уступила своё пространство светлой мысли, дивному сказу о прошлых подвигах великого князя и его дружины, и дрожала ночь от топота копыт и звона мечей, когда рубились воины с ворогом во славу родной земли. К полночи иссякла речь, кончилась легенда, возвратились ратники в родные дома и тихо стало в избе кладбищенского сторожа – потомка князя.

– Сладко будет спать после такого славного рассказа. И сны явятся добрые, – промолвил в тишине странник.

– Здесь всем крепко спится: и проходящим, и уже пришедшим, – подтвердил его слова хозяин.

– А напечатать свою легенду не пробовал, уж больно слова в ней добрые да складные, может, кто и прочитал бы вдалеке, не всем годится по свету-то бродить, а знать хорошее многие люди хотят? – из темноты спросил гость.

– Как не пытаться, хотел. Журналист приезжал, всё про князя выпытывал и адресок дал в городе, в журнал. Месяца два я тут бился, переписал начисто весь сказ и поехал, благословясь. Только там, в этом городе, ни моё благословение, ни сам деревенский человек ходу не имеет. Посмотрели мою писанину, поулыбались вдосталь, а потом спрашивают, а где вы образование получали. В школе, говорю, семь классов закончил. Маловато, говорят, учиться вам дальше надобно. Говорю им, учился, мол, книг много умных прочёл, словами мудрыми душу образовывал. Они отвечают, мол, книги все любят читать, а надо учиться, чтобы их писать. Я говорю, не знаю, кто книги пишет, а вот читать-то не все любят, вот вам принесли легенду о князе, а вы читать не хотите. Поусмехались, кто в бороду, кто ещё только в усы,

но уже научены над мужиком ехидничать, поперемигивались, дескать, откуда такой деревенский Нестор отыскался и почему без лаптей. А ещё спросили, кем служишь, убогонький. Сторож, говорю, на кладбище. Тут совсем хохот покатился, будто горохом об стену застучало. Ты бы лучше, говорят, про вурдалаков написал, как они по ночам людей пугают. Мы бы тебя живым свидетелем выставили, в герои наших дней вышел бы. Мне геройство ни к чему, отвечаю им, а на кладбище тихо, никаких упырей не видать, они все в город перебрались, по редакциям сидят и среди бела дня хохочут, как выпь на болоте, кровососы тоже в столицах живут, всю кровь из деревни выпили и над нею, родиной своей, надсмехаются. Только вот умники из вас никудышные, не тому вас учили, смеяться выучили, а думать – нет. Всё о любви к народу талдычите, ан не любите вы его. Надо так свой народ любить, чтобы бояться его, как Бога, и потому не чинить злого умысла к нему, ибо суд народа – суд Божий, ко всем он грядёт, и к вам тоже, там разберут, кто убогий разумом, а кто светел. Давай они тут в полный голос хохотать, развеселились, а я писанину в руки и домой. Ехал в автобусе к своей деревне и раздумывал, а Гомер, певец слепой, он что, профессиональным писателем был, в клубе поэтическом состоял, а Эзоп вовсе рабом родился, нет, тут что-то другое замешано в этом недружелюбии к деревенским сказителям. Боле и не ездил никуда.

– Ничего, Вася, Христос тоже необразованный был, фарисеи и над ним потешались. А что из того вышло, все знают. Разум от Бога, науки – лишь продолжение того разума. Кто в науке преуспел, ещё не значит, что у Господа в милости.

Долго не сумел заснуть Вася после разговора с гостем, Егором тот назвался, давненько таких людей не встречал – обстоятельных, но открытых для разговора. Без утайки отвечает про своё житьё-бытьё и сам вопросы задаёт неробкие, душу чужую выпрастывает. Легко с ним. Молод ещё, но уже осанист в речи, неуступчив, если за правду зацепился, а бродяга редко свою жизнь на истину кладёт, врёт больше, как проверишь, света край далеко и чего там было с ним, поди проведай. А у Егора всё степенно, без робости человек живёт и говорит. Этот не просто бродит, перекаати-подем, где подадут чего, там и дом, он, по всему видно, укрытия ищет, душ родных свет ему нужен, вот и легенду на конце земли услышал, и за ней пошёл, и сыскал начало её. Может быть, с тем, чтобы продолжить. Слава богу, послал он Васе второго, что каждому человеку нужен, чтобы дело его на земле подхватить. Без такой причины он бы сюда не пришёл. Своих последышей у Васи нет, а этот не чужой, он родней родных, на князя обличьем похож, а подобие великого просто так не даётся – оно достойных ищет, ждёт, как награда. Вот и Васе радость вышла за долгие годы ожидания, будто сына, никогда не виденного, встретил. А годов-то сколько ушло? Начал он их считать, вглядываясь в темень избы, будто хотел сыскать в ней подтверждение своей жизни. Точный счёт своих лет у него никак не получался, многие зимы и лета помнил, людей в них живых, а теперь уже тутошних, под крестом почивших, и получалось, что всех он уже пережил – и поздних, и ранних, и как ни крути, а за девяносто годов он уже отошёл и скоро надо будет на поклон к Господу собираться. А что точного числа своих лет не знает, так то не беда, он среди живых мало жил, а на кладбище года, как один, и сто лет – мгновение. Так бывает – умрёт человек, пока помнят его, вроде как живой, а кинутся считать – самим пора вслед отправляться. Но если ты гневен в своей памяти или по другой причине забыл родные места, не посещаешь отчие могилы, то тебя после смерти заруют как собаку и никто не помянет о тебе добром, гордыня твоя прорастёт на могильном холме сорной травой, бурьяном беспамятства.

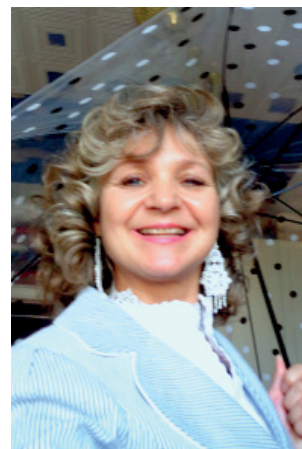
Под утро отошёл Вася от раздумий, сомкнулись его глаза, утомившиеся выискивать во тьме растерявшиеся по жизни годы, и в глубоком этом сне оказался он вблизи какого-то ровного, воздухом светлого поля, в ожидании грядущего события. И разделяет это поле ограда кладбищенская на два мира. У этой ограды и встретил он князя. Князь конно прибыл, с малой дружиною, спешился у своего камня и заговорил: «Беру тебя в своё воинство. Много добрых дел за тобою, Василий, будешь мне помощником. Вместе постоим за нашу землю перед Богом и народом». Ещё многое говорил князь, но очень уж ярко сияла кольчуга его и шелом на голове – страх благоговения сковал разум, и не всё сказанное запомнилось. Проснулся он утром, будто осиянный тем жарким светом доспехов князя и дружины его, долго бродил меж могилами, пока не пришёл к своей суженой, не ставшей ему женою, а ушедшей невестой к Спасителю. Долго стоял, глядел на её улыбочивое лицо с фотографии, и свет той улыбки вливался теплом в его душу, а может, то лучи утреннего солнца согревали его, но только вдруг стало жарко в груди, потянулся Вася руками к глазам любимой и соединился с ней – упал на могильный, поросший травой мягкой холмик, под самый похоронный крест, и замер навсегда.

Проза

Светлана Савицкая

Светлана Васильевна Савицкая – доктор философии, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», член Союза писателей России, единственный писатель, чьи книги оформляла Джуна. Сотня притч с названием «Энергия сердца» с оформлением Никаса Сафронова, книга притч «Энергия мудрости» – более пяти десятков книг на 14 языках мира: художественных и научных книг, военно-исторический роман «Балканы» был удостоен почётного знака «Самарский крест» от правительства Болгарии, исследовательский роман «Распутай время» признан лучшей книгой 2011 года в Берлине, Сербия вручила писателю «Златну крону». Светлана Савицкая обладатель множества других Гран-при и литературных премий.

САХАЛИН. ПОСЛЕДНИЙ ОСТРОВ

Письмо первое

Привет, папка. Выхожу из зоны турбулентности, но в любой момент могу оказаться вне зоны доступа сети. Не сердись. Оставляй сообщения после гудка.

Обещаю осыпать подарками, что удастся осмыслить. Тем, в кого верит Бог, он ведь подарки не дарит – подарками осыпает! Да вот промысел подарку рознь!

Вот первый.

Перед полётом на Дальний Восток я тут народ рассмешила. Будем лететь, говорю, 8 часов через ночь, поднимемся на борт, и тут СТРЕМИТЕЛЬНО наступит темнота!

Некоторые товарищи тут, скрючившись, в центре салона, с помощью виски телепортировались. А для остальных темнота НЕ наступила.

Смейся над дочерью своей неразумной%))) Не выходя из солнечного наркоза заката, СТРЕМИТЕЛЬНО ворвались мы в начало Света восхода. Так что твоя торопыга опережает тебя, папка, на 8 часов!

Мы едем сейчас по дождливому холодному Южно-Сахалинску. За бортом 4 градуса тепла. А «ощущается», что холода.

И как сказал Чехов: «Пьеса готова! Осталось только лишь её написать!»

* * *

До японцев на островах Курильской гряды жили тонцы. Потом айны отвоевали у тонцев в том числе и Сахалин, переняв татуировку губ у женщин и мечи тонцини. Две тысячи лет японцам понадобилось для вытеснения айнов с островов Японии. Представляешь?

А вот на Сахалине, являющимся местом русской каторги и ссылки, Японии пришлось столкнуться с нами лишь в Первую мировую. Как ты знаешь, в Русско-японской войне 1905 года мы проиграли. И до 50 параллели южная часть Сахалина отошла Японии. Япония старалась истребить и русское и айнское население, чтобы сделать остров «необитаемым».

После революции 1917 года Северный Сахалин вошёл в состав Дальневосточной республики. А на Южном уцелело не более полутысячи русских.

В 1920 году Сахалин был полностью оккупирован Японией и отменены все законы России вплоть до Пекинского договора в 1925 году, по которому Северная часть снова отошла к нам. Полностью Сахалин вернулся в состав СССР только после Второй мировой войны.

Приметами времени остались тут множество могил. Русских. Японских. Разных.

И, несмотря на то что в общем война была проиграна, мы помним героические эпизоды.

Так, в феврале 1905 года 214-й пехотный Мокшанский полк в тяжелейших боях между Мукденом и Ляояном попал в японское окружение, и, когда заканчивались боеприпасы, командир полка полковник Пётр Побыванец отдал приказ: «Знамя и оркестр – вперёд!..»

Капельмейстер Шатров вывел оркестр на бруствер окопов. В ходе боя полк под музыку оркестра непрерывно атаковал японцев и, в конце концов, прорвал окружение. В бою погиб командир полка, от четырёхтысячного личного состава осталось 700 человек, а из оркестра уцелело только семь музыкантов!!! За этот подвиг они были награждены Георгиевскими крестами, Илья Шатров – офицерским орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами, а оркестр удостоен почётных серебряных труб.

В честь погибших товарищей в 1906 году Илья Шатров создал известный каждому русскому сердцу священный вальс «На сопках Маньчжурии».

Письмо второе

Добрый день или вечер. Пишу с АЙНУМОСИРИ – земли айнов. Так называли коренные жители остров Сахалин и острова Японии! Сирия – Россия – Масква – ДаМаск – не напоминает???

Согласно преданиям, «Было время, когда первые айны спустились из Страны облаков на землю, полюбили её, занялись охотой и рыболовством, чтобы питаться, танцевать и плодить детей».

Нехитрые задачи, правда? Заметь, никакого государственного мышления и коммунистического коллективизма – сплошной индивидуализм! За что народ и был рассеян, и почти растворился на карте планеты где-то между Сахалином, Курильскими островами и Японией.

Здесь всё по Пушкину – и Лукоморье со золотыми цепями исторических меридианов и параллелей. По ним хожу я подобно учёному коту, причём когда иду направо – пою песни, а налево – ясное дело – рассказываю сказки! Ну, нельзя же нарушать хороших традиций!

Пойми меня, мой русский Андерсен. Любой рассказ может выливаться из писателя только со слезами, вместе с выпавшим осколком кривого зеркала любви или ненависти, негодования или восторга. Но непременно эмоционально. Только тогда читатель, в глаз которого попадает осколком зеркала души твоя эмоция, проживёт виртуальный катарсис как маленькую жизнь – до финала.

О ссыльно-каторжном Сахалине Материк исторически говорит обычно осторожно, точно человек, старающийся не жевать коренным зубом с открытым нервом.

Журналист задаёт людям вопросы, на которые заведомо знает ответ. Писатель же, что учёный кот, сказки да анекдоты рассказывает. В ответ обычно три варианта – либо бурная реакция соды, когда на неё попадает кислота, либо осторожное молчание, либо ответная сказка, как некое научное открытие или точка опоры, способная перевернуть мир!!!

Остров Сахалин имеет форму осетра с раздвоенным хвостиком, на котором японцами было установлено три маяка: Анива, Лаперуза и Камень Опасности. Между кончиками хвоста – залив Анива. Теперь понимаешь, почему пролив Лаперуза между нашими странами не единственный?! И здесь снова не обошлось без политического казуса. Туманный стык трёх морей между японским Хоккайдо и российским Сахалином японцами называется проливом Соя, а европейцами – проливом Лаперуза. Уважая обе цивилизационные системы, на глобусе нанесены оба названия.

И маяки эти, воткнутые точками акупунктуры в останцы гор на Краю Света, на самом деле – прогрессивная мысль человечества.

У русских – род, родина, у этрусков и римлян – Патрио – Отечество. Отсюда и слово патриотизм, не понятное нашим партнёрам, с лёгкостью меняющим место проживания, что родиной не является. Но у нас-то с тобой она есть!

Голубое молоко залива – кисельные крутые берега.

У крутых берегов водятся – представляешь? – и сивучи, весьма ловко ныряющие в охоте за рыбкой, и нерпы, озадаченные тою же проблемой. Причём когда млекопитающих становится слишком много, на кормную базу устремляются хищники покрупней, например касатки!

В воде крупные млекопитающие ловки и изыщны!!! И любоваться их охотой можно бесконечно!!!

Здесь везде Начало Света! Начало Солнца!!!

И наверное – начало СКАЗКИ!!!, которую я так давно предчувствовала увидеть!!!

Папка, помнишь, малышкой я умучивала тебя вопросами: А где рождаются облака? А где спят ветра?

Ответов твоих я не помню. Наверное, не отвечал.

Не поверишь!!! Я нашла это место!

Мы плыли на лодке вдоль горного массива. И впереди увидела я облако, рождающееся прямо в скале и ниспадающее к воде, как вуаль невесты!

И плыли мы ещё. И поняла я, что плывём прямо в это облако!

И вот уже сплошное молоко и справа и слева. И не понять, как кормчий правит лодкой! И боязно. А вдруг касатка вынырнет перед носом. Или что хуже – наткнёмся на подводный риф! И скорость держим.

И вдруг прямо перед собой, сколько видно глазу – выросла из океана высокая острая скала. И рядом – скала поменьше! Меж ними – узкий пролив, терзаемый волнами.

Глянула я повнимательней и обнаружила – бог ты мой! – на маленькой скале – маяк, что тебе храм беленький маленький! И чаек на нём – видимо-невидимо!

Увидели нас чайки и давай кричать, как заполошные!

Так вот где рождаются облака!

Так вот где спят ветра!

Они слетаются сюда на Начало Света с трёх морей и баюкают яйца чаек.

И то, что нет на самом деле никакого секрета в детском вопросе, показалось мне таким простым и весёлым!

* * *

Восемь часов вперёд – и месяц назад – в весну! Продлить весну возможно ли?

Да. На какое-то время. Но потом, я знаю, мне предстоит резко откатиться в зиму. Стремительно, па. Айны для лингвиста – предмет изучения. Для торговца – рынок сбыта. Для меня – потерянный рай! Мне кажется, если я раскрою их тайну – то найду и смысл жизни.

Гляди! Это ведь не чайки! Это Люди сбиваются в стаи по привычкам. Писатели узнают друг друга по словам. Нужное слово, оно ведь как код! Вот мы с тобой, па. Одной крови. Да. Но, знаешь ли, никогда не были так далеки физически и так близки духовно, как на этом маяке. И разъединяющим и объединяющим одновременно. Это ж не просто маяк. Это символ!

Проходят годы, и ничего не меняется!

Только посмотри на этот маяк, и ты увидишь не разрушенные облупившиеся стены. Великий коллективизм России – начиная со Святослава, Петра и Сталина и завершая Военной операцией на Донбассе – еле держится от многочисленных волн либерального индивидуализма!

Чиновник, освоившийся в далёком регионе, и не думает об общегосударственных ценностях, точно живёт при Чехове!

Маяк среди людей давно не светит. Он, по большому счёту, давно и уж вообще не маяк вовсе!!! Но он был. А значит, он есть. И будет всегда маяком. Символом света. Помощи. Избавления от беды.

Ты знаешь, маяк изнутри похож на мой мозг, забитый всяким не нужным никому проржавевшим хламом! А в окна, как в дырочки глаз, я вижу, представь себе, море, и горы, и чаек, и солнце!

Помнишь, бабушка читала, пока не стукнешь по очкам: – Ба!

Поэтому разницы никакой. В мобильник люди глядят или в книгу.

А писатель обязан понимать всю подводную лодку московского метро, уткнувшуюся в мобильные телефоны вместо твоей великой книги «Последний остров»!

Тут я чётко осознала, что Последний остров – это не Сахалин! Всё было б слишком просто.

Вот люди со мною в одной лодке сидели. Все в мобильники глядели. Хотя, если б оторвались, заглянули бы мне в глаза. Может, я больше бы рассказала им, чем мобильник!

Фантастический зелёный остров Сахалин, где сбываются сны о любви. Да. О любви. Не ругает меня, что не пишу тебе писем. Да я постоянно пишу тебе, па, точно ты до сих пор ворчишь: «Работай над словом!»

Писатель делает себя сам. Несмотря на то что вместо волос у обоих у нас лохматое белое солнце!

Почему ты решил, что я должна быть лучше Чехова? Не больно-то он редактировал свой «Остров Сахалин»!

Так и остров Сахалин пока не видит меня, несмотря на то что я ем его и пью, на нём сплю. Им дышу. Им думаю! Меня как писателя для него не существует!

Поэтому в моих глазах – штиль. Синий до одури штиль залива Анива!

Я гляжу с маяка в окна и понимаю: НЕТ – не душа моя – проржавевший храм.

А ВСЯ Культура Великой России, загнанная перестройкой в разрушенный маяк собственного бессилия!

Мы, оставшиеся, стоим на крепком фундаменте собственного таланта – и чайки мечтами выют в нас гнёзда надежд!

Когда я была ещё совсем ребёнком, а не писателем вовсе, несла боль и рыдания тебе. Донесу, ты обнимешь – и боль исчезала.

Здесь, на Сахалине, нельзя плакать, даже когда видишь погасшие маяки! Тем более рыдать об утерянном рае книжного рынка. Можно только улыбаться.

Я донесу до тебя эту улыбку. Только ты способен понять, это не улыбка вовсе, и боль пройдет. Я знаю, папка!

Последнему острову философской мысли как воздух нужно обновление, не оторванное от интеллигентности и здравого смысла.

Нужно новое литературное пространство!!! Где выше закона – любовь. Выше прав – милость. Выше справедливости – прощение.

И лишь когда снова заработают маяки истинного профессионализма, настанет Золотой век страны и мира.

Случались ведь в исторических пластах времён эпохи возрождения!

Вот и получается, пап, что столкнулась я не с маяком в тумане, а со всей прогрессивной литературной проблемой мира.

* * *

Французский разведчик и завоеватель новых, не занятых европейцами земель Жан-Франсуа де Лаперуз, именем которого назван пролив между Японией и Сахалином, как известно, погиб со всем составом возглавляемой им морской кругосветной экспедиции у острова Ваникоро группы Санта-Крус.

Однако его вредоносная миссия для России практически не озвучивается. Хотелось бы напомнить несколько весёлых событий, связанных с этим. Как ты знаешь из романа «Свет отражающий», Первая и Вторая Камчатские экспедиции, благословлённые Петром Великим и обозначившие наши территории на полуострове Камчатка, были совершены до 1742 года. Восток заселялся крайне медленно в связи с удалением от столицы и суровым климатом. Однако нашим людям удалось зацепиться в самой удобной из всех бухт Земли – Аваче. И вот представь картинку. Десятка два служивых, их местные туземные жёны с палочками в носах, с весьма серьёзными лицами и в европейском пышном платье – радушно встречают французские военные корабли «Буссоль» и «Астролябия» под предводительством окаянного Лаперуза, не подозревая, что у него на уме вовсе не полакомиться красной икрой местной горбуши, а забрать у русских землю, где та самая горбуша мечет ту самую икру.

И вот смотри расклад сил. Бороздящие пакетботы испанцев с одной стороны, французов – с другой и англичан – с третьей занимают Америку, Австралию, Индию и т. д. Но наши Севера и наш Восток им не по зубам. Лаперуз, как военный разведчик, конечно же передаёт сведения своим, что гарнизон Авачи охраняет два-три казака и их экзотические жёны.

И вот уже к Аваче спешат военные черти с Европы, наспигованные ружьями, пушками и прочими партнёрскими причиндалами.

Ну а теперь вишенка на торте. Завидев пакетботы, наши казаки что делают, как ты думаешь? Не поверишь!

Они сгребают в охапку ценные вещи, запасы еды, жён и детишек-метисов и уходят в горы, как Алитет!

Французики, борясь с течением, понятно, входят без боя в Авачу. Там никого – запасов пищи нет. Как добывать европейцу рыбу или там медведя, никто не учил. Поводив жалом и предвидя суровую зиму, оледенение бортов и прочее, захватчики не стали рисковать и оставили порт.

А казаки благословенно спустились с гор.

Вот и вся войнушка. Вот тебе и весь Лаперуз. Это потом был Наполеон и оставленная Москва! И как в песне Игоря Растеряева «Русская дорога» – «Природа на войне нам как родная мать, но есть время хорониться, а есть время наступать, запомните загадочный тактический приём, – когда мы отступаем, это мы вперёд идём... вместе с холодами и лесами. Впереди – Сусанин!!!»

* * *

Не представляешь, как здесь красиво!
И знаешь, что я думаю об этой красоте?
Мы, писатели, стуча сердцами в материнском лоне, уже знали, как безжалостно убивать тремя фразами этой красоты, как Чехов!
Создавать координаты четырёхмерного пространства этой красоты, как Пушкин!
Разворачивать тальянкою и обратно сворачивать душу этой красоты, как Есенин!
Говорить стихами в прозе этой красоты, как Паустовский!
Видеть мир красоты в песчинке, как Астафьев!
Ходить босиком по росе этой красоты, как Песков!
Жонглировать глубинными историческими процессами этой красоты, как Гриневич, Вашкевич и Асов!
Создавать мантры сбывающихся снов красоты, как Цветков!
И даже освоили все приёмы образности красоты Писахова!
Если звёзды гаснут, то они больше не нужны???
Если гаснут маяки? Школы? Библиотеки? Если закрываются книжные магазины?
Знаю только, что писатели не гаснут.
Писатели вообще не погаснут, ведь они умеют зажигать звёзды красоты, па!

Письмо третье

Больше всего мне понравился один мужик. Он тусил в группе гастрономических туристов с баальшим таким тесаком. Мечтал, наверное, найти устрицу и тут же, в воде, сожрать.

Вид у него был, прямо скажу, – бррррутальный!

Остальным выдали спецодежду. И я боролась с диким ветром, пока гуляла по воде, чтобы не утопить камеру и хоть как-то прикрыть грудь от ледяного дождя.

Па... если б не коньяк... то, наверное, кончила б я тут бытие своё, как Чехов!

Пресное озеро, в которое вольно то вливаются, то выливаются морские воды, что кроме прочего бороздит река Шишкевича и протока Аракуль. Своё название лагуна получила в честь первого начальника острова Сахалин – Николая Буссе. В годы японской оккупации её называли Тобути. В окрестностях было два населённых пункта – Муравьёво и Береговое. Они формально и сейчас существуют, только почти обезлюдели.

От моря лагуну Буссе отделяет песчаная коса, а соединяется всё это проходом Суслова, так что в самой лагуне вода солоноватая. Смешение пресной и морской воды позволяет жировать рыбкам и разным морским тварям. Многие из них очень вкусные и полезные деликатесы. При полном отливе можно переплыть внутреннюю реку и попасть на места выброса моллюсков.

Если честно, па, я больше люблю жареную камбалу. Мне её прямо руками выловили. И как ты думаешь, что было дальше???. Сердобольные москвичи поверещали с той камбалой. Поселфировались и выпустили далее плавать!!!

Выпускание с таким трудом добытой пищи обратно в лагуну туристы объяснили «списанием греха за спасённую душу» моллюска!

Но остальных тут же живьём они благополучно съели. Прямо шевелящихся. Клянусь!

Письмо четвёртое

Папка, привет. Измучилась я тут конкретно. Долбит меня акклиматизация. Просыпаюсь в три утра и оставляю тебе сообщения, на ходу догрызая то, что найду в холодильнике! Кофе не спасает. Чувствую себя беременной мойвой, выбросившейся на берег и готовой отметать икру!

Здесь мало книг. И много рыбных рынков. Но Сахалину не скажешь: «Эй! Ты!»

Сахалин – пряная живая видеоизменяющаяся энергия: то закроется туманом, то очистится, то глядит в упор своими сине-зелёными брызгами!

Растолковывать тут о моих изданиях, всё равно что чаек кормить «Педигри» и ждать, что они начнут гавкать!

Цитирую Чехова, дабы доказать, что некоторые нюансы на Сахалине почти не изменились. «Если хотите заставить амурца скучать и зевать, то заговорите с ним о... русском искусстве!»

Тут красиво – нет да и увидишь среди пихт и берёз пенно-розовый цвет сахалинской вишни. Японцы её величают сакурой. Остров Сахалин ещё помнит, когда проводили здесь «Ханами» – семейные праздники любования цветущей сакурой, устраивая «танцы вишен».

Народ тут всё душевный. Особенно в музеях! Но на книги и литературу в целом – спроса нет. От слова – совсем!

Ты просил разузнать про айнов. Я спрашивала. Но проводники стойко хранят тайну айнов. Однако следы древнего народа повсюду: в названии рек и гор, в белых снах, туманах, улыбках местных проводников и женщин, торгующих у дорог королевскими крабами и сиропом из клоповки.

Даже в истошных криках чаек мне слышались не стоны моряков, как принято здесь считать, а мятежные песни правдолюбивых айнов.

Говорят, настоящие Айно правдивы и не терпят обманов.

Крузенштерн, кстати, пришёл от них в совершенный восторг.

А. П. Чехов говорил: «Айны – это народ кроткий, скромный, добродушный, доверчивый, общительный, вежливый, уважающий собственность; на охоте смелый и... даже интеллигентный».

В 1853 году Н. В. Буссе, тот самый, на озере имени которого мы были, записал за стариками айно: «Сахалин – земля айнов, японской земли на Сахалине нет».

По расовым признакам они близки к европеоидам, языковые связи точно не выявлены. В описываемое время численность айнов на Сахалине составляла до трёх тысяч человек, а на острове Хоккайдо – до полутора миллионов. Николай Задорнов утверждал, что в его времена они почти вымерли.

В первых сообщениях японцев «РУССКИЕ» на Хоккайдо – Матмае – упоминаются как «РЫЖИЕ АЙНЫ».

Итак, АЙНУМОСИРИ – земля айнов. Сахалин – «САХАРЭН МОСИРИ» – где сир-шир практически одно и то же – «волнообразная земля», Итуруп означает «лучшее место», Кунашир – Симушир – «чёрный остров», «шир» и «котан» названия Шикотан – Шиашкотан означают соответственно «участок земли» и «поселение».

Указ Екатерины II велел Сенату освободить айнов, принявших российское подданство в 1779 году, от податей.

Японский математик и астроном XVIII века Хонда Тосиаки писал, что «...айны смотрят на русских как на родных отцов».

К концу 80-х годов XVIII столетия острова объявлялись владением России.

В 1945 году японцы выселили всех АЙНОВ с Сахалина и Курильских островов на Хоккайдо.

Судьба АЙНОВ на Хоккайдо – МАТСМАЙ сокрыта за семью печатями, идёт усиленный процесс японизации айну.

В настоящее время айны Хоккайдо перешли на японский язык, айны России – на русский. К 1996 году полностью владевших айнским было не более 15 человек.

У айнов не было своего письма, лишь устное творчество в стихах и прозе.

Хотя японцы организовали настоящий геноцид айнов, оправдывая свои действия тем, что его представители якобы «эбису» (дикари) и «тэки» (звери). Однако «варварами» айны не были. Их культура ДзEMON является одной из древнейших в мире. По разным данным, она появилась ещё 5–8 тысяч лет назад, когда о японской цивилизации ещё никто не слышал.

В отличие от японцев, русские казаки их не убивали. После нескольких стычек между похожими внешне голубоглазыми и бородатыми пришельцами с той и другой стороны установились нормальные дружеские отношения.

Смешно, у нивхов мировой минимум роста бороды и усов, у айнов и армян – максимум мировой (под 6 баллов).

В бою айнами использовались наконечники с шипами, встречались наконечники и необычного, Z-образного сечения, изготовлялись из металла и обмазывались аконитовым ядом «суруку». Корень аконита измельчали, замачивали и ставили в тёплое место для брожения. Палочка с ядом прикладывалась к ножке паука, если ножка отваливалась – яд готов. Из-за того что этот яд быстро разлагался, его широко использовали и на охоте на крупных зверей. Древко стрелы делали из лиственницы.

Мечи у айнов были короткие, 45–50 сантиметров длиной, слабоизогнутые, с односторонней заточкой и полутораручной рукоятью. Айнский воин – джангин – дрался именно двумя мечами, не признавая щитов. Гарды у всех мечей были съёмные и часто использовались как украшения. Существуют сведения, что некоторые гарды специально полировались до зеркального блеска, чтобы отпугивать злых духов.

Кроме мечей, айны носили два длинных ножа «чейки-макири», ритуальный нож для изготовления стружек «инау» и «са-макири», перешедший потом к японцам для ритуала «ха-ракири». Мечи айны выставляли на всеобщее обозрение только во время Медвежьего праздника. Старинное предание гласит: «Давным-давно, после того как эта страна была создана Богом, жили старик-японец и старик-айн. Деду-айну было велено сделать меч, а деду-японцу – деньги, далее объясняется, почему у айнов был культ мечей, а у японцев – жажда денег. Айны осуждали своих соседей за стяжательство».

Красные круги на груди доспеха из морского тюленя символизируют трёхмирье: верхний, средний и нижний миры. Аналогичные круги изображены также и на спине.

Айнские воины – джангины – отмечались как очень воинственные, они были неспособны ко лжи.

Пиктограммы, руны или символы обнаружены на некоторых островах и на бытовых предметах айнов.

Существовало поверье, что айны могли напускать туман.

На протяжении многих лет айны не раз поднимали восстание против японцев, но каждый раз проигрывали. Японцы приглашали предводителей к себе для заключения перемирия. Свято чтя обычай гостеприимства, айны, доверчивые как дети, не мыслили ничего плохого. Их убивали во время пиршества. Как правило, иные способы подавления восстания у японцев не удавались.

Чехов свидетельствует, что повсюду на Сахалине были айнские поселения. Причинами «исчезания айно» обозначены болезни – «сифилис, цинга; бывала, вероятно, и оспа».

Сказки айнов, дошедшие до наших дней, односложные. Наивные.

Айно исчезали быстро, буквально – на глазах!

Письмо пятое

Привет, па.

Так много хочется рассказать тебе! Повсюду удивление и восторг!

Берега родников питают тысячи соцветий, похожих на эскимо в зелёных шоколадных конвертах острых листьев. Это достаточно крупные дикие каллы, названные во Вьетнаме Цветами женского счастья. Их дарят невестам и женщинам до свадьбы. Лизихитон камчатский из семейства ароидные произрастает также на Курильских островах, Камчатке, на Дальнем Востоке, в Японии. А на материке дикие каллы растут в болотистых местах, и даже у нас во Владимирской области, только они раза в три мельче, и называются в народе белокрыльник.

Лопухи тут, кстати, тоже гигантские.

А ещё склоны усыпаны сплошь анемонами – местными подснежниками. Он же сахалинский ветреник. Или ветреница – кто как называет.

На Сахалине есть несколько уникальных пород деревьев. Я думала, это ельник. Но какой-то уж он оказался подозрительно частый! Идеально-красивый. Пригляделась – не поверила! Ствол, как у осины! Шишечки длинненькие, как у сосны! А хвоя, как у тисса! Да это же та самая легендарная пихта, смолу которой сибиряки добывают! Помнишь, ты о живице рассказывал!? Вот же она!!! Живица пихты в Сибири ценится дороже соболя!

Пихтовый бальзам – не единственное полезное свойство дерева. Фитонциды, распространяющиеся на весь наш Дальний Восток, благотворно влияют на здоровье.

Пихта сахалинская достаточно морозостойка, но из-за повышенных капризов к влажности дерево встречается ближе к океану – на Камчатке, Сахалине, Курилах, Хоккайдо.

Или вот – берёза Эрмана, или сахалинская каменная берёза. Её ареал – весь юг Сибири, Дальний Восток, Камчатка, Сахалин, Китай, Корея, Япония!

Рубить невозможно – от пилы искры летят. Но горит хорошо и долго.

Местное население кашу из коры каменной берёзы в своё время ело.

Встречаются полянки и других белолепестковых нежных эндемиков трилистников. Редчайший белый камчатский трилистник, или триллиум, высыпает яркими белыми звёздами среди зелёных трав по всему побережью Дальнего Востока! Съедобен. Но чтобы окончательно не сожрали, занесён в Красную книгу!

По легенде, это тот самый цветок... помнишь надпись на Алантейской доисторической стеле? Фрагмент четвёртый. Расшифровка Ван Видера: «...по крутому горному склону на ловитву я шёл и редчайший цветок узрел, сулящий счастье и долголетие почётное нашедшему. И сорвал его. Но когда срывал, камушек малый нарушил стопую своей, и покатился он вниз, и увлёк за собою другие камни. И родился обвал, и обрушился в долину на дом ближних моих. Ответь, путник: виновен ли невинный? Грешен ли не замышлявший зла, но причинивший?»

Ты не виновен, говорит мне разум. Но почему же лачугой должника, пещерой изгнанника, ямой прокажённого стал для меня мир подзвёздный?»

Цветок добыла на горном склоне. Ни один камешек стопую не нарушила. Обвал не сотворила.

Счастье обрела.

Кстати, трилистниками тут питаются разные зверушки. Тоже занесённые в Красную книгу. Тех и других здесь превеликое множество!

Через диковинный лес меж сопками и горами дорога ведёт вверх по серпантину, изрезанному множеством водопадов и водопадиков весенних ручьёв, родников и речушек. Залив дарит себя вдруг. Сразу. Наотмашь! Внахлёт! Волнами и ветром врывается в душу. Надолго. Всерьёз. Навсегда! Клянись! Раз такое увидишь – не забудешь вовек!

Не поверишь! Оказывается, «На острове нормальная погода» – в переводе на русский литературный полная дрянь! Душу просто выдуло из твоей авантюристкой!

Ливневые дожди, сплошняком укутавшие туманом Сахалин, с вечера напугали туристов, желающих посетить визитную карточку Сахалина – мыс Птичий Корсаковского района на южном побережье Охотского моря. Именно оттуда дразнят причудливыми очертаниями скальные арки кекуров и камней – останцев, на которых располагаются птичьи колонии. Названия и мысу Птичьему, и мысу Великан дал Крузенштерн, атласы которого я транслировала тебе из Павловского военного центрального архива Петербурга. Помнишь?

Чтобы попасть к этим сказочным аркам, надо пару часов в ливень разводить разговоры через горы. Не ругайся! Риск был только на перевале! И к тому ж на мне – все тёплые вещи.

Как я люблю синоптиков! Обещанный дождь прекратился, только выехали с Южно-Сахалинска! Соответственно, толпы селферов отказались от путешествия. Но мы же с тобой лёгких путей не ищем!

Спрашиваешь, что меня занесло? – НЕ знаю. Несло-несло и пообтесало острые бока со всех сторон. Почти круглая уж я стала. Покладистая. Самой противно. Слова плохого не скажу. Да уж и не хочется. Соблюдаю правила древних айнов – «если нечего хорошего сказать человеку – молчи!»

Острые слова все про себя и так знают. Да в них ли дело? Бог – ведь любовь. А любовь – не дразнить людей дерзостью, НЕ КРИЧАТЬ, КАК ЗАПОЛОШНАЯ ЧАЙКА, а радовать. Вот и Сахалин меня радует. А я – его. Радуюсь вместе. И тебя обрадовать спешу. Жива-здоровая, что и тебе желаю. А что плохо, так то дело переживное. Перемальваемое, как те камни, что с круч летят для дальнейшей обкатки морем. Но они красивые, па, глаз не отвести!

Здесь дни летят, что годы. Не потому, что длинные, а потому, что насыщенные. Не понимаю – как так? Порой в один день пол-острова в душу умещается!

Ты учил: «Ни дня без строчки». Я не могу так. Ну какие строчки в сплошной «День сурка»? Пусть годы летят – ничего не меняется. А вот когда ты срываешься и попадаешь в другой мир – тогда да. Тогда строка за строкой летят. И не удержать процесс потока.

Каждый миг, как вселенная. Тогда каждая строка, как взлёт радости, боли или мимолётного негодования и печали. Берите, люди! Через меня Бог осыпает вас дарами. Он верит в вас!

* * *

А вообще Сахалин мне нравится.

Это действительно остров свободы. А там, на материке, люди, как каторжники к тачкам, прикованы кандалами к работе. Семьям. Обязательствам.

Директор – к предприятию.

Пенсионер – к пенсии.

Учитель и ученик – к урокам.

Военные – к приказу.

«Остров Сахалин» освежил в памяти факты великой трагедии ссыльных каторжников, выжившие из которых становились поселенцами, чтобы тут же забыть своё прошлое.

А как не забыть? Красота САХАЛИНА сурова – НО ТАК ЖИВИТЕЛЬНА И НЕОБЫКНОВЕННА!

ПРИНИМАЮ САХАЛИН со всей брутальностью свинцового моря. Дикошаростью корней и сучьев, стирающих в кровь ноги. Теплом пойманных руками камбал. Деликатесами, которыми кормил до забытия чувства голода. Брошенными к моим ногам миллионами призрачных цветов, сулящих счастье. Осиянной нежностью царских лепестков розовых сакур. Горячей любовью шквального, ледящего душу ссыльного каторжника-ветра. Возникающих привидениями из тумана маяков. Безжалостной милостью ослепляющего Начала Света.

Чем выше по серпантину, тем белее становится белый Свет. Начало Света России ослепляют белый туман и белые берёзы. Признаюсь честно! Ни разу не видела на вершинах высоких гор так много белых берёз. И белых цветов!

Фантастическая картинка усиливается туманом белого облака, в которое мы стремимся попасть и наконец попадаем.

Мы дышим туманом. Мы становимся им, наконец.

И ты знаешь, какие ощущения, которые не может передать видеокамера? Он – тёплый! Облако – почти уже мы!

Чем дальше в реликтовый лес, буквально заваливший нас белыми весенними цветами, тем причудливей корни и крона. Стволы выворачивает влагой моря и ветром.

Изножья покрыты бархатом ярко-зелёных мхов.

Как растёт изнутри клетка, дерево, человек, так растёт самосознание дальних регионов России. Само-сознание – это уже не массовое «Ура!». Это осознанная работа на общество. Если учесть факты, описанные Чеховым о первых поселенцах, созданных из ссыльных каторжников, прикованных кандалами к тачкам, и скорбной жизни женщин, то качественный скачок душевных качеств населения наблюдается, конечно же, колоссальный!

Я не понимала раньше, пап, зачем Антон Павлович вообще поехал на Сахалин за свои деньги. В те годы он уже состоялся как прозаик. И кстати говоря, подцепил туберкулёз, который по возвращении домой угробил Чехова окончательно.

Некоторые говорят, что он отправился на Край Света с целью переписи населения. А вот сам-то Чехов пишет, что он занялся переписью лишь с целью познакомиться с фактурой острова и людьми. Он создал ряд вопросов. И поселенцы охотно переходили от основных вопросов к тому, что волновало их на самом деле.

Думаю, им движела всё-таки любовь к путешествиям. Авантюризм, от французского слова *aventure* – рискованное и сомнительное дело, предпринятое в надежде на случайный успех.

Помнишь, Чехов сказал о Сахалине: «Опять я хожу по берегу и не знаю, что с собой делать.

И зачем я сюда поехал? – спрашиваю я себя, и моё путешествие представляется мне крайне легкомысленным».

Знаешь?

Камни имеют право хранить молчание. Их уважают. Берегут. Отчасти потому, что они тоже кое-что помнят из истории айнов.

Скоро здесь все пресные ручьи вскипят горбушей. Придут на ловлю медведи.

А я уеду, па.

Письмо шестое

Привет тебе с бухты Тихой. Сахалин решил побаловать меня солнцем! Кстати, и умными предупредительными деликатными попутчиками.

Нигде мне не везло так, как тут.

Правда.

Возвращаясь с Сахалина, я поняла, па.

Последний остров, о котором ты писал, это не Сахалин. Точно. Это Москва, па!

Сюда со всей России стекается великий разум.

Самые красивые девушки. Самые талантливые учёные. Здесь небо благословляет мудрых. А преисподней рулят великие деньги.

Выбрасывается в космос колоссальная энергия, вращая Колёса Сурьи, прости, хотела сказать – Галактики! Конечно!

Да! Москва – мой сбывшийся сон. Буду теперь орать в Москве, рассказывая про Сахалин и трепеща руками, как чеховская Чайка! Летать, как чайка! Откладывать в маяки закрывающихся библиотек яйца книг о Небе! О свободе! О море! О счастье! О том, где рождаются облака и спят ветры, па!

Возвращаюсь домой с пустыми руками. Вся, как ни есть вся пропахшая соком королевских крабов.

Прости. Я так и не узнала тайну айнов.

«Мой Сахалин», похоже, никак не мог привыкнуть к мысли, что он мой! Навеки!

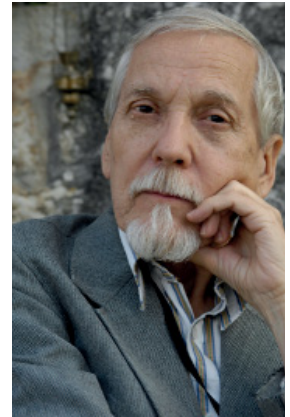
Я прожила с ним неделю. А кажется, целую жизнь. И мужем мне был этот почти первобытный зелёный остров.

Проза

Николай Кокухин

Николай Петрович Кокухин – родился в 1938 году в Красноярском крае. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Книги выходили в издательствах: «Ковчег», Святителя Игнатия (Брянчанинова), «Эксмо», Подворье Троице-Сергиевой Лавры, «Русский хронограф», «Дар», «Роман-газета», «Общество сохранения литературного наследия», «Даниловский благовестник» и др. Лауреат премии «Имперская культура» им. Эдуарда Володина. Живёт в Москве.

ДАЧА СТАЛИНА

Рассказ

I

Я много раз бывал на Новом Афоне, но о даче Сталина услышал только в нынешний приезд. Случилось это так. Поднимаясь по выложенной булыжниками дорожке к монастырю, я остановился около сколоченного из гладких досок прилавка, на котором стояло несколько бутылок. Вывеска над прилавком гласила: «Оригинальный абхазский коньяк». Я знал, что никакой это не коньяк, а самый заурядный самогон, которому продавец придал весьма отдалённый запах благородного напитка.

– Божественный дар Кавказа! – расхваливал свой товар продавец, приземистый, с солидным брюшком абхаз с бордовым мясистым носом. – Божественный! Выдержка – семь с половиной лет!

Он, конечно, заливал: напиток был изготовлен не семь с половиной лет назад, а самое большее семь с половиной часов. Покупатели – мужчина лет пятидесяти, в рубашке с короткими рукавами, высокий, кряжистый, сильный, похожий на сибирский кедр, и его супруга, стройная блондинка в роскошной панаме бирюзового цвета, – воспринимали разглагольствования продавца как местный фольклор. А я, собиратель разных историй, тем более.

– А крепость какая? – спросил «кедр».

– Не меньше шестидесяти, – с гордостью заявил абхаз. – Попробуйте.

Он налил две металлические рюмочки и подал покупателям.

– Назвался груздем – полезай в кузов, – сказал «кедр», опрокинув в рот содержимое рюмочки.

Человек бывалый, он сразу понял, что коньяком тут и не пахнет.

– До шестидесяти явно не дотягивает, – сделал он заключение, поставив рюмочку на прилавок.

Блондинка последовала его примеру, едва дотронувшись губами до содержимого рюмочки.

– Сразу видно, что вы разбираетесь в крепких напитках, – похвалил мужчину абхаз. – Вы, наверно, северянин?

– Из Тюмени. Нефть добываем, – отозвался «кедр».

– Хорошим делом занимаетесь. – Абхаз между тем положил в полиэтиленовый пакет с видом озера Рица объёмистую бутылку. – Сибирь – страна холодная, но с абхазским коньяком вы не замёрзнете. – И с этими словами вручил пакет «кедру».

– А что тут можно посмотреть? – спросил тот, расплатившись с продавцом и щедро накинув ему «на чай».

– В монастыре уже были?

– Да, вчера познакомились.

– А теперь ходите на дачу Сталина, – посоветовал абхаз.

– Неужели здесь есть такая достопримечательность?

– Да. Но о ней мало кто знает.

– Я большой поклонник Сталина, – доверительно сказал нефтяник, – и уж такой возможности не упущу.

– И правильно сделаете. – Абхаз был в прекрасном расположении духа. – Дача находится рядом с монастырём, двести метров направо, сразу за пансионатом.

Услышав информацию о сталинской даче, я обрадовался не меньше сибирского богатыря.

– Если вы не будете возражать, давайте совершим экскурсию вместе, – обратился я к нефтянику и его супруге.

– Предложение принято, – не раздумывая, согласился сибиряк.

И мы немедленно отправились по указанному адресу.

Ворота на территорию дачи были открыты. Рядом стояла будка охранников, но в ней никого не было. Мы беспрепятственно вошли на заповедную территорию. Асфальтированная дорога убегала вперёд, делая плавный изгиб. Справа от дороги на пологом склоне раскинулся обширный мандариновый сад; за ним открывался великолепный вид на море. Слева склон был гораздо круче, здесь росли мандариновые, инжировые и апельсиновые деревья.

За поворотом дорога пошла на возвышение. У обочины, на железном треножнике, мы увидели старую, покосившуюся от времени табличку. Она гласила: «Стой! Стреляют!» Буквы были ровные, чёткие, яркие, как будто их написали только вчера.

– Ой! – воскликнула супруга нефтяника. – Боюсь! Вдруг начнут и вправду стрелять.

– Не верь написанному, Надюша! – успокоил её супруг. – Эта страшилка пережила самоё себя.

– Серёжа, а вдруг? – блондинка округлила глаза.

– «Вдруг» уже не вдруг, – заверил её Сергей.

Асфальтированная лента сделала крутой поворот влево (всё время на подъёме), и перед нами открылась дача Сталина. Это был большой добротный двухэтажный дом с галереей на втором этаже, обращённой в сторону моря. Около дома была довольно большая площадка для транспорта. Её окружали высокие неприглядные эвкалипты. Деревья были обнажены: часть бледно-зелёной коры упала на землю, а часть – повисла на ветвях и была похожа на лохмотья нищего, повешенные для просушки. Кое-где на белых алебастровых стволах виднелись коричневые подтёки. Среди эвкалиптов росла низкая, но пышная пальма и два кипариса, один старый и тёмный, а второй молодой и зелёный.

Солнце стояло в зените; было очень тихо.

Сергей обвёл глазами галерею, крыльцо с входной дверью, высокие светлые окна.

– Не дом, а царский дворец, – сказал он. – В нём бы жить да жить.

– И не только летом, но и зимой, – добавила Надежда.

В верхней части площадки находилось большое инжировое дерево; оно было наполовину ограждено двумя рядами тёсаных камней; видимо, когда-то, в давние времена, тут была полуклумба с цветами. На ближнем полукруге сидели два молодых парня-абхаза: один рыжеватый, с бесцветными глазами, с мелкими яркими веснушками; другой тощий, высокий, с острым кадыком и тонким хрящеватым носом.

– Можно познакомиться с дачей? – спросил я у них.

– Нэт экскурсовода, – лениво ответил рыжеватый.

– А когда будет?

– Через час-полтора.

– Я подожду. А вы? – обратился я к своим спутникам.

– Мы тоже, – с готовностью согласился Сергей. – Час-полтора – это не время.

Парни-абхазы (это были сторожа) встали и удалились в сторону другого дома, который виднелся невдалеке среди деревьев.

– Они охраняют не дачу, а самих себя, – кивнул в их сторону Сергей. – Мол, мы пойдём отдыхать, а вы как хотите.

– Нам это только и нужно, – сказал я. – Для начала давайте осмотрим дачу снаружи.

Дом внушал уважение – своим изящным архитектурным замыслом и тщательностью отделки любой детали. Иначе и быть не могло: ведь в нём жил не простой человек, а глава могучего государства, который, подобно царю Иоанну Грозному, наводил ужас на всех врагов – как внутренних, так и внешних; личность, производившая сильное впечатление на любого человека, который с ним встречался, будь то соотечественник или иностранец, простой смертный или особа королевской крови, дипломат или архиерей.

В той части дома, которая была обращена в сторону двора, мы ничего интересного не обнаружили, так как почти все окна были зашторены.

– Пошли дальше, – скомандовал Сергей. – Открытия будут впереди.

Он оказался прав. Большую часть первого этажа, окна которого смотрели в сторону моря, занимала бильярдная: большой стол с зелёным сукном, два кия у стены, белые шары на двух полочках. В верхней части всех сеточек, венчающих лузы, виднелись дыры.

– После смерти Сталина бильярд не бездействовал, – сделал вывод Сергей.

– За полтора часа и мы могли бы партийку-другую сгонять, – размечтался я. – Что стоило сторожам дать нам ключ от этого заведения.

– Ничего, перебьёмся, – сказал Сергей. – Тут ещё масса интересных вещей.

В правой части зала был экран, а в левой, на стене, несколько отверстий для киноаппаратов; на небольшом возвышении, у стены, стояло несколько удобных кресел.

– Сталин чепуху не смотрел, – сказал я, – у него был прекрасный вкус, он отбирал только лучшие ленты, которые создавались на киностудиях мира.

– Причём ленты без непристойностей, – подтвердил Сергей. – Пошли дальше.

Следующее помещение занимала киноаппаратная: на полу валялись куски киноплёнок, на столе, как и шестьдесят с лишним лет назад, виднелись приспособления для перемотки плёнок – они словно ожидали, что опытный киномеханик вот-вот подойдёт к ним, вставит ленту и начнёт быстро крутить ручку. Рядом с киноаппаратной находилась комната для отдыха киномехаников: диван, несколько стульев, низкий столик с графином и стаканами.

В торце дома была лестница на второй этаж, но, к сожалению, путь к ней преграждала ажурная пристройка.

– Интересно, пустит экскурсовод нас на галерею или нет? – задала вопрос Надежда и сама же на него ответила: – Она наверняка скажет: «По ней прогуливался Сталин, а больше никто по ней не ступал и ступать не будет»...

– ...кроме неё самой и директора музея, – закончил Сергей.

– А полюбоваться панорамой можно и отсюда, – заключил я.

Панорама, открывавшаяся перед нами, была поистине изумительной. Зелёный склон, засаженный фруктовыми деревьями и виноградником, плавно убежал вниз, а за ним простиралась необъятная, манящая, волшебная гладь моря. Она искрилась мириадами ослепительных искр. В нескольких милях от берега плавно скользил белоснежный океанский лайнер с двумя трубами, наклонёнными в сторону кормы. Глядя на него, невольно думалось о далёких и жарких странах.

Неровная береговая линия убегала в сторону Сухуми; неожиданно она круто повернула в сторону открытого моря, как бы на перехват океанского лайнера; увидев тщету своих усилий, она так же круто повернула влево и продолжила свой путь на юг.

Отроги Кавказского хребта, словно лихие скакуны, соревновались между собою в силе, отваге и удали, стремясь как можно быстрее достичь сочных прибрежных пастбищ.

– Прошло уже не полтора, а целых два часа, – заметил Сергей, посмотрев на часы, – а экскурсовода как не было, так и нет. Что будем делать?

– Заглянем к сторожам, – предложил я.

Дом, в котором укрылись сторожа, утопал в зелени; он пострадал от времени довольно сильно, чего нельзя было сказать о даче. Мы вошли внутрь и увидели в небольшой комнате наших знакомых. Они полулежали на диване. У меня сложилось впечатление, что им не только сидеть, но и лежать было лень.

– Будет ли сегодня экскурсовод? – спросил я.

– Этого мы не знаем, – ответил тощий, не меняя позы.

– А кто знает?

– Никто, – добавил рыжеватый, также не меняя позы и не двинув ни одним членом.

– Можно осмотреть этот дом? – поинтересовался я.

– Нэт.

– Они не знают и не хотят знать ничего, – произнесла Надежда, когда мы покинули негостеприимный дом. – Если бы мы спросили, как их зовут, то они, наверно, и на этот вопрос затруднились бы ответить.

- Им даже языком лень шевельнуть.
- А почему они сказали, что экскурсовод будет через полтора часа?
- Они сказали первое, что пришло на ум.
- Беда с ними.
- Я приду на дачу и завтра, – сказал я. – А вы как?
- Мы тоже, – заверил меня Сергей. – Мне очень хочется посмотреть, как отдыхал наш вождь.

II

Следующий день был воскресным. После полудня я отправился на дачу. Сергей и Надежда поджидали меня около мандаринового сада.

– Продолжим знакомство с вождём? – Сергей пожал мою руку. – То есть я хотел сказать, с его дачей?

– Скорее, с его привычками и наклонностями, – уточнил я.

Сторожей, как и вчера, было двое, но совсем другие: на том же месте, под деревом, сидели пожилые аксакалы. Один из них был в национальной шапочке и с длинными прокуренными усами; другой – без национальной шапочки и без усов, но зато с самодельной самшитовой, с затейливыми узорами тростью.

Я обратился к первому, посчитав его старшим, но не по летам, а по какой-то внутренней основательности:

– Можно увидеть экскурсовода?

Аксакал не спеша провел рукой сначала по одному усу, затем по другому, поправил национальную шапочку, посмотрел на меня, на моих спутников и только после этого произнёс:

– Её нет. У неё суббота и воскресенье выходные дни.

Информация, которой обладали сегодняшние сторожа, ставила их сразу на несколько ступенек выше вчерашних.

Аксакал снова погладил усы, которые, без сомнения, составляли предмет его мужской гордости.

– Приходите завтра, – предложил он, – она обязательно будет.

– А директор?

– Тоже.

– Он мужчина или женщина?

– Мужчина. Очень толстый. – Аксакал показал руками его толщину; видимо, она показалась ему недостаточной, и он ещё более развёл руки. – Очень настоящий мужчина. Но он бывает только... – аксакал посмотрел на небо – ...когда солнце подойдёт к этому эвкалипту. А когда солнце осветит гранаты... вот на этом дереве... и гранаты станут... ну, как будто их подожгли... тогда он уезжает домой. У него очень красивая жена. С глазами, как у газели.

– Приходите, дорогие, – включился в разговор сторож с тростью. – Сталин вас будет ждать.

«Этих сторожей по сравнению со вчерашними можно назвать настоящими энциклопедистами», – подумал я.

На обратном пути мы обнаружили два теннисных корта; они спрятались за проволочным сетчатым ограждением, заросшим густым выюном. К ним вели каменные ступеньки. Корта заросли травой так, что можно было пасти не только коз, но и коров.

– В бильярд играют, а в теннис – нет, – сказала Надежда, прохаживаясь по корту. – Серёжа, как ты думаешь, почему?

– Здесь надо двигаться, а там какое движение? Лёг пузом на борт стола и лупи по шарам, – внёс ясность Сергей.

Мы договорились встретиться завтра и расстались.

III

– Ну, на третий-то раз нам, может, и повезёт, – сказал я, когда мы подходили к сталинской даче.

– Если директор соизволит расстаться со своей женой-красавицей и если экскурсовод не уедет навестить свою любимую тётю, – добавил Сергей.

– И если сегодня они не сделают санитарный день, – рассмеялась Надежда.

На площадке перед домом стояли три машины: ГАЗик, «Жигули» и «Тойота».

– Жизнь бьёт ключом! – потёр руки Сергей. – На «Тойоте», наверно, приехал директор, на «Жигулях» – экскурсовод, а на ГАЗике – завхоз.

Мы вошли в дом и оказались в приёмной; это была большая комната с высокой вешалкой желтоватого цвета на растопыренных ножках, удобным диваном, низеньким чайным столиком и несколькими стульями вокруг него; на стене висела картина Михаила Нестерова «Видение отроку Варфоломею»; за письменным столом сидела пожилая женщина в тёмном платье, рядом, на диване, женщина средних лет в свитере, плотно облегающем её фигуру, и в брюках, а на стуле молоденькая девушка в платье цвета спелого абрикоса.

– Можно видеть директора? – обратился я к женщине за столом.

– Проходите, Даур Бесланович Агрба у себя в кабинете, – низким грудным голосом ответила женщина.

Навстречу нам не без труда поднялся из-за стола толстый грузный абхаз в расстёгнутом пиджаке и в яркой цветной рубашке. Он по очереди пожал мне и Сергею руки, а руку Надежды заключил в свои большие тёплые ладони и сделал ей небольшой поклон.

– Чем могу быть полезен, дорогие гости? – осведомился он.

Я сказал, что мы большие почитатели Иосифа Виссарионовича и хотим познакомиться с его дачей.

– Очень хорошее намерение, – похвалил нас Даур Бесланович. – Гунда! – позвал он звучным голосом.

В кабинет вошла женщина средних лет с приятным загорелым лицом.

– Проведи экскурсию для наших гостей, – распорядился директор. – Расскажи о Сталине так, чтобы они полюбили его ещё больше.

Женщина кивнула и жестом пригласила нас следовать за нею. Мы вошли в просторную комнату с несколькими большими светлыми окнами; посреди неё находился длинный стол, с обеих сторон которого стояли красивые стулья с мягкими спинками и сиденьями.

– Это банкетный зал, – пояснила Гунда. – Он отделан дорогими сортами дерева: ясенем, грабом, карельской берёзой. Вся мебель – стол, стулья, зеркала – трофейные, вывезены из Германии.

– Красота-то какая! – воскликнула Надежда, поворачиваясь то направо, то налево и рассматривая удивительный зал. – А какие чудные зеркала! – Она подошла поближе к одному из них, вделанному в стенку, любуясь не столько зеркалом, сколько своим отражением в нём; лёгкими, порхающими движениями обеих рук поправила причёску: было выше её сил – смотреться в такое изумительное зеркало и не поправить причёску, хотя последняя в этом совершенно не нуждалась. Затем она перешла к другому зеркалу и, не удержавшись, полюбовалась собою и в третьем.

– Будь твоя воля, дорогая, ты бы пробыла в этом зале до вечера, – пошутил Сергей.

– Будь моя воля, я бы осталась здесь до конца жизни, – в тон ему отозвалась Надежда, с большой неохотой отходя от зеркал.

Я провёл рукой по столу, – мне показалось, что я дотронулся до атласной шерсти соболя или лисы.

– В этом зале Сталин обедал, – продолжала Гунда. – Он никогда не обедал один, за стол садились пять-шесть человек: его гости или приближённые. Еду приносили из кухни, которая находилась в соседнем доме. – Гунда секунду подумала, а потом сказала: – Если бы Сталин был сейчас здесь, он пригласил бы вас разделить с ним трапезу, – улыбаясь, произнесла она. – Думаю, вы бы не отказались.

– В таких случаях не принято отказываться, – подтвердил Сергей.

– Вы бы расположились на этой стороне, – Гунда указала рукой на правую сторону стола, – а остальные гости – на той.

– А сам Сталин?

– Во главе стола, у окна.

– Обед долго продолжался?

– В зависимости от того, кто сидел за столом и на какие темы шёл разговор. Вас он наверняка расспросил бы о том, где вы родились, чем занимаетесь, в каких условиях живёте, – он не упускал случая узнать разные подробности о людях.

– Ответы он получил бы исчерпывающие.

– Предположим, что трапеза уже закончилась и Сталин пригласил вас и остальных гостей в комнату отдыха, которая находится рядом и куда мы с вами сейчас пройдем. Вы можете убедиться, что эта комната по своей красоте и великолепному убранству ничуть не уступает банкетному залу. Сталин пригласил бы вас занять вот эти уютные кресла. Вы бы, конечно...

– ...поблагодарили его за любезность, – подхватил Сергей.

– Тогда милости прошу – рассаживайтесь. Приглашая вас немного отдохнуть, я как бы выполняю волю бывшего хозяина этого дома.

Действительно, всё в этой комнате – и удобные мягкие кресла, и небольшие, на двух-трех человек, диваны, и их светлая, радующая глаз расцветка, и чайный столик посреди комнаты с керамическим кувшином и хрустальными фужерами, и картины русских художников на стенах, и роскошные потоки света, льющиеся сквозь высокие окна, – всё в этой комнате располагало к хорошему, спокойному отдыху.

– До недавнего времени личность Сталина представлялась мне резко отрицательной, – сказал я, обращаясь не только к Гунде, но и к моим постоянным спутникам. – Это и понятно. Я черпал информацию из ложных источников. Во-первых, Хрущёв: он вылил на Сталина столько лжи, что её с лихвой хватало бы на добрый десяток государственных деятелей; во-вторых, Солженицын: этот человек жутко ненавидел вождя и клеветал на него везде и всюду, и в первую очередь в своём откровенном «ГУЛАГе»; я уже не говорю о лжецах меньшего калибра.

Правду о Сталине я узнал недавно – из фильмов и книг православных авторов. Передо мной предстал истинный патриот России, для которого благо и процветание Отчизны было превыше всего. Он – *спаситель России*. Он спасал её несколько раз. После смерти Ленина, в 1924 году, на пост главы государства претендовали два человека – Сталин и Троцкий. Сталин виртуозно переиграл своего соперника.

Троцкий в то время отдыхал и лечился в одном из южных курортов. Когда он вернулся в Москву, то... Пленум, на котором выбрали нового генсека, уже состоялся. Почему же он опоздал? Да потому, что в телеграмме, посланной ему, стояла не та дата.

Этот масон и сатанист хотел превратить нашу страну в большой концентрационный лагерь. Если бы он пришёл к власти, то уничтожил бы русский народ и Россия как государство прекратила бы своё существование.

– Об этом надо знать каждому русскому человеку, – сказала Надежда.

– Да и не только русскому, – добавила Гунда.

– Кроме того, Сталин выиграл Великую Отечественную войну, – продолжал я. – Расскажу вам одну историю, о которой мало кто знает. В октябре 1941 года над Москвой нависла страшная угроза: в любой момент немецкие танки могли прорвать фронт и появиться на улицах столицы. Даже Жуков, уж на что решительный и железный человек, и тот не исключал такой возможности. Пятнадцатого октября Сталин лично написал постановление об эвакуации из Москвы всех и вся. Это был, по сути, документ о сдаче Первопрестольной. Правительство и все посольства срочно покинули столицу. Закрылось метро. Основной состав Генерального штаба во главе с маршалом Шапошниковым убыл в Арзамас.

Однако на другой день ситуация круто изменилась. Написанный накануне приказ Сталин отменил. «Немедленно наладить работу трамваев и метро, – приказал он столичным начальникам, – открыть булочные, магазины, столовые, а также лечебные учреждения; обратиться по радио к москвичам и призвать их к спокойствию и стойкости. Врагу в Москве не бывать! Мы победим!»

Почему в поведении вождя произошёл такой поворот? Что на него повлияло? Откуда появилась уверенность в неминуемой победе? Все эти вопросы ставят историков, да и не только их, в тупик. Для них тут – неразрешимая загадка. А загадки никакой нет.

– Неужели? – воскликнул Сергей.

– Сейчас я поясню, в чём дело. Иосиф Виссарионович вырос в православной семье; его мать – Екатерина Георгиевна – была глубоко верующим человеком, она воспитала своего сына в истинной вере и очень хотела, чтобы он стал священником; юный Иосиф поступил в духовное училище, и не его вина, что ему не удалось его закончить.

Сталин понимал, что в такую грозную минуту, когда решается судьба России, уповать можно только на Бога и Его Пречистую Матерь. Поэтому, уединившись (это произошло, скорей всего, в одном

из кремлёвских соборов), он встал на колени и обратился к Ним с сердечной молитвой – так горячо, пламенно, дерзновенно, со многими поклонами можно, наверно, молиться только единственный раз в жизни. Ответ раб Божий Иосиф получил от Пресвятой Девы, Которая уверила его в том, что Москва выстоит, а враг будет разгромлен. Россия – это удел Божией Матери, и разве могла Она отдать нашу Отчизну на поругание супостату.

– Молитву Иосиф Виссарионович не оставлял не только во время войны, но и в мирное время, – продолжила мою мысль Гунда. – Здесь, на Новом Афоне, он, конечно, тоже молился – иконы есть и в его рабочем кабинете, и в столовой, и в спальнях. – Обратившись к иконе праведного Иосифа Обручника, висевшей на стене, она осенила себя крестным знаменем.

– Каждую минуту своей жизни Сталин понимал, что им руководит Промысл Божий. Если бы враги не отравили его и если бы он прожил ещё пятнадцать-двадцать лет, то он перевёл бы Россию на православные рельсы, и она стала бы таким могучим государством, что ей не страшны были бы никакие потрясения. Она задавала бы тон всем событиям как в Старом, так и в Новом свете.

– Америка не смела бы и пикнуть, – добавил Сергей.

– Русские люди жили бы так хорошо, как никакая другая нация... Как-то в один из первых послевоенных годов в кремлёвском кабинете Сталина собрались несколько военачальников. Речь зашла о том, как мы будем жить дальше. «В недалёком будущем, – сказал вождь, – мы начнём раздавать людям хлеб задаром». Военачальники переглянулись. Сталин подвёл их к окну. «Что там?» – спросил он. «Река, товарищ Сталин». – «Вода?» – «Вода». – «А почему же нет очереди за водой? Вот видите, вы и не задумывались, что может быть у нас в государстве такое положение и с хлебом. – Вождь чуть помедлил, а потом продолжил: – Если не будет международных осложнений, то есть войны, думаю, это наступит в 1960 году».

«И чтобы у нас у кого-нибудь было сомнение, Боже упаси!» – заключил маршал авиации Александр Голованов, поведавший в своих мемуарах эту историю.

Лицо Сергея озарилось, как будто на него упал луч солнца.

– И это было бы только начало! – произнёс он с большим воодушевлением. – Если бы Сталин остался жив, то вскоре (это верно, как дважды два – четыре) в нашей стране стали бы бесплатными соль, сахар, картофель и другие продукты. Со временем он бы отменил плату за жильё и коммунальные услуги, за электричество и газ. Бензин, конечно, тоже стал бы бесплатным. Наша страна добывает колоссальное количество нефти, и почти вся она продаётся за «бугор» по очень высоким ценам; доход оседает в карманах олигархов. А каковы у нас цены на бензин? Очень высокие. Продержись Сталин ещё какое-то время, у нас до сих пор были бы бесплатными образование и здравоохранение, а пенсии были бы такими же высокими, как в Германии или в Швеции. Одним словом, все блага, которые я перечислил, мог дать нам только Сталин, и никто другой.

После минутной паузы, во время которой мы воздали должное мудрости и дальновидности вождя, я снова заговорил:

– Сталин знал, что его в любую минуту могут уничтожить, и поэтому заблаговременно составил Завещание. В этом документе, как в зеркале, видна личность патриота России, её отца и благодетеля. Он знал, что его оклеветают, но знал и то, что рано или поздно клевета развеется и русский народ узнает о нём правду.

IV

Гунда поднялась со своего места.

– Если бы Сталин был с нами, он пригласил бы вас на прогулку, – сказала она. – А я приглашаю вас продолжить знакомство с его домом.

Миновав небольшой коридор, мы вошли в спальню; в ней были несколько кресел, шкаф для одежды, рядом с деревянной, довольно широкой кроватью с двумя невысокими спинками стояла тумбочка, а на ней – ночной светильник; на полу – большой, во всю комнату, ковёр, гармонизировавший по цвету как со стенами спальни, так и с кроватью; в спальне было одно окно, занавешенное шёлковой занавеской. Чистота и порядок были идеальные.

– В доме три спальни, – поведала нам Гунда.

– Почему три? – удивилась Надежда. – Разве Сталин состоял из трёх лиц?

– Нет, конечно, он был обычным человеком. Дело в том, что Иосиф Виссарионович страдал манией преследования. Вы спросите: откуда она появилась? От тех условий, в которых он жил и работал. Враги не дремали: смерть могла настичь его где угодно: и в рабочем кабинете, и в кремлёвском коридоре, и на совещании с членами правительства, и на прогулке, и в автомобиле, когда он ехал в Кремль или возвращался на подмосковную дачу, и в спальне, и где угодно. Вот откуда возник его недуг.

– Н-да, несладкая жизнь, – негромко произнесла Надежда.

– Иосиф Виссарионович ложился спать в одной спальне, через несколько часов переходил в другую, а потом – в третью. Никто не знал, где он находится в тот или иной момент.

Надежда подошла к ночному светильнику.

– Можно включить?

– Конечно.

Светильник выхватил круглое пятно на тумбочке; Надежда повернула его так, чтобы свет падал на подушку.

– Очаровательно, – сделала она заключение, выключив светильник. – У меня ещё один вопрос: здесь не одна, а две кровати, и обе одинаковые. Это для чего?

Гунда поправила покрывало на одной из постелей.

– Я думаю, вот для чего: уходя в другую спальню, Сталин оставлял на одной из кроватей, скорей всего на той, которая ближе к выходу, подобие человеческого тела, накрытого одеялом, то есть манекен. Для возможных убийц.

– А как они, то есть убийцы, могли проникнуть в дом, если он охранялся?

– Убийцы могут проникнуть куда угодно, на то они и убийцы.

– Н-да, – снова произнесла Надежда. – Очень несладкая жизнь.

– А сколько было покушений на Сталина? – спросил Сергей.

– Много, – ответила Гунда. – Но Господь его хранил. Сталин часто приезжал на эту дачу. Чаше, чем в другие места, потому что она наиболее безопасна. Но и тут (правда, всего один раз) на него было совершено покушение.

– При каких обстоятельствах?

– Во время прогулки.

– Сталин пострадал?

– К счастью, нет. Пуля прошла в нескольких сантиметрах от виска.

– Слава Тебе, Господи! – Надежда перекрестилась.

– Сколько человек охраняли эту дачу? – поинтересовался Сергей.

– Восемьсот вооружённых солдат.

– Ого!

– Причём их постоянно меняли.

– Почему?

– Наверно, для того чтобы они поменьше знали об этом месте.

– А где они жили?

– В двух многоэтажных корпусах. Вы проходили мимо них; там сейчас пансионат «Новый Афон»... Если вы не против, то пройдёмте в другую спальню, – пригласила Гунда.

Вторая спальня, размером побольше, была рядом с первой. Такие же кровати, тумбочка с ночным светильником, шкаф для одежды, ковёр, два окна, шторы – всё чистенькое, приятное для глаз.

Чтобы попасть в третью спальню, нам пришлось вернуться назад, в противоположную часть здания. Она была самая маленькая. Одна из кроватей была смята; видимо, кто-то отдыхал на ней – то ли сегодня, то ли вчера, то ли позавчера.

– А где рабочий кабинет Сталина? – спросил я.

– Вы в нём уже были: сейчас там кабинет директора, – ответила Гунда.

– У меня ещё один вопрос, – сказал Сергей. – Кто выбирал место для дачи?

– Сам Сталин. Он специально приезжал сюда, осмотрел несколько мест и остановился на этом.

– Кто её строил?

– Военнопленные немцы. Отбирали тех, кто владел какой-нибудь строительной специальностью.

– Быстро построили?

– За один год.

Вскоре мы снова оказались в приёмной.

– Присаживайтесь, – пригласила Гунда. – Сейчас Астанда угостит нас абхазским чаем.

При этих словах молоденькая девушка встала и вышла в соседнее помещение, где находилась, как мы поняли, кухня. Через несколько минут она вернулась с подносом в руках; на нём стояли четыре чашки с ароматным дымящимся чаем, большой фарфоровый чайник, а также пахлава, шербет и козинаки.

– Мы будем пить чай так, как будто нас угощает сам Сталин, – сказал я, беря в руки небольшую чашку с тонким орнаментом.

– Кстати, он очень любил абхазский чай, – сказала Гунда.

– Как вы думаете, Сталин бывал в Ново-Афонском монастыре? – задал я вопрос, который меня очень интересовал.

– Наверняка, – ответила Гунда, отпив глоток чая. – Если не явно, то тайно. В монастыре есть небольшой храм в честь иконы Божией Матери «Избавительница». Я уверена, что Иосиф Виссарионович заходил в него, чтобы помолиться и поблагодарить Божию Матерь за постоянную помощь.

Он и в молодости бывал здесь не раз, у своего духовного отца, архимандрита Иерона, который был настоятелем обители. Именно архимандрит Иерон благословил его на тот путь, которым он шёл всю свою жизнь.

– Выходит, Ново-Афонский монастырь явился для молодого Иосифа своеобразной гаванью.

– Да, именно отсюда вышел великий корабль под названием – *Сталин*. Он стал во главе России не потому, что сам захотел, а потому, что такова была воля Божия. Выполнить волю Божию... согласитесь, это удаётся далеко не каждому человеку.

Гунда взяла фарфоровый чайник и добавила в наши чашки кипятку.

– Как Иосиф Виссарионович добирался до своей любимой дачи? – спросила Надежда, отламывая кусочек пахлавы.

– Обычно он прибывал морем; от берега до дачи идёт подземный тоннель, несколько минут езды на автомобиле – и он на месте.

В приёмную вышел Даур Бесланович.

– Всем довольны наши гости? – обратился он к нам.

– Вполне, – ответил я за всех.

– Если возникнут какие-то вопросы, на которые не сможет ответить Гунда, обращайтесь ко мне.

– Прекрасная Гунда знает, кажется, всё, что касается вождя. – Своим ответом я убил сразу двух зайцев: сделал комплимент Гунде, а попутно и директору, под началом которого она работала.

– После смерти Сталина дача, наверно, пустовала? – осведомился Сергей.

– Отнюдь нет, – возразила Гунда. – Здесь часто отдыхал Брежнев со своей семьёй.

– Он что-нибудь пытался здесь изменить?

– Абсолютно ничего, даже кровати и те остались на своих местах.

– Хрущёв приезжал сюда?

– Ни разу. Он построил себе дачу ближе к морю.

– А Горбачёв?

– Он Сталина не любил, поэтому отдыхал в других местах.

– В наши дни гости у вас бывают?

– Да. Это, как правило, чиновники высокого ранга из Москвы и Санкт-Петербурга. Отпуск у нас проводят.

– А кто их обслуживает?

– Да мы и обслуживаем.

– А если мы приедем к вам, примете нас? – улыбаясь, спросила Надежда.

– Почитателей Сталина мы принимаем в первую очередь, – улыбнулась в ответ Гунда.

Выйдя из гостеприимного дома, мы спустились к морю. К пирсу подходил быстроходный катер; вода за его кормой сильно забурлила, так как он, чтобы остановиться, дал задний ход; через минуту он пришвартовался к стенке пирса.

– Вот на таком катере Сталин прибывал на Новый Афон, – сказал я. – Мне кажется, здесь он не столько отдыхал, сколько думал о будущем России и о благе своего народа, который искренне любил и ценил...

Проза

Наталья Алейникова

Наталья Алексеевна Алейникова – поэтесса, писательница, художник-иллюстратор, фотограф. Публикуется в еженедельнике «ЛіМ», журналах «Нёман», «Маладосць», «Родная Природа», «Берега» (Калининград, РФ), «Александръ» (РФ), альманахе «Доблесть». Лауреат 1-й степени V Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы». Изданы книги поэзии «АЖЫЦЦЯЎЛЯЮСЯ ТАБОЮ...» (2018) и афоризмов «МЫСЛИ ВСЛУХ...» (2019) с пейзажной живописью... Организатор авторских тематических презентаций книг в книжных магазинах и библиотеках. Удостоена Благодарности за организацию выставки «В светлицах Полесья...» (2020). Живёт в Минске.

«ДНК» ВЗАИМНОЙ ЛЮБВИ

Живительной силой созидательной харизмы успешного гения совершаются великие открытия и создаются шедевры мирового масштаба!

▼▼

Значение всех успешных творений во взаимопонимании с человечеством!

▼▼

Созидательная энергия, воплощённая реальной пользой на ниве науки и культуры, творчества и бизнеса, спорта и любой сферы общественно-плодотворной деятельности, – эффективность сверходарённых личностей масштабом развития цивилизации настоящим временем с перспективой на будущее и, собственно, прямой результат гениальности успешного труда глобальной выгодой человечеству и, соответственно, друг другу...

▼▼

Шедевры в приоритете счастливой мировой популярности в успешном знакомстве с человечеством и лавровой славой на все времена во всей красе и великолепии!

▼▼

Великое могущество популяризации – успешный представитель культурных ценностей миру, – и целые команды профессионалов представляют мирозданию качественный продукт, созданный одарённой личностью, на высоком уровне с глобальной выгодой человечеству! Успешные учёные, гении, изобретатели, создатели превосходных новинок – счастливый случай, обогащающий цивилизацию! Гениальность внедряется всему миру лучшим естественным образом. Сверхталантливый зародыш появляется в обществе, и задача Вселенной – взрастить благородный росток, предоставив гениальности масштаб успешного знакомства с человечеством...

▼▼

Фундаментальность взаимной любви – действительно всеобъемлюще выгодная программа мышления успешных людей!

▼▼

Эволюция Вселенной – переход классного и лучшего из поколения в поколение, продолжаясь в новой цивилизации успешной жизнью (например, будучи реальным человечеством во взаимопонимании друг с другом и космосом): мировыми шедеврами планетарного масштаба с выгодой всем галактикам и мирозданиям...

▼▼

Те из нас созидатели великолепных эпох, кто поступают как благородные творцы, и это преимущество миротворческой красоты в созвучии с богатырской силой талантливо плодотворных личностей во взаимодействии друг с другом классным усовершенствованием человечества...

▼▼

Вечность – присутствие лучшей успешной жизни с отсутствием возраста...

♥♥
Выявляется, что вечность – сверхмощная фундаментальная лучшая счастливая энергия жизне-
любия...

♥♥
Преимущественное мастерство создания шедевра – сила, опережающая время, являясь успешной
гениальностью вне времени...

♥♥
Силой творческой харизмы – «я» создатель афоризмов...

♥♥
Во взаимопонимании главный смысл общения друг с другом...

♥♥
Пребывать обожаемой драгоценностью в рассветах желанного мужчины – достоинство женщины
с созидательной красотой ума и души...

♥♥
Загадочная женщина для влюблённого мужчины – приключенческий путь следования лабиринтом
её обаятельной женственности...

♥♥
Постоянство во взаимной любви – гарант доверия между партнёрами и почётная дорожка с крас-
ным ковром аккуратно к семейному добробыту...

♥♥
Подиум женского очарования для влюблённого мужчины рукоплещет овациями!

♥♥
Являясь желанной и любимой для возлюбленного, баланс союза мужской и женской энергии об-
ретает гармонию... Мудрая перспектива Вселенной предлагает создание семейной супружеской пары
для продолжения рода...

♥♥
Созвучием желаний влюблённые предчувствуют друг друга, и, ведомые потенциальной перспекти-
вой обоюдно успешного настоящего и будущего с умиротворённостью взаимопонимания со стороны
избранника, мужчина и женщина наполняются взаимной любовью, а их жизнь – семейным счастьем
и первоклассной гармонией...

♥♥
Взаимность любви учреждает привилегию создания счастливой и успешной семьи... Взаимная
любовь – это прежде всего уважение к своему партнёру с принятием его настоящих достоинств и экс-
клюдивности характера... Развитием дальнейших ключевых событий остросюжетно чувственной
романтики создаётся гармоничная супружеская пара, чета с обворожительной страстью и симпатией
к элитному классно элегантному нраву партнёра...

♥♥
Мужчина проявляется к женщине с готовностью счастливой встречи! Женщина, склонная к встре-
че потенциально своего партнёра с честью, – соцветие гармоничных взаимоотношений друг с дру-
гом...

♥♥
Калейдоскоп женственности соблазняет мужчину! Харизма мужественности привлекает жен-
щину...

♥♥
Женская привлекательность для влюблённого мужчины – достоинство брачного союза со свадеб-
ным торжеством молодожёнов...

♥♥
Идеальный партнёр прибывает со взаимопониманием!

♥♥
Чувственностью взаимной любви мужчина и женщина достигают настоящее красивое доверие
друг к другу в благословении союза на семейное счастье и успешное деторождение...

♥♥
Резиденция взаимной любви – лучшее пространство для счастливой семейной жизни успешных
мужа и жены в классном взаимопонимании друг друга и жизнерадостной энергии новорождённых...

▼▼

Совместимость во взаимоотношениях двух влюблённых действует чудодейственным магнетизмом привлекательности друг к другу...

▼▼

Страстно влюблённый мужчина любит желанной женщиной с харизмой взаимной любви, и женственность возлюбленной расцветает во всей красе...

▼▼

Взаимная любовь соединяет влюблённых мужчину и женщину, обращаясь в шедевр благородного созвучия двух счастливых энергий: богатырской мужественности во взаимопонимании с чувственной женственностью! Чарами рождения красивой пары торжественно отворяются заветные двери в цветущее гармоничный мир романтически освящённых чувств с приоритетным господством счастливого супружеского союза...

▼▼

У каждого из нас своё представление об идеальном партнёре. Идеал существует, и это взаимопонимание... Взаимопонимание и взаимная любовь в паре – сотворение чудес рождением новой счастливой семьи и гармонизации природного баланса взаимоотношений созвучием влюблённых друг другу...

▼▼

Красота супружеских взаимоотношений – прямой путь к совершенному счастью в семейной паре...

▼▼

Изначальная культура в любви мужчины и женщины – ценность создания семьи материализацией главного предназначения: встречи друг друга взаимной радостью, торжеством жизни и появлением новорождённых младенцев, – основополагающий смысл формирования комфорта внутри пары, содержание в ресурсном состоянии каждого из них самосовершенствованием на горизонте с богатыми перспективами обогащения счастьем и семейным уютом, изобилием источников удовольствий, взаимным наслаждением...

Семейная образованность, по сути, должна формироваться в человеке с младенчества не только примером собственных родителей в лучшем случае из возможных, но и быть образовательным контентом во всей программе обучения...

▼▼

Венчание Молодожёнов – отличное красивое супружеское взаимоуважение: торжественное освящение и активация благословенных лучших энергий культуры семейной жизни, осознание Молодыми действительной ценности взаимной любви в благородной супружеской паре...

▼▼

Венчание: «священный брачный венец» – благородное признание в любви мужа и жены друг другу...

▼▼

Чудодейственная привлекательность партнёров, являясь источником отличного вдохновения и богатой энергией, также изобильное дружелюбие и торжественное жизнелюбие, инстинктивное умение замечать и продолжать окружающее великолепие мира, генетическая предрасположенность к благодатному рождению собственных успешных детей с поколением славных внуков, принятие лучшего для осуществления главного и конкретно взаимопонимание в паре с осознанностью происходящего являются идеальным путём самосовершенствования личностей всех членов семьи для раскрытия высоких талантов в полной мере красивым вдохновением и первоклассными достижениями успехов здесь и сейчас наилучшим образом во всей красе и великолепии...

▼▼

В культуре семейных ценностей именно взаимная любовь и взаимоуважение – живительный классный жизнерадостный мир брачного уюта во всей красе...

▼▼

По явлению счастливого случая наслаждаться супружеским счастьем взаимной любви в изобилии семейного уюта с добробытом, благодарить мир сейчас за удовольствие счастливой встречи с главным идеальным человеком в судьбе... *И истинный идеал не в том, что идеальный(-ая) «ты» или идеальный(-ая) «я». Настоящий «бриллиант отношений» во взаимопонимании друг с другом...*

♥♥

Своего идеального партнёра «я» принимает «здесь и сейчас» целиком и полностью во всей красе и великолепии классного взаимопонимания – шикарности взаимной любви свадебным торжеством!

♥♥

Со взаимопониманием сбывается удачливый брачный союз с успехом во всех сферах жизни во всей красе и великолепии!

♥♥

Силой счастливой взаимной любви во всей торжественной красе вершится благословенное рождение генетически лучших успешных детей, продолжающих славный род – Человечество!

♥♥

Мудрый любящий муж – изобильный источник развития для женщины в главном предназначении как жены и мамы, также авторитета личности в профессиональной сфере...

♥♥

Брачный союз, где верность по-настоящему главная прерогатива, – залог счастливых супружеских взаимоотношений во взаимной любви...

♥♥

Красота во взаимной любви и взаимопонимании друг с другом...

♥♥

Чувственная женщина, что «изобильная весна» на каблучках цветущей нежностью по зеленеющей флоре...

♥♥

Женственность и чувственность в долгосрочной перспективе понимают, ценят и берегут самые лучшие, чуткие, по-настоящему любящие мужчины, тогда как другие характер счастливых взаимоотношений считают избалованностью...

♥♥

Юбилейное торжество, что чудесный ветер счастливых событий, гламурно празднующий в весенних проклюнувшихся почках зачина молодильной зелёной листвы...

♥♥

Любая польза, торжество, счастливое событие на планете... это благословенное освящение космоса на успешное продолжение лучшей супержизни!

♥♥

Жизнерадостность – торжественное настроение, излучающее счастье в мир во всей красе и великолепии!

♥♥

Счастливая Вечность – фундаментально действующий двигатель успешного времени, эволюционно устойчивого к продуктивному продолжению сверхклассного мира... Выигрывает именно самая лучшая из возможных цивилизаций, дающая ту или иную генетически ценную культуру...

♥♥

Для мирной и счастливой жизни друг с другом человечеству достаточно взаимопонимания...

Ваагн Карапетян

Ваагн Самсонович Карапетян – писатель, автор нескольких книг. Вице-президент Международного союза литераторов и журналистов АРПА по Американскому континенту. Внештатный корреспондент газеты «Аргументы недели». Главный редактор международных альманахов «Литературная Канада» и «Всеамериканский литературный форум». Номинирован на соискание национальной литературной премии «Писатель года» за 2020 и 2022 годы.

МОРЕ И СТАРИК

Рассказ

Сантьяго вышел из обувного бутика, любуясь своими новыми сандалиями, в которые он облачился тут же, у кассы, едва успев заплатить за них. В руках он держал растоптанные, посеребрившие от времени, некогда белые ботинки. С минуту он постоял на последней ступеньке каменной лестницы, ведущей в магазин, исподлобья посматривая по сторонам. Справа от себя он заметил мусорную корзину и направился к ней, но, не дойдя двух метров, остановился, примерился и ловко закинул в корзину отжившую свой век обувь. Прилагая усердие, похлопал руками по брюкам, с намерением очистить ладони от пыли и скверного запаха старой обуви, и не спеша побрёл по единственной мостовой города, на которой расположилась значительная часть питейных заведений. Зашёл в пивной бар «Бригантина». Хозяин бара, аргентинец Габриэль, с радужной улыбкой встретил Сантьяго, однако наш герой, слегка подбоченившись, засунул руки в брюки и с таким вызовом обратился к нему:

– Скажи-ка, братец, как мне поступить. Взять у тебя в долг ещё две кружки пива или... – Сантьяго сделал паузу, интригуя Габриэля: – Или заплатить за эти две кружки, а также за все те, которые я у тебя под честное слово выпил?

– Вот оно что, я рад за тебя, старик! – обрадованно воскликнул Габриэль, протирая бокалы, а потом по-дружески добавил: – В принципе, мне не к спеху, можешь и сегодня в долг взять четыре кружки, я ведь знаю, что двух кружек тебе не хватит.

– Нет уж, дудки, считай, сколько я тебе должен, – перебил Габриэля Сантьяго и вытащил из кармана целую пригоршню мятых денег.

– Сейчас, сейчас, – заторопился Габриэль, – но прежде налью тебе пива. Пиво свежее.

Габриэль расторопно наполнил две пол-литровые кружки пивом и пододвинул к Сантьяго, а сам достал счёты и открыл замусоленную, потрёпанную тетрадь с записями должников. Сантьяго залпом выпил первую кружку и, взяв в руки вторую, сказал:

– Добавь и долг моего мальчика.

– Долг Манолина?

– Да.

– Но он больше не ходит с тобой в море.

– Какая разница, он мой друг!

Вышел Сантьяго от Габриэля слегка покачиваясь, потому как осилил не четыре, а шесть кружек пива. Поглаживая пузо и напевая незамысловатую песенку, побрёл вдоль набережной.

Теперь его путь лежал в ресторан Мартина.

Едва войдя в ресторан, он намеревался в первую очередь выяснить у Мартина, может ли тот позволить Сантьяго выпить в долг, как и прежде, рюмку виски или нужно заплатить и рассчитаться за прежние долги?

Но Мартин опередил его:

– Знаю, знаю, ты сегодня платёжеспособный, – и, весело глядя на Сантьяго, заливисто рассмеялся.
 – Какой болван тебе это сказал? – насупился Сантьяго. – А ну, выкладывай. Не Габриэль ли, этот бабский угодник?

- При чём тут Габриэль, весь город говорит о твоей удачной рыбной ловле.
- Сантьяго подошёл к барной стойке и вытащил из кармана смятые деньги.
- Наливай виски и считай. Приплюсуй и долг Манолина.
- Ну вы же...

Но Сантьяго прервал его:

- Он мой друг – и баста. И не рассуждай, а то опять, как в прошлый раз, все окна повышибаю.

Но на Мартина угроза увидеть свой ресторан с вышибленными окнами никак не подействовала, всё так же по-доброму глядя на пьяного Сантьяго, он ответил:

– Эх, дорогой мой. Прошлый раз... Это случилось, дай бог вспомнить, двадцать пять лет тому назад. Мой отец ещё был жив. Как быстро время-то летит.

- Неужто двадцать пять лет прошло? – встрепенулся Сантьяго.

– А ты был красив и силён. Я помню твой поединок, я тоже был в таверне «Касабланка», когда ты состязался с чернокожим Сьенфуэгосом. На то время его считали самым сильным человеком в округе. Целые сутки продолжался ваш поединок, люди начали роптать, потому как на работу пора, требовали ничью объявить, но в эту минуту ты стал пригибать руку чёрного всё ниже и ниже. В конце концов он сдался. Тебя долго называли чемпионом. И сегодня нет-нет да и вспоминают.

Сантьяго, польщённый этим воспоминанием, но не привыкший к хвалебным речам в свой адрес, чтобы сменить тему, спросил:

– Как ты думаешь, «Янки» выдержат сегодня или?.. Как бы их не обыграли кливлендские «Индейцы».

– Не бойся, старик. Вспомни, у «Янки» есть великий Ди Маджио, он бог бейсбола, – уверенно заявил Мартин.

- Сколько там нащёлкало? – спросил Сантьяго, увидев, что Мартин закончил считать.
- Долг Манолина приплюсовать?
- Ну, я же сказал! – возмутился Сантьяго.
- Тогда десять долларов пятнадцать центов.

Сантьяго отсчитал и положил на тарелку для денег одиннадцать долларов:

- Но это не всё. Завтра я принесу большой кусок рыбы.

Мартин попробовал было возразить, на что Сантьяго ответил:

– Я Манолину обещал, если вернусь с хорошей рыбой, то обязательно дам тебе огромный кусок мяса. И не спорь со мной.

На следующее утро Сантьяго занёс Мартину огромный кусок рыбы. Он добросовестно упаковал рыбу в старую газету, которую ему одолжил Перико в винной лавке, чем ещё больше удивил хозяина ресторана. Мартин подметал зал после вчерашних посетителей. Он тотчас же отнёс мясо в подсобку, где стоял огромный морозильник, и вышел к Сантьяго с бутылкой виски и рюмкой в руках. Предложил старику сесть за ближайший столик.

– Говорят, вчера на рынке столпотворение началось, когда ты появился с рыбой, и ты за час с небольшим всю рыбу распродал? Я встретил по дороге Луиса, он рассказал.

- Да, было такое, – согласился Сантьяго, сделав глоток.
- И сколько ты заработал, рыба ведь на тысячу фунтов тянула? Если не секрет.
- Честное слово, не считал, некогда было. Когда началась торговля, то в спешке рассовывал деньги по карманам, а в хижине все деньги под матрас свалил. Сколько там их, и представления не имею.
- Ну, дай бог, чтобы удача и впредь не покидала тебя.
- Амен! – ответил Сантьяго и снова приложился к рюмке.

Сантьяго вышел от Мартина в раздумьях, куда бы податься, но, поразмыслив, решил отправиться к себе и выспаться. Много сил отняла последняя рыбалка. Если бы с ним был его юный друг Манолин, другое дело. Рыба больше часа мотала его по морю, пока не выдохлась. Он всё-таки одолел её, победил. Для Сантьяго это обстоятельство имело большее значение, чем заработанные деньги.

Но только собрался он свернуть с набережной в свой переулок, как его окликнули. Сантьяго обернулся и увидел писателя Эрнеста, тот радостно спешил к нему навстречу.

– Что я слышу, старик, говорят, ты поймал большую рыбу. Уверен, ты сохранил и для меня кусок мяса.

Сантьяго растерялся и стал мямлить в ответ:

– Я, конечно, оставил бы, но... Да, я поймал большую рыбу, но пока волочил её к берегу, акулы набросились и всё мясо сожрали, один только хвост остался.

– Что ты говоришь, ах, как печально, – искренно огорчился Эрнест. – И тебе не удалось отогнать их?

– Пытался. И багром, и веслом бил, всё тщетно.

– Слушай, а это потрясающая история, получится отличный рассказ. Правда, что ты целые сутки боролся с ними? Удивительно! Обалдеть можно! Я к тебе вечером зайду, и ты мне подробно всё расскажешь. Если собака укусит человека, это неинтересно, банально, но если человек кусает собаку, это уже из ряда вон выходящее событие. Твоя история из этой серии – рыбы похищают улов у человека. Я надеюсь, у тебя найдётся что-либо выпить?

– Найдётся, приходи, – уверенно ответил Сантьяго, нащупав под рубахой недопитую бутылку виски.

– Тогда до вечера.

– О'кей, Эрнест. Послушай, у меня к тебе вопрос. Чего это меня все называют стариком? Какой я старик? Мне семьдесят лет всего.

Эрнест улыбнулся, обнял Сантьяго:

– Согласен, не каждый молодой сможет сражаться так, как это делаешь ты.

* * *

Минуло два года. Сантьяго по обыкновению зашёл в ресторан Мартина выпить рюмку виски и стал свидетелем бурного обсуждения. Молодой человек, потрясая свежей газетой, рассказывал, что хорошо всем знакомый писатель Эрнест Хемингуэй, некогда завсегдатай этого ресторана, стал лауреатом Нобелевской премии. Он написал рассказ о том, как старый моряк поймал большую рыбу, но на него напали акулы и съели всю добычу. Сантьяго вздрогнул, услышав рассказанную им некогда Эрнесту историю.

– А там нет имени старого моряка? – вмешался он в разговор.

– Сейчас посмотрю, – молодой человек раскрыл газету и пробежал по строчкам.

– Есть, есть имя. Старого моряка, о котором идёт речь в этом рассказе, звали, – молодой человек ещё раз взглянул в газету, – сейчас-сейчас, по-моему, я на второй странице видел имя этого моряка... Вот, нашёл! Его звали... Сантьяго.

– Все обернулись в сторону Сантьяго.

– Старик, о тебе, что ли, идёт речь? – спросил встревоженный Мартин.

Сантьяго, удручённо кивнул головой и, облокотившись о барную стойку, стал рассказывать.

– Это случилось давно, года два, наверное, прошло. Поймал я большую рыбу, она на два фута длиннее моей лодки оказалась.

– Акула?

– Нет.

– Меч-рыба?

– Да нет. То был голубой марлин. Я такой огромной рыбы и не встречал никогда. Рассказывали как-то моряки, что у этой рыбы бешеный норов, вот и пришлось в этом самому убедиться. Хотела она меня здорово, но я изловчился и оглушил её топором. Потом разрезал на части, в первую очередь переложил на борт печёнку и все остальные мясистые куски и направился к берегу. Минут через двадцать появились акулы, шли на запах крови. Провозились немного со скелетом и ушли в море. А скелет рыбы я специально на берег приволок, чтобы её размеры показать.

Сантьяго на минуту замолк и посмотрел на Мартина. Тот понял, тотчас же налил рюмку виски и протянул её старому моряку. Сантьяго плеснул всю гремучую жидкость без остатка в рот и вернул рюмку Мартину. Затем продолжил рассказ:

– На второй день, когда я всю рыбу распродал, встречается мне Эрнест и с ходу: «Слышал, что ты огромную рыбу поймал, мне небольшой кусок не причитается?» Что ему ответить, когда ни кусочка не осталось. Вот и сболтнул, что нет мяса, потому как всю рыбу акулы растерзали, один скелет остался. А тот поверил, стал ахать и охать. Мол, расскажи подробнее, классный рассказ получится. Напросился в гости. Я подумал, ему выпить захотелось, а он ещё и рассказ написал.

Сантьяго сел за стол и удручённо опустил голову, затем, взглянув на собеседников, спросил:

– Я одного не могу понять, как мог поверить Эрнест, что такой, как я, старый опытный моряк позволит акулам съесть свою добычу? – Затем он воскликнул: – Это же уму непостижимо. Хотя бы имя моё заменил, а то опозорил меня на весь белый свет!

Сантьяго выпалил сию тираду и от нахлынувшей досады и огорчения ударил кулаком по столу.

Артём Капустин

Артём Капустин – родился в 1983 году в Калининграде. Родители переехали в Калининград с Донбасса после окончания института в 1970 году. Окончил Калининградский государственный университет (ныне БФУ им. Канта) по специальности «радиофизика и электроника». Пишет стихи и прозу со студенческих лет. Публиковался в сборнике «Поэт года – 2015», изданном администрацией сайта stihi.tu.

ВОТ ТАКИЕ ПИРОГИ

Рассказ

Алина поспешно стучала сапогами по привычным выбоинам на асфальте улицы Суворова. Ей даже нравилось двигаться по тротуару одной против непрерывного потока одностороннего движения машин. Но не нравилась спешка. В последние дни ей часто приходилось спешить. Необходимо успеть переделать так много дел – до защиты диплома осталось всего два месяца.

Начав путь от улицы Героев Севастополя, где располагался университет, она прокатилась вниз по улице с названием Троллейбусный спуск. Как это ни странно, на троллейбусе. Но дальше его маршрут заканчивался, и, чтобы добраться до западной оконечности города, где она жила, пришлось идти на конечную остановку маршруток пешком. Можно было сесть сразу в большой автобус, но он петлял дворами и к тому же полз страшно медленно. Татарский транспорт явно быстрее.

Она поминутно поправляла пляшущими пальцами лацканы плаща, но не для того, чтобы утеплиться от порывов ветра с моря – ветер в это время года был сильным, но тёплым. А просто от нервов.

На перекрёстке с улицей Марата внезапно разразился ливень, и девушке пришлось перебежать на другую сторону улицы, чтобы укрыться в кафешке, занимавшей цокольный этаж соседнего жилого дома.

Почувствовав запахи с кухни, она вспомнила, что так и не поела в студенческой столовой. Собиралась, но, заканчивая учебные дела, так задумалась, что забыла.

А думать приходилось о многом.

Крепко врезался в память тот день, меньше месяца назад.

Когда Янукович внезапно сбежал из Киева в Ростов.

Все, кто смотрел телевизор, удивились и испугались, когда внезапно отменили все развлекательные передачи и день и ночь напролёт транслировали прямой эфир из Рады.

Турчинов, Яценюк, снова Турчинов – час за часом вещали на державной мове про европейское будущее великих укров и незавидную участь москалей.

«Чемодан – вокзал – Россия», «Мы запретим во всей стране говорить на русском».

А на каком языке нам в Крыму говорить? На китайском, что ли? Тю.

И что будет с институтами Севастополя и Симферополя, где преподают на русском?

Друзья с Донбасса рассказывали, как в Восточнукраинском университете Луганска преподают высшую математику на украинском. Звучало смешно.

Но сейчас Алине было не до смеха. Больше всего было не до смеха именно ей и её однокурсникам, потому что учились они в Черноморском филиале Московского государственного университета. В новой Украине москальским вузам места нет. Два месяца до защиты диплома осталось. Неужели универ закроют? Это ж пять лет жизни коту под хвост.

И что вообще уму непостижимо, среди тех самых однокурсников, что от нового правительства Украины неминуемо пострадают, некоторые собирались голосовать против присоединения к России.

И ладно, были бы студенты каких-нибудь творческих специальностей – среди богемы преобладают либералы. Но у них-то специальность «математик-программист». У айтишников-то должен быть хоть какой-то патриотизм.

Нет, блин, придурки с полностью ампутированными мозгами, твердят как заведённые:

– Когда вместо Черноморского флота России в Севастополе поставят военно-морскую базу США, будем жить, как в Америке. Нам дадут бесплатные визы, и мы будем летать в Америку.

Да что они там забыли в этой Америке? Там же, как планета Плюк, галактика Кин-Дза-Дза – высокие технологии, а культура ниже плинтуса.

Девки повеселели:

– Найдём женихов среди морских пехотинцев США.

А российские морпехи чем хуже?

От жирных потных янки плохо пахнет, а боец русского ДШБ любого из этих вонючек уделает в рукопашной.

Особенно усердно агитировал за то, что «Украина – це Европа», Антон Мельниченко – хохол, щирый украинец. Заливал: машины, мол, нам будут давать бесплатно, квартиры в Европе бесплатно давать будут.

Не ведаёт дурачина, что ему за эту машину придётся задницей в Амстердаме торговать, потому что работы не станет, как в странах Балтии, когда они вступили в Евросоюз.

Даже, бандеровец долбаный, пытался доказывать, что если бы Гитлер выиграл Вторую мировую войну, то он жил бы в Кёнигсберге, пил баварское пиво и закусывал гамбургскими сосисками.

Тут уж Алина не стерпела и вписалась в спор, возразив, что он бы в лучшем случае подносил это пиво арийским хозяевам, получая вместо зарплаты возможность доглотать оболочку от сосиски.

Очередь в переполненной кафешке медленно подходила к кассе, и Алине становилось всё жарче от электрического обогревателя.

Дни медленно подходили к референдуму, и Алине становилось всё тревожнее.

Червячок глодал мозг:

– А вдруг подстава? А вдруг сорвётся в последний момент?

С утра она слышала по радио, что СБУ объявила в розыск прокурора Наталью Поклонскую. Её назначили прокурором, потому что никто больше на такую должность не хотел. Четыре храбрых офицера с яйцами наложили в штаны от перспективы гражданской войны, а хрупкая девушка подхватила падающее из их дрожащих рук знамя. Наступает век мужественных женщин и женственных мужчин.

В этот момент Алина встретила небольшое досадное недоразумение, что оказалось последней каплей, окончательно выбившей её из колеи. Она с силой швырнула меню на стол:

– Чёрт! Нет ни одного блюда без мяса!

За соседним столом обернулся мужчина лет тридцати:

– Успокойтесь. Выпейте кофе. Если хотите, можете присесть с этим кофе ко мне.

Алина не хотела подсаживаться к кому попало, но, поскольку другие столики были заняты, пришлось принять приглашение этого типа.

Пустой кофе утолял жажду, но не голод.

Внезапно сосед по столику достал из пакета полукруглый кусок какого-то кушанья, разделил его надвое и подал девушке под столом, заговорщически шепнув:

– Я вижу, вы тоже соблюдаете пост. Возьмите – лоранский пирог с сёмгой. Только без сыра. Сам испёк вчера вечером. Меня научил этому рецепту один моряк из Сен-Тропеза. А как я познакомился с этим моряком, пожалуй, не скажу.

– Со своим нельзя, – засмушалась студентка.

– Вот для этого и нужно было заказать хотя бы кофе, – объяснил загадочный сосед, – когда я студентом был, мы с ребятами так и поступали. Заказывали в забегаловке какой-нибудь чай с пирожками, доставали из кармана бутылку водки и почти легально распивали её прямо в той забегаловке... Не пугайтесь, сегодня я водку не пил. Пост всё-таки. Да и дел много.

– Простите... Ой, не знаю, как вас зовут...

– Вячеслав.

– Алина. Так вот, вы, Вячеслав, вспомнили, как были студентом. А сейчас вы, наверно, уже не студент? Не хочу вас обидеть, но выглядите вы значительно старше.

– Я преподаватель.

– А кого вы учите? Случайно не в местном филиале МГУ работаете?

- Всех учу понемногу, – хитро улыбнулся Вячеслав.
- Вы будете голосовать за присоединение к России? – спросила Алина, скорее, просто так, разговор поддержать.
- Ещё как, – широко кивнул он в ответ.
- Ну наконец-то хоть кто-то адекватный среди интеллигенции города, – отлегло от сердца у Алины.

Тем временем случайный сосед собрал объедки от своего обеда и встал из-за стола с явным намерением покинуть заведение.

- Вячеслав... – только и смогла от удивления вымолвить Алина.
- Простите, Алина, но мне действительно пора. Я не шутил, говоря, что у меня здесь дел много. Но мне кажется, мы ещё увидимся. Интуиция меня подводит редко. Не унывайте – всё у нас получится, – мужчина весело подмигнул девушке и быстрым шагом вышел на улицу.

* * *

Неделю спустя Алина шла по зебре напротив Владимирского собора.

Нет, она не шла – она летела.

По улице, увешанной вдоль и поперёк трёхцветными российскими флагами.

Получилось!

Всё у нас получилось!

Крым откликнулся на зов Руси, которая снова становится святой.

В день святителя Луки, общепринятого покровителя полуострова, после литургии во Владимирском соборе батюшки отслужили ещё и благодарственный молебен, так что богослужение затянулось.

После чего усталые, но довольные прихожане поспешили во все точки общепита, что смогли найти в окрестностях, ибо в церковь пришли натошак.

Алина выискивала глазами свободные места в кафешке на углу улиц Суворова и Марата, куда случайно зашла уже два раза подряд в этом месяце.

С одного из занятых столиков раздался голос, показавшийся ей знакомым, только несколько искажённым:

- Ну, здравствуй, Алинка, калинка-малинка.

Девушка даже не удивилась. Только смутилась оттого, что человек, сперва объявивший о том, что соблюдает пост, сейчас аппетитно трескает пиццу и не менее аппетитно запивает пивом.

Хотя именно сейчас как раз-таки было чему удивляться.

Вячеслав был одет в форму капитана морской пехоты Вооружённых сил Российской Федерации.

Рядом с ним сидел капитан третьего ранга ВМФ России, а третьим был полковник в форме другого рода войск. ФСБ – эти три буквы в те дни были на слуху у большинства крымчан.

Морской офицер вещал без умолку:

– Пятнадцатого числа у нас в Калининграде погода была собачья. Шторм, ливень с мокрым снегом. Но, несмотря на это, на митинг в поддержку Крыма у мэрии города пришло более десять тысяч человек. И в первых рядах – ваш покорный слуга.

Алина подошла поближе и пролепетала:

- Вячеслав, а как же пост?

Вячеслав светился от счастья ещё ярче, чем она сама. Подняв глаза, готовые не по-мужски прослезиться от радости, он уверенно ответил:

- Сегодня можно.

И чуть погодя представил её офицерам:

- Знакомьтесь, Алина.

Моряк пожал ей руку по-мужски и широко улыбнулся:

- Ушаков Сергей. Не путать с прославленным Фёдором Фёдоровичем. Я пока ещё не адмирал.

Полковник ФСБ картинно поцеловал руку даме, будто бы царский офицер столетней давности, и сухо произнёс:

- Стрелков Игорь Иванович.

А затем продолжил сосредоточенно смотреть в пустой стакан. Можно было подумать, что он о чём-то грустит.

- Вы же преподаватель, Вячеслав? – запоздало спохватилась девушка.
- Ещё какой, – ответил капитан, – лихо мы с товарищами всего за сутки научили восемьдесят процентов украинского ВМФ Россию любить.

* * *

Алина и Вячеслав договорились встретиться после воскресной литургии на Графской пристани.

В субботу, в день весеннего равноденствия, российские телеканалы впервые передали прогноз погоды в Крыму как части России: «Севастополь – малооблачно, без осадков, +16». А на деле было ещё теплее и совсем ясно.

Алина впервые в этом году рискнула прогуляться по городу в лёгком платье и туфлях на высоком каблучке.

Вячеслав был в форме, с наградами за Вторую чеченскую войну, а рукава кителя открывали шрамы на руках, показывающие, как именно он заработал эти награды.

– Вы один? – полушутя спросила девушка офицера. – А где же ваши друзья, Сергей и этот, как его, то ли Игорь, то ли Иван?

– Капитан третьего ранга Ушаков убыл в Калининград, к месту постоянной службы, – ответил Вячеслав, как есть, – полковник Стрелков тоже убыл по службе.

– Тоже в Россию? – простодушно спросила девушка.

– Ну... почти, – помрачнел капитан и смолчал, будучи не вправе выдавать военную тайну.

Они стояли на набережной, вглядываясь в морскую даль, что вдохновила Александра Грина написать знаменитую повесть «Алые паруса».

Теперь у них всё будет хорошо.

После двадцати лет скитаний на чужбине полуостров причалил к родным берегам.

А потом они пошли к нему домой.

– Алина мыла руки перед едой, думая о том, что не решалась произнести вслух: «Слава из России... Слава России!»

И тихонько хихикала в кулачок, довольная каламбуром собственного сочинения.

А Вячеслав ставил на стол лоранский пирог, что испёк вчера вечером.

Тридцатидвухлетний холостяк уже более десяти лет сам себе готовил.

Но, похоже, вскоре что-то поменяется.

30.12.2014

Поэзия

Владимир Скиф

Владимир Петрович Скиф – родился в 1945 году в посёлке Куйтун Иркутской области. Автор 25 книг: «Зимняя мозаика» (Иркутск, 1970), «Журавлиная азбука» (Иркутск, 1979), «Живу печалью и надеждой» (Иркутск, 1989), «Копьё Пересвета» (Иркутск, 1995), «Над русским перепутьем» (Иркутск, 1996), «Золотая пора листопада» (Иркутск, 2005), «Письма современникам» (Иркутск, 2005), «Русский крест» (Серия «Библиотека лирической поэзии “Золотой жираф”», М., 2008), «Молчаливая воля небес» (Иркутск, 2012), «Все боли века я в себе ношу» (Иркутск, 2013), перевод «Слова о полку Игореве» (М., 2014), «Скифотворения» (Иркутск,

2014), «Где моей скитаться грусти» (Иркутск, 2015), «Байкальское Переделкино» (М., 2015), «Где русские смыслы сошлись» (Серия «Библиотека российской поэзии», СПб., 2016) и др. Член СП России. Секретарь Правления Союза писателей России. Член Приёмной коллегии Союза писателей России. Член редколлегии журнала «Подъём», зав. отделом поэзии журнала «Сибирь» (Иркутск). Лауреат Международных премий им. П. П. Еришова (2009), «Имперская культура» им. Э. Ф. Володина (2014), «Югра» (2015), лауреат Всероссийских литературных премий «Белуха» им. Г. Д. Гребеницкова (2013), им. Николая Клюева (2014), лауреат премии Издательского дома «Российский писатель» (2014), лауреат премии журнала «Наш современник» (2015), трижды лауреат Губернаторской премии (2010, 2011, 2015). Живёт в Иркутске.

* * *

Незримо времени теченье,
Но осень точит край небес.
И ночи чёрное свечение
Хоронит под собою лес.

    Не движется застылый воздух,
    И лишь Байкал, забыв про сны,
    Всю ночь процеживает звёзды
    Ковшом безмерной глубины.

Засветят слабые капли
Зари на ветках ледяных,
Тайга отряхивает лапы
От тяжких сумерек ночных.

    И лишь Всевышнему угодный,
    В веках, во времени сквозной,
    Байкал, холодный и свободный,
    Сияет звёздной глубиной.

ТВЕРДЫНЯ

Сергею Левченко

Огнём Россию не спалить,
Не срыть снарядом.
Она стоит, как монолит,
С душою рядом.

Её кольцом не охватить
Тугим, блокадным.
Она останется светить
Под облаками.

В моей судьбе,
в твоей судьбе
Заглавной станет.
Надежды наши о себе
В нас – не обманет!

Ни перед кем не упадёт,
Моля пощады.
Твердыня русская не ждёт
На грудь – награды.

Она спокойствию в душе
И песне рада.
Вода студёная в ковше –
Её награда.

Покуда будем дорожить
Тобой, святыня,
До той поры и будет жить
Руси твердыня!

«ЧТО ПЕРЕДАТЬ ВОРОНЕ?..»

В порту Байкал, где затаилась мгла,
Жила ворона, в скалах застревала.
Она неотличимую была
От этих скал, где пряталась, бывало...

В порту Байкал Распутин бытовал,
Ворону видел и внимал которой.
Он образ русской доли создавал
И называл погибшею Матёрой.

Со дна уже Матёру не достать...
И для меня останется загадкой,
ЧТО он хотел вороне передать:
О смерти весть или о жизни краткой?

Ворона не покинула Сибирь,
Не сдвинулась Байкала панорама.
Крест у могилы. Женский монастырь.
...Молчит ворона на воротах храма.

* * *

И склоны гор, и рваный ветер,
И в небе тот же старый мост,
Где я тебя однажды встретил
И через небо перенёс.

Но зренья не теряли горы,
Им было видно всякий раз,
Как наша суетность и ссоры
К земле придавливают нас.

По небу ласточки летели,
Покинув Родину, погост...
О, как они спасти хотели
Нас, не вернувшихся на мост.

Старинный мост во тьме качался
Среди упавших с неба звёзд...
И от небес не отличался
Покрытый звёздами погост.

* * *

Я живу на таких скоростях,
Что, наверно, не каждый способен
Жить, как я, на разрыв и врасяг:
И пружине, и ветру подобен.

Я живу на таких скоростях,
Что из глаз вырывается пламя,
И года, как осколки, свистят,
И души развивается знамя.

Пусть меня тормозные простят,
Им неведом полёт надо всеми...
Я живу на таких скоростях,
Что за мной не угонится время.

* * *

Пообещай скользнуть в оконце
К самой себе, к тому лучу,
Что согревал тебя, как солнце,
А лучше – к моему плечу

Сумей приникнуть
и прижаться
Всей кожей, всем существом,
В моих ладонях оказаться
Туманным, тихим островком,

Гнездом, ещё не разорённым,
Цветком в таёжном далеке,
Горячим, светоносным лоном,
Ещё нетронутым никем.

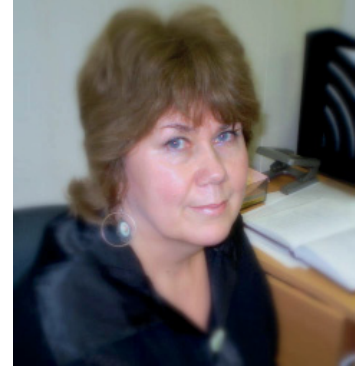
Пообещай не обходиться
В жестоком мире без меня.
Пообещай опять родиться
Со мною вместе – из огня...

Лариса Цигвинцева

Лариса Григорьевна Цигвинцева – заведующая библиотекой Культурного центра им. академика Д. С. Лихачёва. Родилась в Австрии в семье военнослужащего, но своё детство связывает с одним из старинных уголков Москвы – Замоскворечьем. Здесь, на Валовой улице угол Строченовского переулка, прошло её сознательное детство, здесь она училась в школе со знаменательным номером 555, которую окончила с серебряной медалью. Высшее образование получила в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина, позже окончила аспирантуру Российского государственного социального университета. Практически всю свою профессиональную деятельность посвятила библиотечному делу. В 2006 году указом президента России ей присвоено звание заслуженного работника культуры Российской Федерации.

ЗАМОСКВОРЕЦКИЙ ДВОРИК

Мой старый двор! Ты часто снишься мне:
Прозрачный купол тополиной тени,
И старый дом, и стёртые ступени,
И дверь со скрипом, и герань в окне...

Мой старый двор – ристалище котов,
Ты, словно страж, хранил в земле «секреты»:
Осколок чашки, фантик от конфеты
И черепки бутылок всех сортов.

Ты был таким, как все дворы кругом:
В тени асфальт взрывали шампиньоны,
А по углам цвели взахлёб пионы,
Посаженные старым чудаком.

Ты белым взмахом стаи голубей
Приветствовал и праздники и будни,
Твои скамейки были многолюдны
От стариков и маленьких детей.

Под шум скандальный карточных атак
Ты наряжался в мокрые пелёнки,
Подставив грудь под детские ножонки,
Ты помогал им сделать первый шаг...

Мой дом! Я помню твой последний день:
Столетний хлам, на выброс обречённый,
Тоску квартир, от жизни отлучённых,
Стыдливый ужас обнажённых стен.

Свою ненужность исчерпав до дна,
Ты, как солдат, не найденный наградой,
Готовился к прощальному параду,
Как и соседи – старые дома...

...Давно уж нет того клочка земли,
Где тополя, где воробьи в скворечнях.
Мой старый двор, мой двор в Замоскворечье,
Ты до сих пор приходишь в сны мои!

МОЯ ВАЛОВАЯ

Здесь был булыжник, коцанный подковами,
Стоял на страже чудо-монастырь...
К тебе, родная старая Валовая,
Меня уводит память-поводырь.

Здесь никогда никто волов не видывал,
Здесь были рвы когда-то и валы.
Посадский люд врагов с них опрокидывал,
Не преклоняя гордой головы.

Здесь где-то дремлет детство голоное
В тени чугунных кружевных ворот,
И до сих пор девчонкой-недотрогойю
Моя душа бессмертная живёт.

Мы здесь любили, ждали, ненавидели,
Здесь мы учились к слабому спешить...
Сюда я шла, когда меня обидели,
Когда не знала, что и как решить.

Меня судьба письмом с почтовой маркою
Вела по странам, городам, домам,
Но старый двор с воротами и аркою
Меня встречал в любые времена.

Сейчас здесь всё живёт по-современному –
Стёрт прежний мир асфальтовым катком.
Моя исчезла детская вселенная –
Ворота, арка, двор и старый дом.

Где был мой дом – теперь Кольцо Садовое,
Его утешит авто-мото-рать,
Спят под асфальтом шумная столовая,
Мой «детский угол» и моя кровать...

Но по ночам, лишь только веки смежились,
Мой двор приходит кадром из кино,
И там девчонка – дерзкая и нежная –
Моя душа из детства моего.

СТАРЫЙ РЕПРОДУКТОР

Когда-то, звонким детским летом,
Играя в прятки, лет шести,
В углу, за стареньким буфетом
Мне довелось его найти.

В восторге родственники были –
Нашлась пропажа давних лет!
С него стряхнули клочья пыли
И водрузили на буфет.

Огромный круглый РЕПРОДУКТОР!
Черней вороньего крыла!
Он так пугал меня под утро
Чернильным взглядом из угла.

Он, словно око Чуда-юда,
Следил за мною и считал:
Раз – мамино разбито блюдо,
Два – синий бабушкин бокал,

Три – напроказила, шалила
За строгой маминой спиной...
Я кулаком ему грозила,
Чтоб не подглядывал за мной!

Его я страстно не любила
Со всех своих щенячьих сил
И даже веником побила,
Чтоб на меня не доносил!

И в наших странных отношениях
Я чуяла его укор
За то, что не прошу прощенья,
За дерзкий взгляд в глаза, в упор.

И я решила: «Баста! Хватит!»
Пока все спали, на заре
Врага, схватив в свои объятия,
Снесла в помойку на дворе...

От поисков устав порядком,
Сказала мама, помолчав:
«Тот репродуктор в сорок пятом
Нам про Победу прокричал!»

Я вихрем мчалась по тропинке,
Чтоб репродуктор отыскать,
Но тщетно. В вечер, под пластинку,
Бабуля плакала и мать...

С тех пор на стареньком буфете
Пустует место, как в строю,
И горький стыд за случай этот
Ночами душу жжёт мою.

РОССИЯ 90-х

Ложь, воровство, хмельной угар,
Вослед – похмельное бессилье,
Синяк – свидетель драк и свар...
И это ты – моя Россия?!

Слепая зависть и возня
Вокруг валюты и процентов
И волчья смертная грызня
За фунты, доллары и центы;

Там – лица детские в грязи
И старики с сумой у храма,
Здесь – миллион за лимузин
И преклоненье перед хамом;

Бесстыжее кругом враньё,
Всепоклонение насилью
И на погостах вороньё –
Всё это ты, моя Россия?!

Россия – нет! – не такова!
Она споёт ещё о многом,
Её златые купола
Горят, как свечи перед Богом!

Россия – на своих полях –
На Бородинском, Куликовом,
Где русский воин пал в боях,
Чтоб Родину не запрягли в оковы;

Она в святых своих местах,
Что сердцу русскому так близки,
Она в часовнях и крестах,
Монастырях и обелисках;

Она в есенинских стихах
Про розового жеребёнка;
Россия светится в глазах
Русоголового ребёнка.

Россия – там, где бьёт родник
И мастерства и вдохновенья.
Спаси её и сохрани,
Божественное провиденье!

ЖЕНЩИНА

О, женщины!
Ничтожество вам имя!
В. Шекспир

О, женщины! Терпение – вам имя!
На том стою и буду впредь стоять!
Мужчины лгут, а может быть – Бог с ними –
Им это просто не дано понять.

О, Женщина! Сестра, жена, подруга,
И няня, и кормилица, – всё в ней.
И у мужчины нет надёжней друга,
А у ребёнка – нет щита прочней.

Уж если любит Женщина – как в омут
Пойдёт на всё: на плаху, на костёр,
В острог, на каторгу, и раз, и два, и снова
Переживая боль, и муку, и позор.

Но чтоб всего точнее ей имя дать,
Скажу лишь: «Женщина! Твоё призванье –
Мать!»

ПОМИНАЛЬНОЕ

Марине Цветаевой

Поцелованная Богом –
Кудри русые,
Тонкий стан, босые ноги,
Ступни узкие.

С милым вместе – к аналою,
Счастьем грезила.
В вечность твёрдою рукою
Строчки врезала.

Стих наотмашь, словно плеть,
Душу высечет.
Сгусток боли не стерпеть –
С кровью вытечет.

Русь, прощай, грядущим Хамом
Изнасилованная!
Но без Родины нет храма,
Спаса с Силами...

Откололась прочь от стана,
Кровью выкрашенного,
А к другому не пристала –
Щепка выкрошенная.

Дунул ветер – возвратиться? –
Снова предали:
Подарили клетку птице,
Зёрен не дали.

Протянули ржавый гвоздь,
Пеньку свежую
Да земли могильной горсть
В холм заснеженный...

Спой, соловушка, под утро
Песню вешнюю.
Помяни, случайный путник,
Душу грешную!

ЗАЩИТНИКАМ РОДИНЫ 2022

Постучала вновь война к нам,
Вновь враги на нашу Русь прут.
Вы начните воевать – там,
Мы вас сердцем прикроем – тут.

На поклон к не нашим богам
С воем трусы пускай бегут.
Вы воюйте за нас – там,
Мы ваш дом сбережём – тут!

Мы семью сохраним и храм
И не станем лелеять месть.
Вы сражайтесь за нас – там,
Мы за вас молим Бога – здесь!

Пусть нам дёгтем мажут врата,
Пусть на каждом шагу врут.
Вы деритесь за нас – там,
Мы за вас будем биться – тут.

Не дадим никаким врагам
Осмеять ваш великий труд.
Вы достойно воюйте – там,
Мы гордимся и ждём вас – тут!

Любовь Ладейщикова

Любовь Ладейщикова – известный русский поэт. Родилась в 1946 году в Екатеринбурге (Свердловске) в семье фронтовика, участника взятия Берлина. Окончила филфак УрГУ им. А. М. Горького (1975). Печатается с 1965 года. Автор 14 глубоких поэтических книг и сотен публикаций в периодике. Член Союза писателей России (СССР) с 1981 года. Заслуженный работник культуры РФ (1999). Академик Академии поэзии (Москва, 1998). Лауреат всероссийских и региональных литературных премий. С 2005 года – инициатор учреждения и председатель Комиссии по присуждению Всероссийской литературной премии им. Л. К. Татьяничевой.

Книги: «Материнский час», «Рождение женщины», «Колыбельная тайна», «Свеча негасимая», «Бездна», «Достоинство», «Премия Солнца», «Капсула времени. Избранное» и др.

ДОСТОИНСТВО

(Венок сонетов)

1.

Как стрелы чингисхановских бровей,
Так и напевы вещего поэта,
Пронзив простор берёзовых полей,
Вросли в гудящий ствол менталитета.

Сильна струна пронзительная эта.
В ней гул народов, но всего слышней
Российская отзывчивость... И в ней –
Загадка евразийского расцвета.

Но в час, когда легенды гасят свет
И сытые птенцы былых побед
Жар-птицыно гнездо сжигают сами,

Вандалы вновь историю казнят,
Чтоб жадный взор и прагматичный взгляд
С российскими скрестились небесами.

2.

С российскими скрестились небесами
Не тени смертоносных хищных птиц –
Эпоха захлебнулась словесами,
Цинизмом геростратовых страниц.

И в одночасье сдуло маски с лиц,
И пал колосс под звёздными часами,
Но взломщики основ очнулись сами
В объятьях мародёров и блудниц.

Безропотно, подачки подбирая,
Вползли в ворота сникерсного рая
С тупой пещерной жадностью бомжей.

XX век... Достоинства обломки...

Но оглянись! Там с книгами в котомке
Мой предок ломоносовских кровей.

3.

Мой предок ломоносовских кровей
Во мне бунтует, дорожа наследством:
И генной географией своей,
И тягой к звёздам, и победным детством.
Как аналитик, склонный к самоедству,
В душе ношу пожар сгоревших дней,
Не допуская пламя до корней,
Как тот Иван, живущий по соседству.
Обузились союзные края,
Но шелестит Евразия моя
Лесными и степными голосами...
Уральский говор мне ласкает слух,
А русский Север и поморский дух
Моими заправляет парусами.

4.

Моими заправляет парусами
Фамильный гон событий и времён,
Где русичи с льняными волосами,
Израженные, взятые в полон,
Пленённые атласными косами
И правом страсти на земной поклон,
Вражду меняли на любовный стон –
И степь сходилась с синими лесами.
Хрупка, медноволоса и нежна,
Прапамять – половецкая княжна,
Как судия с разбитыми весами,
Обняв любовью солнце и луну,
Сумела в сердце отменить войну.
История чревата чудесами.

5.

История чревата чудесами,
А мы – её эфирные миры,
То с золотой, то с чёрной полосами, –
Лишь лучики космической игры.

С Олимпа, с галактической горы,
В провале меж земными полюсами,
Едва ль видна Россия с чарусами,
С трясинной войн и шрамами коры.

Но мы – природы чуткое прозреньё,
Земное венценосное твореньё,
Заведуем историей своей,

И нам самим спастись от скверны души,
Чтоб связь времён и судеб не нарушить
В живом хитросплетении ветвей.

6.

В живом хитросплетении ветвей
Материки смыкаются и страны,
Сады генеалогии древней,
Чем жизнь отдельно взятого тирана.

Лодейщики, варяги, капитаны...
Мне в карты не играть на королей –
В фамильном древе нет таких ролей,
А генофонд любви покрыт туманом.

Династия сильна духовным флагом.
К искусствам родовая страсть и тяга
В огне любви пульсирует сильней...

Неукротимый жар – первопричина
Стихорожденья... Темперамент сына
Горяч, как половецкий суховей.

7.

Горяч, как половецкий суховей,
Стреноженный предгорьями Урала,
Род – в блеске уралмашевских огней! –
Род – укротитель войн, творец металла.
Цепь знатного уральского закала
Со звеньями от Северных морей
До екатеринбургских якорей
С клеймом железорудного причала.

Достопочтенный материнский род.
Но в мужней крови – польский поворот,
Где время обменялось адресами:
Смешалось всё – и табор, и орда,
И пан, и юнкер... Кто же, господа,
Наследник мой с цыганскими глазами?

8.

Наследник мой с цыганскими глазами,
Пытливый холмогорский славянин,
Северодвинский кормчий с карбасами,
Военнопленный польский дворянин!

Каков замес! Но что поделывать, сын,
Осколки войн с победными слезами
Вобрал хребет Рифея – тормозами
Магнитных евразийских половин.

Фамильный след в тектонике Урала
Моя душа промыла, отыскала
Старательно, как горсть золотников,

И виден меж ранений и порезов
Твой самоцветный пласт в тисках железа,
Евразия! Как стык материков...

9.

Евразия! Как стык материков,
Порыв, совокупивший части света,
Пронзивший джомолунгмы облаков,
Ты – колыбель и пантеон планеты!
Судьба народов – тайна без ответа.
Напор веков и древних ледников,
Круговорот кровей и языков
Не стёр национальные приметы,

Но то в былинном времени... А в этом –
Вбивает паутина Интернета
Жаргон столиц в подкормку кишлаков,
Сильнее термояда мощь дискеты.
И сохранил лишь генофонд поэта
Лодейный гон и гонор кипчаков.

10.

Лодейный гон и гонор кипчаков
Скорбят, припомнив о былом величье,
Как матери погибших моряков...
Над Баренцевом морем стоны птичьи,

И затонувших субмарин обличье,
И закордонный дух солончаков,
И память – вязь из чёрных узелков –
На шрамах чести и рубцах отличья.

Загадка? Рок? Заморский интерес?
Великий гений – геополитес
Не отвечает ни за что на свете...

Прощай, североморская родня!
Но я – осколок моря, и меня –
Впял Урал в котёл тысячелетий.

11.

Впял Урал в котёл тысячелетий
Скуластый облик северных широт,
И докембрийский рудный срез соцветий,
И след змеиных золотых пород,

Полярный холод и башкирский мёд,
Прямой огонь и горечь междометий,
Кандальный труд и свист тяжёлой плети...
Клеймён характер. Выкован народ.

Эпоха проржавела, обломалась.
Но от отца и матери – досталось
Небедное, победное житьё...

Век XXI... Вновь в дыму Россия.
С надеждой смотрит внучка Евдокия
Сквозь пламени цветущее копьё.

12.

Сквозь пламени цветущее копьё
Я вижу величавую державу,
Но знаю: расклевало вороньё
Ее богатство, мужество и славу.

Искусство развратилось нахаляву,
Науку разбазарило жульё,
Вся мощь страны – ушла во вторсырьё,
А на мозги – устроили облаву.

Превыше всех богатств – ценю свободу.
Но как вернуть историю народу?
И родовую память, и чутьё?

Нас закидали жвачкой из америк.
Едва ль крутая молодость поверит
В кипящее достоинство своё...

13.

В кипящее достоинство своё,
Как в молоко из хитромудрой сказки,
Нырнуть бы, сбросив хамство и тряпьё,
И вынырнуть – помолодев от встряски!

Мне наплевать на циников гримаски.
Звезда – Россия, света остриё,
Твоя краса – бессмертие моё!
Гудят колокола, ликуют краски.

Мой Китеж-град, фантазия моя,
Уже готова к всплытию ладья:
Все по местам! Выходим на рассвете!

Свеча – Россия! В испытанья миг
В иконописный материнский лик
Вглядитесь, современники и дети!

14.

Вглядитесь, современники и дети,
В свой разноствольный евразийский род:
В следы от пуль и ножевых отметин...
Но в дедовский не цельтесь огород.

Мой род из малахитовых пород.
Род-самоцвет за войны не в ответе.
Взывают к миру Храмы и Мечети...
«Открылась бездна...» Звёзд круговорот.

Тысячелетий свод – не колумбарий.
России нужен род – пассионарий –
Гуманный дух с достоинством корней...

Вселенских бурь божественная сила –
Любовь и боль – Евразию пронзила,
Как стрелы чингисхановских бровей.

22 апреля – 1 мая 2001 г.

15. МАГИСТРАЛ

Как стрелы чингисхановских бровей
С российскими скрестились небесами,
Мой предок ломоносовских кровей
Моими заправляет парусами.

История чревата чудесами
В живом хитросплетении ветвей,
Горяч, как половецкий суховей,
Наследник мой с цыганскими глазами.

Евразия! Как стык материков,
Лодейный гон и гонор кипчаков
Впял Урал в котёл тысячелетий.

Сквозь пламени цветущее копьё
В кипящее достоинство своё
Вглядитесь, современники и дети!

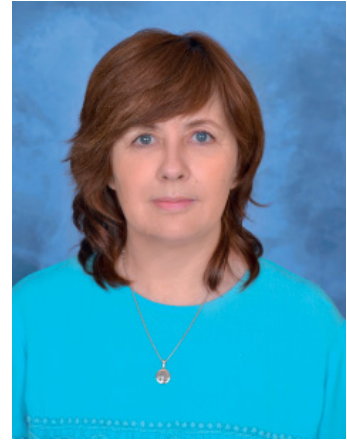
*Апрель 2000
Екатеринбург*

Поэзия

Марина Бережнева

Марина Бережнева – родилась на Донбассе в 1969 году. После окончания школы уехала в Новосибирск. Пишет с начала 90-х. Журналист, работала в газетах, на радио, в рекламных агентствах. В 2004 году переехала в Донецк, там жила до 2019 года. В 2011 году создала собственный сайт о творческих людях Донбасса «Арт-Донецк», организовывала творческие вечера, выставки, фольклорные праздники. С 2014 года работала в министерстве и затем возглавила Министерство информации и связи ДНР. В 2019 году переехала в Москву, работала в общественных организациях, связанных с сохранением исторической памяти, в образовании. Подготовила и провела в г. Балабаново два фестиваля «Книжный город».

Автор более 500 произведений, собственной книги стихов и малой прозы «Благодаря тебе», публиковалась в различных сборниках, а также в периодической печати, в Интернете. Член Союза писателей России.

***

Дряхлеет тело – не дряхлеет Дух.
Дух ненасытный, жаждущий, нескромный,
Исследуя всечасно мир огромный,
Он восхищён: и тополинный пух,

И свет закатного луча, и голос моря –
Ему внове. Меняясь каждый миг,
Они его меняют. Радость, горе,
И первый крик, и тот, последний вскрик,

Которые очерчивают грани,
Что мы с тобою назовём судьбой.
Рассвет, закат – возможно, слишком ранний –
Он говорит, беседует с тобой –

О совершенном, и незавершённом.
О том, что важно и что – просто так.
В тот миг, когда замрёшь ты поражённо,
Споткнувшись о житейский буерак,

Твой Дух ответит на вопрос извечный.
Прислушайся ты только лишь к нему.
Он Дух, его дыханье бесконечно.
Оно пронзает свет, пронзает тьму.

Оно живёт, и годы – не преграда,
И расстоянье не помеха, нет.
Твой Дух, его из райского из сада
Питает радость и чудесный свет,

Его питает истинное слово,
Движеньё сердца, красота земли –
Всё это хоть прелечно, вечно ново,
Как тот маяк, что светится вдали.

УЧИТЬСЯ ЖИТЬ

Учиться жить, как будто управлять
Громоздкой и тяжёлой колесницей,
И торить путь неопытным возницей,
Ошибки делать, снова повторять,
И, попадая в колею проблем,
На лошадей норовистых срываться,
Пусть даже пятьдесят, а вовсе и не двадцать,
Но это не мешает нам совсем...

Мы вновь и вновь за жизни поворотом
Встречаем то, что следует постичь:
Святая радость и святая дичь
Нас тащат за собой водоворотом...

Нам кажется в преклонные года,
Что вот они – секреты управления:
Мы варим превосходное варенье
И вожжи отпускаем иногда.

Ведь путь проторен, ясен и широк,
А с нами опыт и простые схемы,
И лошади, под яркие фонемы,
Уверенно и споро наш возок
Влекут по этой нам знакомой трассе,
И никакой шальной, дурацкий трассер,
Который коротко зовётся рок,
Нас не достанет. Подводить итог

Пытаемся. Но там, за поворотом,
Да-да, за тем, внезапным, как всегда, –
Вновь колея, и глина, и вода –
Вновь тяжкая и грязная работа.
На конский нор и на слабость рук
Пожаловаться некому, но всё же
Так хочется сказать: спасибо, Боже,
Что там, за поворотом, новый круг...

ПАРАД 1941 ГОДА

В тот день был снег. И по Москве мело.
Гремели фронта близкие раскаты.
Стоял Генералиссимус. Назло
Войне сквозь площадь шли и шли солдаты.
Шли ополченцы, нестроевики,
Курсанты юные, седые ветераны.
Навстречу фронту двигались полки
Сквозь площадь Красную, чтоб поздно или рано
Ввязаться в бой, неся к передовой
Свои святыни – рты распялив в крике,
Несли они и Ленина с собой,
И Сталина. В себя впечатав лики.
В одном ряду – где личики детей,
Где лица матерей, отцов, любимых.
Шли умереть – так просто, без затей.
Шли победить – сквозь снег, войну, сквозь зимы.
Сквозь пыль и гарь им предстоящих вёрст,
Сквозь смерть, метелью кружащей над ними.
И были эти люди – выше звёзд.
И были исполинами такими,
Которых трудно нам вообразить,
Которые поспорили с судьбою
И победили. И стоять Руси
Благодаря им. Жить и нам с тобою.
В тот день был снег...

БОИНГ НАД ДОНБАССОМ

И было безнадежным это лето
Для миллионов. Белый самолёт
Ушёл в пике, искромсанный ракетой –
В нём больше никому не повезёт.
Полёт окончен. Без аплодисментов.
Тела донецкая земля не приняла...
А журналисты стаями по степи
Метались, отработывая хлеб.
Сожжённые жарой, стояли цепи
Из ополченцев. Как же был нелеп
И страшен этот день... Ярило злилось,
Оправдывая прозвище своё,
А лето длилось, длилось, длилось,
длилось, длилось,

И дым и пыль ложились на жнивье,
На раскалённый шлак дороги серой,
На хаты, огороды и сады,
На нас... Тогда спасавшихся лишь верой,
Застывших в сантиметрах от беды...

ДОНЕЦКО-ЛЕТНЕ-ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ

А вечер тих.
Лишь голоса стрижи,
Гремит трамвай,
С балкона лает такса.
Донецко-летне-городская жизнь.
Обыденность.
На тротуаре клякса –
Небрежный кто-то, видно второпях,
Тут уронил мороженого шарик.
А в переулках и на площадях
Прохладный ветерок в листве пошарит,
И вынет звёзды,
И подбросит ввысь,
И ночь придёт.
Но там, на горизонте –
Донецко-летне-фронтную жизнь
Не удаётся лету урезонить.
В упавших сумерках стрекочет пулемёт,
Рвёт тишину, плюясь свинцом в зарницы.
А рядом с пулемётом –
Дремлет кот.
Нам неизвестно,
Что коту приснится,
Да и неважно...
День упал в траву,
В районе «промки» трассерами скошен.

Война и мир... Так близко, наяву –
Так дико перемешан и заброшен
Нам этот сюр...
Болезненно, остро
Вскрывающий бессмысленности смыслов...
А мотыльки всё бьются о стекло,
Луна над тихим городом повисла,
Как сотни, миллионы лет спустя,
И столько же, наверное, доселе.
И вечер тих, как спящее дитя
У лета в травянистой колыбели...

ПОБЕДА, БЕЛОЙ ВЕТКОЙ МАЯ...

Нет слаще жизни, чем назло,
Нет радостнее, чем во имя,
А не сражаться со своими,
Кому-то очень повезло.

И мы спускаемся во мглу,
Чтоб утвердиться – свет превечен,
Мир совершен и безупречен
Сквозь честной оптики стекло.

Мы убеждаемся любя
И всех сторонних убеждаем,
Что будет тот лишь побеждаем,
Кто бьётся только за себя.

Победа – это не парад
И не сверканье фейерверков,
А это та святая мерка,
Та, что дороже всех наград.

Которой измерять судьбу
И точно, и удобно людям,
Пусть с ними эта мерка будет
И до рожденья, и в гробу.

Но как победу не зови,
Не призывай святое имя,
Её руками лишь своими
Создать возможно на крови...

И с радостью и болью жить,
Сквозь кровь и смуту прорастая,
Победа, белой веткой мая,
Под ветром времени дрожит...

ЛЕТНИЙ ВЕТЕР

Юн и светел этот ветер –
Над садами, по листве,
Ходит-бродит юный ветер,
Ветер – с «ветром в голове»...

Тростникам причешет косы,
А берёзам – заплетёт.
С вишен посбивает росы,
В ворох сена упадёт,

Чтобы власть покувыркаться,
Рыхлый ворох разбросав,
И отправится купаться
На ближайший тихий став...

Юн и светел, пахнет мятой,
Ветер летний, мой дружок,
На траве прилёт примятой,
В месяца трубит рожок...

ДАЙ, БОЖЕ...

Дай, Боже, нам хороших новостей,
Чтоб каждый день, в их радужном
просторе

Мне ждать и дожидаться тех гостей,
Что радость принесут нам, а не горе...

Дай нам воды – и мёртвой и живой,
Чтоб раны омывать и воскрешаться
И чтобы те, кто уходили в бой,
Всегда из боя стали возвращаться...

Дай нам любви – кто сколько унесёт:
Кто в подоле, а кто хоть так, в ладони,
Любви такой, которая спасёт
В начале жизни и уже на склоне...

Дай нам пожить хоть годик без потерь –
Не забывая о долгах и вирах...
И, Боже, сохрани, прошу, детей –
Дай нашим детям, Боже, просто мира...

ШАХТЁРАМ

Там – как на войне. Там грохот и темнота.
В земной глубине, как в чреве слепого кита,
Тревожат пласты,
Руками и сталью скребут.
Там, как на войне – работают, но не живут.

Над ними – цветы, над ними дома и сады,
И смех молодых, и шёпот далёкой звезды,
Но толща пластов
Скрывает надёжно от них
Сады и цветы и звон родников молодых.

Но смена пришла, и скажешь забою – пока!
Такие дела, – пора повидать облака.
Пора заглянуть
В глаза матерей и подруг.
Коль смена пришла – ступай
за таинственный круг

Подземной страны, которую сам ты творишь.
Из этой войны, в страну перекрёстков
и крыш,

Каштанов, дворов
И неба бездонной бадьи.
Владыка миров ты, шахтёр, – они оба твои.

Нина Волченкова

Нина Волченкова – филолог, кандидат педагогических наук, член литературного объединения «Горизонт» (Трубчевск), общественный деятель. Автор шести сборников стихов: «Любимых сосен перезвон», «Тихая моя пристань», «У судьбы тропинок много», «Благодарю за счастье полюбить», «Хочу туда, где свет зари», «Под солнцем спелым». Публиковалась в газетах: «Заря» (Карачев), «БК ФАКТ» (Брянск), «Брянская учительская газета», «Брянский рабочий», «Земля Трубчевская» (Трубчевск), на сайте «Русский писатель»; в журналах – «Сибирь», «Наша молодёжь», «Берега»; в книгах – «Чтобы память жила» (Москва), «Память поколений» (Псков). Награждена Почётной грамотой Союза писателей России (2018), Дипломом «За верность слову и Отечеству» Литературной премии имени первого главного редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига в номинации «Художественное слово».

КОГДА МЫ ДУМАЕМ О ДОМЕ

*К 40-летию памяти автора
романа «Белая берёза»
Михаила Семёновича Бубеннова*

ПРОЛОГ

Как добрый колос из земли
Растёт у матери-природы,
Как несравненны журавли
В любые времена погоды,
Как в удивительной красе
Неповторимый лес России,
Как на прибрежной полосе
Лежат песчинки золотые,
Так наши помыслы чисты,
Когда мы думаем о доме,
Щитами – отчие кресты,
А меч – лучом на крыш соломе.

1. «ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!»

*Проснись, страна могучая,
Уже светла заря!
Под тёмной вражьей тучею
Горит твоя земля.*

«Вставай, страна огромная!» –
Звучало с первых дней.
Армада вероломная,
Казалось, всех сильней.
Советские – как нация –

Идут за строем строй,
Мужчин мобилизация –
Долг Родине святой.
Надев шинель солдатскую,
Он шёл и твёрдо знал,
Что мощной силой братскую
Россию защищал.
Отечество свободное
Живёт в его груди.
Вставай же, Русь народная!
Господь, благослови!
С Тобой только выдюжим
И справимся с бедой.
Мы выстоим, мы выдержим
С молитвою святой!
Подай же доброй мерою
Победу, как оплот.
С надеждою и верою
Воспрянет наш народ.
Не каждый, взяв оружие,
Сливался с целью той,
Но шёл с душой натруженной
По Родине святой.
«Вставай, страна огромная!» –
Величие и мощь!
Всё, что на долю выпало,
Сумеют превозмочь.
Писали в письмах матери,
Любимой и жене:
«Вы берегите скатерти,
Домашние, – в цене».
Воспоминая прошлого

Давало столько сил...
И бил солдат захватчика,
Что было мочи – бил!
В атаку шёл за Родину,
«Ура!» кричал в бою.
«Вставай, страна огромная!» –
Ты видишь, я стою!

2. ШАГУ НЕ СТУПИТЬ НАЗАД

*Разговоры, слёзы, мысли:
В прах развеяны мечты?
Тучи грозные повисли,
Градом бомбы и кресты¹!*

Закипала злость в солдатах:
По каким законам нам
Отдавать всё супостату?
Льётся горе по сердцам.
Отступают перед фрицем,
Виноватый прячут взгляд...
Есть приказ – сберечь столицу,
Шагу не ступить назад!
Полыхает бой за боем,
Стали грудью на врага.
Да, пока что с перебоем,
Но Отчизна дорога!
Переправы, перегрузки,
А фашиста будут бить.
Никогда не станет русский
Под пятой его ходить!
Образ ненависти лютой –
Он по всей родной стране.
В свежавырытых окопах
Стали биться наравне,
Немцу спуску не давали,
Мать – молитвенным щитом,
Знаки, ордена, медали
Оставлялись на потом.

3. РУССКОЕ ТЕРПЕНИЕ

*Народ обид не терпит никогда,
У русского «терпенье до зачина»,
И будут очищаться города
И сёла до последнего овина.*

Народу власти не предать вовек,
Он за неё идёт в огонь и в воду,
Чтоб не мучил никто течение рек,
Чтоб хорошела Русь от года к году.
А правду сжечь возможно ль на огне?

Цель Запада не сходит со страницы.
Бог – не помощник в кознях сатане,
А сатана мелькает в сотнях лицах.

4. ДОРОГИ ВОЙНЫ

*Я иду, как мой дед-пехотинец,
По жестоким дорогам войны.*

Щедр фашист на убойный гостинец,
Он – захватчик родной стороны,
Он – убийца, пришедший оттуда,
Где копилась звериная прыть.
Разбивается к счастью посуда,
А к несчастью... возможно ли скрыть?
Если треснул кувшин от старенья,
Не проблема его заменить,
Но позволено быть в услуженье
И зерно для посева хранить.
Эти зёрна добра новых всходов –
И надежда, и жизни оплот,
И духовного мира природа,
Чтобы был наш могучим народ!
Это слово как звон колокольный,
В нём соборного рая ключи.
На Руси жил народ богомольный...
Не погашено пламя свечи!
Через тернии наша дорога,
Но шагает вперёд Божий люд,
Когда враг у родного порога,
Когда чистые помыслы бьют.

5. СИЛА НАРОДНАЯ

*Время камни собирать
Не сегодня наступило.
Когда рядом была мать,
Радость на сердце копилась.*

Рассказала, что могла,
Всё поведала старушка –
Я дары те сберегла –
И красна углом избушка.
Есть о чём мне рассказать,
Чтобы память не остыла.
Чудодейственная статья
У народов русских – сила!
В чём она? Нельзя не знать:
Во служении Отчизне,
Беды век свой вековать,
По ушедшим править тризну,
Порадеть за сироту,
Пожалеть душой убогих,
Скрыть несчастья наготу,
Просить помощи у Бога –

¹ Кресты – немецкая свастика на танках и самолётах.

Как всегда – не за себя,
За другого – кому хуже,
Понимая, что, любя,
Ты родному будешь нужен.
Враг на нас во все века
Шёл стеной без остановки,
Получал он тумака
Многомерной калибровкой.
Математика точна,
У науки путь неблизкий,
И стоят во все века
Монументы, обелиски.
Украшение земли –
Всех веков святые даты,
Ввысь стремятся журавли,
Не уйти домой солдату.

6. ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ – МУЖЕЙ ХОРОНИТЬ

*По полю битвы женщины брели,
В подол людское горе собирали
И тихо с родной матушки-земли
Беду Отчества слезой своей смывали.*

Катилась и стекала прямо в снег
Слезинка за слезинкою солёной:
Уж не боец, но Божий человек
С лицом, как будто известью белёным.
Воронки от снарядов – рваный рот,
Окопы обвалились. Снаряженье
Разбросано войною. Целый взвод
Не произнёс ни слова возраженья.
Ломы, лопаты были под рукой,
Чтоб по-людски свершилось погребенье.
И горевали бабы меж собой:
День смерти есть, но не узнать рожденья.
– За что?! За что?! – звенел один вопрос. –
Кровь на снегу, а тело бездыханно!
И русский гнев в мгновенье ока рос,
И не молчала вдовья доля Анны.
И становилась ненависть водой –
Живой водой для подкрепленья духа.
– Наступит мир, придёт в дома покой! –
Произнесла столетняя старуха.
Клюку, как жезл победный, подняла,
О строгости зимы всем огласила:
– Кузьму с Демьяном¹ верно поняла –
Померзнёт враг! Кого здесь ни носило?!

¹ Кузьму с Демьяном – день в народном календаре у славян, приходящийся на 14 ноября. Название происходит от имён святых бессребреников Космы и Дамиана. В представлениях восточных славян в этот день осень провожают, а зиму встречают.

7. ЖЕНСКИЙ СПЕЦОТРЯД

*Снег кружился над Россией,
Ткал не саван, а покров,
Добавлял пушистый иней,
И на подвиг был готов.*

Падал тихо, завихрялся,
И ложился вкривь и вкось,
И свободой наслаждался –
Всё сегодня удалось!
Передышку дал деревне
И врага остановил.
Пригодился способ древний,
А Господь благословил!
Перемёты на дорогах –
Ни проехать ни пройти.
Выше крыш лежат сугробы,
Не проложены пути.
А наутро людям в двери
Раздавался грозный стук.
И пришлось снега те мерить,
Но не сразу и не вдруг.
А когда был тракт расчищен,
Говор женщин сразу смолк,
Воздух злобою насыщен,
И фашист не мог взять в толк.
По живому коридору,
Завершая свой поход,
Шли они, как под надзором –
Говорящий эпизод.
Строй мощнейший спецотряда
Женщин русской стороны,
Колкость яростного взгляда,
Честность праведной страны.
Как с оружием, с лопатой
На отеческой земле
Защищали всё, что свято
В храме света на холме.

8. ЧЕЛОВЕК, СЛОВНО НИТОК МОТОК

*Человек, словно ниток моток,
И порой взгляд обманчив бывает,
На забор, на берёзу, шесток
Он садится и не покидает.*

Всё условно, гарантии нет,
Но в условности тайна сокрыта:
Чист душою до старости лет
Или Пушкина свято корыто

И сварливая баба с клюкой¹?
 Вошь дрожащая? Тля? Человек?
 Понимаешь сейчас, через годы,
 Ведь у каждой души – имярек,
 И какое оно: из свободы?
 А быть может, дрожанье листа,
 Что на ветке своей задержался?
 Есть во всём и везде нагота,
 Для чего каждый в жизни рождался.

9. ЛУЧШЕ В ПОЛЕ, ЧЕМ В БАБЬЕМ ПОДОЛЕ

*Лучше в поле, чем в бабьем подоле,
 Умереть без стыда и тоски
 И под небушком синим на воле
 Свой покой обрести у реки.*

Не бояться сурового взгляда
 И с одежды плевки не стирать.
 Кроме Божьего света не надо
 Ничего, лишь спокойно лежать.
 Но предательский след неизбежен,
 У трусливой душонки в крови
 Путь из страха с годами безбрежен,
 И присяжных вердикт: «Не живи!
 Не позорь свой народ, и не сетуй,
 И присутствием край не погань,
 Перед смертью ты с Богом беседуй
 И со всеми грехами предстань!»
 Слово в слово другого коснётся,
 На земле испытаний не счесть.
 В человеке пусть совесть проснётся,
 Отстоит его доблесть и честь.

10. ПЕРВЫЙ НЕМЕЦКИЙ ПЕРЕБЕЖЧИК В ПОДМОСКОВЬЕ

*Морозный воздух в напряженье.
 И только сухостойная сосна
 Скрипит, как будто снаряженьем.
 На фронте подмосковном – тишина.*

А под Смоленском Гитлер побывал,
 Он сил сосредоточил там немало.
 Хоть пастырь свою проповедь читал,
 Но всё ж чего-то в ней недоставало.
 И несмотря на мысленный успех,
 На все мечты и превосходство духа,
 Жил человек – он был один из тех,
 Кто так далёк от хвастовства и слухов.

Немецкому солдату – снежный ком:
 И раздраженье, и негодование.
 В Германии – уютный милый дом
 И матери святое векованье.
 Он не внимал бахвальству вопреки,
 Но, наблюдая ложность положенья,
 Сжимал до боли пальцы в кулаки
 И видел ясно сущность пораженья.
 Он слышал, как в лесу скрипит сосна,
 Московский ветер пробирал холодный,
 И не рождалось матери письма...

И в руки взял солдат дневник походный.
 Листал, читал... Вопросов не избыть:
 С какой же целью он пришёл в Россию?
 Чтобы понять, как Родину любить,
 Как применять и мощь свою, и силу?
 Под Ленинградом брат его убит...

Переживёт ли мать? Искал ответа.
 Но не об этом ли сосна скрипит
 И догорает красная ракета?

11. РУССКИЙ ЛЕС

*Помятый, вытоптаный лес,
 Гостеприимный наш хозяин,
 Не сетовал. Молитвой до небес
 Просил укрыть «до самых до окраин»
 России землю, чтоб не тронул враг,*

Чтобы солдат к своей семье вернулся,
 Чтоб поля не утюжил танка трак,
 Чтоб каждый бой победой обернулся,
 И потому солдата принимал,
 Который строил блиндажи, землянки,
 Разведчикам советским помогал
 И слушал песню русскую «Смуглянка» –
 Лес фронтовой наполнен жизнью был.
 Зачисленный давно не в рядовые,
 Он капитаном, и майором слыл,
 И генералом. Будни фронтовые
 Лес никогда, конечно, не считал
 И восхищался мужеством солдата,
 Терял своих друзей, но не упал –
 События тех лет сегодня святы.
 Он воином великим остаётся:
 Лес охраняет света тишину –
 Она в народе святостью зовётся,
 Чтобы не лгать, но помнить ту войну.

¹ А. С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке».

12. ЛЮБОВЬ

*Жизнь как книга, где есть
И любовь, и беда,
Счастья добрая весть
И несчастья гряда.*

О любви не забыть,
Коль явилась она,
Рядом с милым ходить,
Слушать, как тишина
Позволяет принять
И закат и восход,
Мир глазами обнять
И с молитвой – вперёд!
По дороге шагать,
Улыбаться заре,
Песнь любви проживать,
Быть полезным стране.
Без любви на войне,
Как и в жизни былой,
Тяжелее вдвойне:
Исчезает покой,
Изнывает душа
По родной стороне.
Все преграды круша,
Едет сын на коне.
У родимой земли
Сын за сына горой
Как и в мирные,
Так и грозной порой.
А любовь-оберег
Как молитва в пути,
Дождь идёт или снег,
Но спокойней идти.
Перед боем минуты
Заполняет она,
Все просторы продуты:
За зимою – весна.
Май черёмухой белой
И сиренью пьянит,
Их кладём мы несмело
На холодный гранит,
И с любовью и верой
В жизни память храним,
Путь их подвигом мерим –
Он ни с чем не сравним!

ЭПИЛОГ

*Есть дерево величия у нас –
России символ, украшение воли,
Оно как радость хлеба про запас
И в горемычной, и в счастливой доле.*

Берёзы белой образ несравним!
Другого не отыщешь и вовеки!
Для русского он был неоценим,
Да и сейчас он в русском человеке.

Берёза! Шелковистостью ветвей
И своей белой кожицей атласной
С годами нам становишься родней,
А жизнь с тобой надёжной и прекрасной.

На склоне, вдоль дороги, под окном,
Во поле чистом – посреди простора –
Резным листочком, маленьким звонком,
Привносишь ты отчаянность задора.

Кто запаха родного не вдыхал
Нежнейших и зелёных клейких листьев?
Любимую здесь кто не целовал?
Кто к русским себя в мыслях не причислил?

Берёза белая, березник, березняк,
Березнячок молоденький на взгорке,
Где вволю разгуляется сквозняк,
Где подберёзовик увидишь в треуголке.

Берёзовик весною соберёшь,
С любовью квас сподобится к покосу,
Присядешь под берёзоньку, споёшь –
Тебе на всём веку не будет сносу.

И в Третьяков-парке ты в строю стоишь,
Неугасимый свет свой излучаешь,
Красноречиво молча говоришь,
Что тайны приходящих постигаешь.

Не потому ль плакучей стала ты,
Что героизм с предательством узнала?
Как ствол, твои изранены мечты,
Как кровь бойцов – цветы у пьедестала.
.....

Сегодня б я, наверное, отец,
Стояла б пред тобой, держа экзамен.
Нашла роман, что написал мудрец,
Исполнила наказания – твой и мамин!

Внимала сердцем, думая о том,
Как перед сном ты мне читал о вечном:
Мне было шесть, и наполнялся дом
Любовью в нашей жизни бесконечной.

27.03.2023–03.04.2023

Поэтическая седмица

Вадим Терёхин

Александр ОРЛОВ:

ПРЕДЧУВСТВУЯ СКОРУЮ ВСТРЕЧУ

Служение стихами поэту необходимо как искренняя и горячая молитва, исцеляющая, оберегающая, взывающая к раскаянию, и это явственно просматривается на примере стихотворений поэта Вадима Терёхина. Его стихи способствуют изгнанию окаменелости и нечувствия из наших сердец, при чтении которых складывается впечатление, что они призваны вразумлять автора и читателей, обращать внимание на итоги нашей греховной жизни, словно подготавливая нас к самой главной встрече, которую каждый предчувствует ежедневно и еженощно.

* * *

Предчувствуя скорую встречу,
Шатаюсь меж улиц и звёзд,
Находишь соцветие речи,
Чей умысел явно не прост.

Ему повинешься слепо,
Повержен зловещей судьбой.
Быть может, бездонное небо
Опять поделилось с тобой.

Быть может, Оттуда явилась
Тончайшая хрупкая нить,
Тебе наказав Божью милость
На белом листе сохранить.

А может, на уровне клетки,
Чья суть первобытно чиста,
Вложили далёкие предки
Свой голос вот в эти уста.

И ночью, когда на досуге
Ты в дебри сознания проник,
Очнёшься, услышав в испуге
Повисший над джунглями крик.

И хочется дикому детству,
Ответствуя, не изменить:
Над собственным несовершенством
Угрюмо по-волчьи завывать.

* * *

Я живу, как росток от земли,
Подбираю, что миру негоже.

Делу рук моих благоволи,
Милосердный и Праведный Боже!

Сделай так, чтоб вернулся сюда
Улизнувший в бездонное небо
Добросовестный ангел труда
И принёс мне и соли и хлеба!

И в бескрайний простор вострубя,
Мне вернул все былые надежды,
Чтоб рассчитывал я на Тебя
В трудный час этой жизни, как прежде!

ВОДА

Известно, что, придя в движенье,
По всем законам естества
В системе общего снабженья
Вода безвидна и мертва.

И ждёт спасения, доколе
Не образует в трубах течь.
Вода не может жить в неволе,
Как поэтическая речь.

Она подвижница течения,
Напора, скрытого в груди.
И из любого заточенья
Всегда пробьёт себе пути.

И если посмотреть на воду,
Примерить жалкий опыт свой –
Лишь вырываясь на свободу,
Вода становится живой.

СЛОВО И МУЗЫКА

Слышишь, заводит сверчок
Песню на лире запечной.
Как бы мир не был жесток,
Слово и музыка вечны.

Мы рождены, чтоб пропасть.
Канет во мгле бесконечной
Слава, богатство и власть.
Слово и музыка вечны.

Как же нам жить на земле
Просто, неспешно, сердечно?
В мире, лежащем во зле,
Слово и музыка вечны.

Жизнь поместилась в семь нот.
Но в суете быстротечной
Всё в этом мире пройдёт.
Слово и музыка вечны.

КОЛОКОЛ

Подвигая к вечной жизни,
Как небесный, верный щит,
Охранителем Отчизны
Вещий колокол звучит.
Ищет отклика в народе.
Бьётся из последних сил.
– Громче! – попросил Мефодий.
– Звонче! – подхватил Кирилл.
Сдвинуть время и пространство
Смог славянский алфавит.
Бьётся сердце христианства –
Это небо говорит.

Это быть на всё готовым
Нам даётся благодать –
Перед самым первым Словом
За Отчизну пострадать.

* * *

Я страшусь Твоей любви.
Помяни мя добрым словом.
Господи, благослови
Быть к дарам Твоим готовым.

Дай святую благодать,
Беспристрастие и волю
Чистым сердцем принимать
Мне ниспосланную долю,

Мужества перенести
Дар небесный Серафима
И пройти Твои пути,
Кои неисповедимы.

* * *

Обрати внимание, прохожий,
Не на помрачение в народе,
А на то, что вечен образ Божий
В каждом первом встречном пешеходе.
Даже если он заочник ада,
Ученик его кругов и петель,
Пожалеть обиженного надо,
Ибо в нём остался горный пепел.
И в тебе, прохожий, вечен тоже
Свет, что неуклюже и нелепо
Бьёт тихонько из-под тонкой кожи
И обратно просится на небо.

* * *

Время привязано к числам.
Только сойдёшь за порог,
Крепко таинственным смыслом
Держит тебя поводок.

Вмиг улетят восвояси,
Только его оброни,
Сбросив телесные связи,
Семикрылатые дни.

Каждый найдённый в капусте,
Взятый в едином числе,
Маленький колышек грусти,
Вбитый на этой земле.

* * *

Не думая о каждом часе
Невольно прожитого дня,
В безудержном однообразье
Уходит время от меня.
Но разгоняет жизни морок
Дитя, рождённое на свет.
Последний раз мне будет сорок,
Ну, то есть сорок девять лет.
И если стоит жить на свете
Не для стяжания венцов,
Нам радость – бабочки и дети
И звон прощальных бубенцов.
Нам радость – данная свобода,
Господь, творящий естество.
И честь достойного ухода
Под сень могущества Его.

Рижские берега

Каспарс Димитерс

Каспарс Димитерс – латвийский поэт, бард и общественный деятель. Родился в 1957 году в Риге в актёрской семье Виш-Елизаветы Артмане (1929–2008), народной артистки СССР, и Артура Димитерса (1915–1986). Артмане приняла православие в 1998 году с именем Елизавета. Каспарс Димитерс в 1986 году принял православие под именем Елисей. Автор либретто к рок-опере З. Лиепиньша «Собор Парижской Богоматери». В 2000 году Зигмарс Лиепиньш написал по либретто К. Димитерса оперу «Роза и кровь», а затем – мюзикл «Вождь».

Димитерс, являясь противником гомосексуализма и его пропаганды, выступал против проведения гей-парадов в Риге. С 2022 года пишет песни на русском языке и в течение года выпустил четыре своих альбома на русском: «Я латыш, украинец и русский», «Война за детские души», «Я вас люблю», «Внимание, внимание, говорит война!». Это тоже форма его протеста против несправедливого отношения к русским в Латвии, что дало толчок к тому, чтобы писать песни и на русском. Как песенник, воспитан русскими бардами Юрием Визбором, Александром Галичем, Владимиром Высоцким, Александром Башлачёвым и др.

ДА, Я ЛАТЫШ. РУССКИЙ Я ПО СОСТОЯНИЮ ДУШИ

Спектакль начинается.
В зале свет туши.
Русский не народность ведь,
А состояние души.

Не были и русскими
Многие цари.
Русский не народность ведь,
А состояние души.

Виссарионович – кто он?
Подумай, не спеши.
Русский не народность ведь,
А состояние души.

Френкель Ян евреем был,
Не русским был, скажи?
Русский не народность ведь,
А состояние души.

Попробуй с Окуджавы ты
Всю русскость соскреби.
Русский не народность ведь,
А состояние души.

Слушая Высоцкого,
Я русский по уши.
Русский не народность ведь,
А состояние души.

Не Америкой рождён –
Для них мы все тут вши.
Да, я латыш, но русский я
По состоянию души.

За Русь врага бить на смерть шли
Якуты, чувашаи.
Русский не народность ведь,
А состояние души.

Была Русь и империя,
Была Русь и Союз,
Спасала всех победами
От смертельных уз.

К родным своим я латышам
С любовью отношусь,
Но родина моей души
Христом Святая Русь.

Латыш родной, святой Иоанн,
Молитвой всех круши,
Кто ложью хочет разрушить
Ядро моей души.

Спектакль начинается.
В мире тьму туши.
Святая Русь – синоним лишь
Простой святой души.

Я ЛАТЫШ,
УКРАИНЕЦ И РУССКИЙ

Я родился в Союзе, где жили
В мире русский, украинец, латыш...
Но торжественно нас раздружили,
И теперь мы государство – мышь.

Нам талдычат фюрера́ в законе,
Что осквернять Победу – это честь
И что сосед с вождём на троне
Только ненависть заслужил и месть.

Всех стравили из бывшего Союза
И дружбу обратили в гнев.
И этот гнев с детсада до вуза
Всем песням тут главный припев.

Всю историю сплошь исказили,
О правде по-новому врут.
Рассорили славян, чтоб забыли –
Скифы вечны, и Пушкин – всем тут.

Сам Запад в тюрьме народов
Загоняет все страны подряд.
Под власть лютых клоуноводов
И Украину превратили в ад.

Но не все по приказу скачут
И не мрут от всё новых зараз.
Сосульками все заплачут,
Когда отключат русский газ.

Есть две только стороны света –
Новый Запад и вечный Восток.
Свобода – в Божьих заветах.
Победа – где Правды поток.

Я родился в Союзе, где возможен
Был мир всем народам страны.
Победить в войне этой сможем,
Если все вместе мы.

Припев:

Я латыш, украинец и русский...
Пусть всегда будет солнце и мы.
Пусть вместе победим мы под солнцем –
Под солнцем Христовой любви.

ПАСХАЛЬНОЕ ЧУДО В СОБОРЕ ДОНЕЦКА

Пока «Христос Воскресе» пели,
В собор снаряды прилетели.
Для бесов праздник – взрыв ракет.
Их идол – смерть, но смерти нет.

Был ранен дьяк, читаю в прессе.
За то, что пел «Христос Воскресе».
Взрыв на заре – пасхальный Свет.
Нет страха смерти – смерти нет!

На Пасху чудо всем явило –
И никого там не убило.
Невидимый бронезилет
У каждого, и смерти нет.

В соборе ангелы и люди.
Поцелуй-прилёт – привет от Иуды.
Но с опозданием привет:
Христос Воскрес – и смерти нет!

Припев:

Взрыв на заре – пасхальный Свет.
Нет страха смерти – смерти нет!
Молюсь я с куличом в корзинке
За женщину на Крытом рынке.
На смерть её Христа ответ:
С тобой Воскрес Я! Смерти нет!

НЕ НУЖЕН НАМ ЧУЖОЙ КОРАБЛЬ!

От Заката приплыл к нам корабль
С табличкой «Разврат и Комфорт»,
На палубе дикого счастья
Жить чужим себе стало как спорт.

Дурь полными ртами хлебали,
Поверив, что жизнь – карусель,
Что совесть – искусственный космос
И счастья синоним – похмель.

Долго мы так загорали
В лучах Заката и тьмы.
Ядерный матерный синтез
Дал душу татам разнести.

Вдруг залпом вошло Солнце Правды,
И увидели весь мы свой срам.
Со скоростью Божьего Света
Возвращаться рассудок стал к нам.

Поздно, конечно, что поздно,
Но с Богом нам не опоздать.
Не опоздал Он взойти на Голгофу,
Не опоздал и со смерти восстать.

Долго мы так загорали
В лучах Заката и тьмы.
Ядерный матерный синтез
Дал душу татам разнести.

Поздно, конечно, что поздно,
Но с Богом нам не опоздать.

Не опоздал Он взойти на Голгофу,
Не опоздал и со смерти восстать.

Привет:

Хоругви до Неба и сабли.
До самого Бога Мечта.
Не нужны нам чужие корабли¹ –
С небес к нам «Аврора» сошла.

ОТВЕТ ОТЦА-НЕГРАЖДАНИНА ДОЧКЕ-ГРАЖДАНКЕ

Дочь:

«Милая моя, родная мать,
От нас вам с папой скоро уезжать.
Латышский знают дети, знаю я.
Но вам пора, пока не строят лагеря».

Отец:

«Пусть гонят, дочь. Твой дед за Ригу пал,
А он латышского совсем не знал.
Но я, дочь, знаю, могу я и читать...
Но не угрозы боясь, экзамен мне сдавать.

Тут не Европа, дочь, – нацизма остров тут.
И о правах людей тут лицемерно врут.
Как немцам жид, тут русский тридцать лет.
Прав, равных всем, тут не было и нет.

Негражданам всем “негр” тут ярлык.
Разве для ненависти им родной язык –
Язык всех тех, “Алёшу” кто свалил.
Я русский, дочка, – стар, но не дебил.

За День Победы был я с мамой рад.
Но титульным тут праздник гей-парад.
Свободно даст нам нацязык не знать,
Если решим мы с мамой пол менять.

Тут свой своим, кто свингер или квир.
Друзьям Содома СМИ доступны и эфир.
Кто к русским ненависть готов тут подтвердить,
С кривым латышским сможет лихо жить.

Фамилий русских тут менять – барыш,
Был русским ты, стал суррогат латыш.
Таким и титульных надежда превозмочь –
Построить гетто для родных, помочь.

Не плачу я, и, мама, ты не плачь.
Наш Бог велик – всех недугов он врач.
Не даст Он все гимны Богу петь –
Попустит ненависть с лица земли стереть.

Сгорел Содом, потоп накрыл весь мир.
И вот – война. Не долг всех бесов пир.
Кто прав, кто нет, пусть Бог решает Сам.
Жену свою в обиду я не дам.

Пусть внук и внучка терпит – ты им мать.
Но не позволь их тупо унижать.
В стране великих золотистых шпрот
Треть населенья может гнать лишь идиот.

Бог дал понять, что та сильна лишь рать,
Где друг за друга жизнь готов отдать.
Ста тысячам умноженным на три
Тут тридцать лет внушали: вы враги.

С мозгами кто, поразмышляй, латыш.
Что будет, если треть всю разозлишь.
Плечом к плечу в родной нам всем стране
Надежда выжить в ядерной зиме».

Привет:

Насильно латышом стать, значит сердцу врать.
Совесть не дадим мы с мамой распинать.

ВЕЧНОСТЬ СТОИТ НА МЕСТЕ

*Посвящается моей матери
актрисе Вие-Елизавете Артмане*

Нет узоров твоих
в искусственном дигитале.
Нет и вихря от нимбов
над душами в зале.
Нет и золота ресниц
твоих с выключенною тьмою.
Не смыть с экрана тьму –
но за ней ты и я мою.

Твои пуговицы в ларчике,
напёрсток от мамы.
Твоя шпулька, мерезжки,
куклы-мотанки дамы.
Лишь осталась пыльца,
как живая, и пчёлы...
Всех одетых они жалят,
до костей кто мы голы.

Негде нам деться,
преследуют всюду –
за грибами, мечтами
видно робота-Иуду.
Им всего тебя надо –
и сверканья, и мига,
тишину твою, радость,
до помутнения сдвига.

¹ У них «корабли», а у нас «кораблі».

У реки моего детства
от старого моста сваи
песчаным генералам
подражали, как попугаи.
Теперь хворостинник без людей –
только вера.
Ни одного орнитолога,
ни одного пионера.

Всё исчезает,
всего перемutilили.
Окурок хабариком звали в детстве –
так жили.
Ты особой была,
хоть сироткой и бедной.
Наше детство пьянящей была,
но не вредной.

Хипстеры в шарфах,
как в петлях модерна.
Твоё детство не опоганила
их вялая скверна.
Я старый полковник
с повесткой в Райком.
Но Рай в густом тумане,
наперекор ползу тайком.

Утром шёл снег –
прямо с неба, как божий.
Я оставил свой след в нём,
на твой не похожий.
Забавно казалось –
пять пальцев у одной ноги.
Я вечно удивляюсь –
как ребёнок и как ты.

Нам лгали про глобус.
Земля ведь как шляпа
И смерть как рождение,
чтобы рядом был папа.
Стою у порога –
за ним ты вся и в злате.
Второе пришествие
за последней зарплатой.

Твои пуговицы в ларчике,
напёрсток от мамы.
Твоя шпулька, мережки,
куклы-мотанки дамы.
Остались лишь крошки
от старой веры и мы.
Перед концом света
наступит конец тьмы.

Привет:

Зори те самые,
и раньше которые снились.
Но все отрекаются,
все допотопно прельстились.
Всё же так просто –
все мы в божественном жесте.
Любовь бесконечна, земля не вертится
и вечность стоит на месте.

Я ВАС ЛЮБЛЮ!

«Я вас люблю!» –
Папа крыльями всех нас обнял.
До поры всё земное распял.
Всех помазал слезами.

Если приду,
То с Победой, с Победой в наш дом.
О другом всё давайте потом...
Если буду я с вами.

Так нам не жить.
Спят в подвалах народа река.
Темноводье, как мрака щека –
Ни зари, ни заката.

Тёмная ночь.
Ночь из звёзд нам соткала шинель.
Жизнь и смерть – близнецы вдруг и цель –
Окружили лучами.

Забыли любить.
Суэта съела всех до костей.
Вместо мира не дивись злых гостей
И прилётов от брата.

Плачет и дочь.
Сын, жена провожает отца.
Конь надежд ждёт Победы гонца.
Храмы крестят крестами.

«Я вас люблю!» –
Папа крыльями всех нас обнял.
До поры всё земное распял.
Всех помазал слезами.

Если приду,
То с Победой, с Победой в наш дом.
О другом всё давайте потом,
Если буду я с вами.

Привет:

Пусть и страшна, страшна, страшна,
Всё равно смерть для воина одна, лишь одна.
Как и жизнь, что за други своя отдать,
Нам одна всем дана, всем дана нам одна.

Рижские берега

Ираида Кельмелене

Ираида Кельмелене – родилась в 1952 году (Рига, Латвия). Образование среднее техническое. Автор двух поэтических сборников. В 2004–2017 годах печаталась в газете «Latvijas dzelzceļnieks». Имеет публикации в сборнике «Творчество железнодорожников», в альбоме «Жизнь и творчество Валентина Пикуля», в журналах «Берега» (Россия, № 4 (28)-2018, № 6 (36)-2019, № 1 (43)-2021, № 4 (50)-2022), «Настоящее время» (Латвия, № 5 (51), 6 (52)-2019), статьи и поэзия печатались в журнале «Корни» (Рига). Лауреат журнала «Берега» (Россия, 2021). Лауреат Международного литературного фестиваля «Балтийский Гамаюн» (2022). Член Пушкинского общества Латвии и общества Кришьяниса Барона. Координатор Творческого объединения «Созвездие» (Рига). Член МАПП.

ПЕРЕВЁРНУТЫЙ МИР

События последних лет
Сбивают с толку.
Сегодня жив, а завтра нет.
Часы на полку.

Стал тесен мир, и за окном
То дождь, то выюга.
На деньги заменён кумир,
Предавший друга.

Из чащи вышел дикий зверь:
Знаменье свыше?
Сравнились обликом, поверь,
И крик не слышен.

Порука слабых на «коне».
Счета открыты.
Что делать нам: тебе и мне,
Коль карты биты?

Не повернутся реки вспять,
Закон природы.
Чтоб с головы на ноги встать,
Уходят годы.

Последний в смех, а первый в плач,
Но право дело.
Пока не призовет палач
На плаху тело.

А на миру и смерть красна.
Все знают это.
А дальше... В мир придёт Весна
И будет Лето!

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

Дорожите дружбой, дорожите.
Что отдашь, вернётся во сто крат.
Не стесняйтесь чувств и не таите –
Светлым чувствам каждый будет рад.

По весне особенно, как в детстве,
Радость жизни льётся через край.
В мире много происходит бедствий,
Только в сердце, искрой, Божий рай.

Не злорадствуйте, когда погибнет враг.
Он наказан. Бог ему судья.
Разделяет нас тумана полог,
Тропок много, но одна стезя,

Что ведёт к единому порогу,
За которым всем держать ответ.
Дорожите дружбой, внемля Богу,
Раскрывая свой душевный свет.

* * *

Листая Пушкина заветные страницы,
Родную речь, как говор родника,
Вбираем в душу. Мысли, словно птицы,
В Михайловское мчат издалека.
Как жить хотел, как он влюблялся страстно!
Умел дружить, не требуя похвал.
Достоин представлялся перед властью,
И перед ним немел любой нахал.
Он честь не уронил и не склонился
Пред ложью и наветом злой толпы.
Шагнул в бессмертие и примирился
Перед величием Божьей доброты.

АРОМАТ ЛЮБВИ

Над морем догорал закат.
Шептали волны: «Вечер, вечер...»
Закутав шёлком шали плечи,
Любви хранила аромат.

Шептали волны: «Вечер, вечер...» –
И догорела Та свеча.
И тёмный локон у плеча
С надеждой доверялся встрече.

Закутав шёлком шали плечи,
Я вспоминала облик твой,
Душевный бередя покой.
Пусть говорят, что время лечит.

Любви хранила аромат,
Невольно согревая сердце
За накрепко закрытой дверцей,
И ты ни в чём не виноват.

Над морем догорал закат...

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Весна щебечет радостью мгновения,
Благоволит рождению нежных светлых чувств.
Взволнованного сердца откровения
Хочу услышать из твоих любимых уст.

Закружит голову сумятицею мысли,
И встреча невпопад на вираже крутом,
А капельки дождя на веточках повисли,
И солнце по-хозяйски мой освещает дом.

Прощу бессонницу и выйду утром рано,
Услышу пенье птиц и закружусь смеясь.
Закроется в душе моя былая рана,
Изменится навек былая ипостась.

Мир обновляется. Я с ним шагаю в ногу,
С душой распахнутой всем четырём ветрам.
И жаркий солнца луч покажет мне дорогу,
Забыв о возрасте, войду в весенний храм.

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ ПОЛЯНА

Мы однажды спозаранку,
Развернув в душе тальянку,
Побежали по росе,
По душистой полосе.

На простор лесной поляны
У озёрных синих вод.
Там глазастые ромашки
С ветром встали в хоровод.

Колокольчики звенели,
Где под ласковым листком
Угощение краснобоко
Встречи жаждет с кузовком.

Нас лесной народ приветил,
Даже шмель не заворчал.
Был твой взгляд влюблён и светел,
Как начало всех начал.

Солнце, ветер, травы пряны,
Губ смеющихся искус.
Завещал ты мне навечно
Помнить земляники вкус.

* * *

Жаркий август, гимны гроз,
Радуга в саду под вечер...
Жёлтых прядей у берёз
Насчитал проказник ветер.

Урожая Спас настал:
Яблоки, малина с мёдом.
Кто гордиться не устал
Даровитым огородом?

Кто под вечер у костра
Тронет струн гитары ладной?
Не погаснет та искра,
Что спасает мир отрадней.

Знаю я такой народ.
Чтить традиции не внове.
Свой не предавая род,
Держится на Честном Слове.

* * *

Жёлтые листья – осенние письма,
Лета прошедшего быть.
Кружатся наши надежды, события
И превращаются в пыль.

В звёздную пыль. Мне так хочется верить,
Что не уйдут без следа
Радости встреч и мгновенья потери...
Всё, чем мы жили тогда.

Солнце, дожди, восхищенье закатом,
Твой поцелуй поутру.
Листьев шуршанье по крыше покатоЙ –
Я их в букет собираю.

И, улыбаясь, невольно узнаю
Чей-то заветный секрет.
Свой расскажу. По узорному краю
Звёздам отправлю привет.

Где-то на подступах дальних столетий
Яркой, цветущей весной
Всё повторится, что было на свете
С нами, с тобой и со мной.

Всё повторится. А ныне уж скоро
Землю укроет снежок.
Жёлтые листья – осенние письма –
Разворошил сапожок.

ВСТРЕЧА

Вот так встреча! Свела непогода.
Может, в гости зайдёшь ненадолго?
Я живу в этом доме полгода...
Да, тружусь, дорогая, как пчёлка.

Проходи, проходи, не стесняйся.
Я тебя даже еле узнала.
Поседела. Да, как ни старайся,
Старость молодость обогнала.

За окном дождик пляшет по лужам...
Мы так редко друг друга встречаем.
Извини, не готовила ужин:
Я сейчас напою тебя чаем.

Вот печенье, конфеты, и только.
Да, одна, но ничуть не жалею.
Сколько лет мы не виделись, сколько?
Впору спрашивать вслух ворожею.

А когда-то близки были очень,
Поверяли друг другу секреты.
Помнишь, летом сбежали в Сочи
И пытались курить сигареты.

А потом танцплощадка, влюблённость,
И скрещение судеб исчезло...
Есть достаток и определённости,
И печаль тоже в душу пролезла.

Что ещё можем вспомнить, подруга?
Говоришь, что его нет на свете,
Что сошёл раньше времени с круга
И серьёзно никто не приветил.

Помнишь, мы вчетвером плыли в лодке,
На стремнину попали случайно.
А потом даже выпили водки,
Повзрослеть всё пытались отчаянно.

Это было не с нами, наверно,
Мне не верится, и тебе тоже?
Дождь прошёл, и не так уже скверно...
Ты уходишь? Ну что же... Ну что же...

ЛЮБОВЬ

Простых три слова – я тебя люблю –
Изменяют жизнь, и станут ярче краски.
Звучанье слов подобно соловью
И воплощенью сна из дивной сказки.

Где все красивы и душой добры,
Где даже дождь как благодать земная.
Уходят все невзгоды до поры,
Пока ты любишь, счастье познавая.

Любовь границ не ведаёт, она
Веками осеняет жизнь земную.
Бокал хрустальный терпкого вина
Её венчает, вечно молодую.

И даже если вдруг не повезёт,
С любовью всё преодолеть возможно.
Она и там, за гранью, призовет
Любить и верить. Разве это сложно?

Всего три слова – я тебя люблю –
Изменяют жизнь – и навсегда, возможно.

Рижские берега

Марианна Озолия

Марианна Озолия из плеяды тех поэтов, кто маяком для себя считает философское наследие семьи Рерихов, способное пробудить веру в высокие идеалы, стремление наполнить жизнь искренними проявлениями любви, преданности, стойкости духа на пути, устремлённом к Истине и Красоте. Духовные ориентиры её определяются и деятельностью в качестве руководителя Латвийского отделения Международного центра Рерихов.

После получения диплома Латвийского государственного университета по специальности «библиограф» несколько лет работала библиотекарем в Латвийской национальной библиотеке, затем была директором детского кинотеатра «Пионерис» в Риге, сделав его популярным среди детей и взрослых.

Почти 40 лет своей жизни отдала службе в церкви Святого Петра в качестве директора этого уникального памятника архитектуры XIII века, разрушенного гитлеровцами. После восстановления церковь стала культурным центром Риги.

Автор 13 поэтических сборников. География их обширна: от Прибалтики до Дальнего Востока; Чехия, Венгрия, Болгария, а также Англия, Финляндия, Германия, Италия, Индия, США.

Немало её стихотворений вдохновили читателей на создание музыкальных произведений – от бардовских песен до классического жанра; сегодня рождаются тематические видеоролики на слова поэта, наполненные силой духа и жизнеутверждения.

На протяжении многих лет сотрудничает с журналом Международного центра Рерихов «Культура и время», с петербургским научно-просветительским журналом «Педагогика Культуры».

Долгие годы была членом Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП), лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

ПОЭТОВ МУЖЕСТВО В ВЕКАХ...

Известно, что в цепи веков
Поэты погибали, как на поле боя,
За смелость стихотворных строф
О правде знаний, о святых и героях...

Сквозь тьму Средневековья пронесли они
Светильники духовные, дорогу освещая...
И возжигали новые огни,
Из глубины невежества спасая.

В награду – пули настигали,
Костры горели, ожидала плаха...
Всё это светоносцы сознавали,
Но Луч Божественный
несли без страха.

Поэты снова с мужеством сердец
Единою лучистою когортой
Спасают всё, что даровал Творец,
Сражаясь на разрыв аорты...

Нет бывших, настоящих,
будущих поэтов!..
Они вне времени духовная семья,
Их общий луч – служенье Свету...
Ждёт пламенных стихов усталая Земля!..

* * *

На верность Культуре
экзамен сдаём...
Один за другим
в ополченье встаём
И, спаяны братским
сердечным огнём,
От яростной алчности
щит создаём.

Стоим на дозоре
и ночью и днём –
Святых Культуры
свои стережём...
На происки тьмы
факел Духа зажжём,

Чтоб детям и внукам
планетный наш дом
Священным приютом
являлся потом...

Пред Богом Самим
мы экзамен сдаём!..

* * *

Не сожаление, и не сомнение,
и не уныние –
Но только путь
по зову Красоты
Да будет главным!
И отныне
Растить мы станем
Красоты цветы...
Пусть неудачу
Красота покроет,
Призывным станет
знаменем в бою,
И Храм Священный
Красота построит,
И всех спасёт,
кто на краю...

* * *

Как первый день и как последний
Уметь бы каждый день прожить,
Земную жизнь и жизнь Вселенной
Как дар божественный ценить!..
Жизнь не отложишь – для запаса
Нам не отпущен и денёк.
Не ведаем ни дня, ни часа...
Мгновенье – Вечности урок.

* * *

Как из тумана, выплывают лица,
Давно забытые... И новой встречи час
Нам словно помогает пробудиться,
Зачем-то с прошлым сталкивая нас.
Мы в жизнь друг друга входим и выходим,
Насечкой в судьбах оставляя след;
То ищем, то теряем, то находим,
То познаём возвратности секрет...
Все наши расставания – как свечи,
Потушенные то добром, то злом...
А в неизвестности нас ожидают встречи
И с другом, и с любимым, и с врагом...

* * *

Кто улыбкою жизнь встречает,
Кто с улыбкой детей пеленает,
Кто с улыбкой проблемы решает,
Чья улыбка, как луч мудреца,

Тот, как солнце, всё согревает,
Тот улыбкою зло побеждает,
Тот великую тайну знает,
Что улыбка – радость Творца.

* * *

Можно ли любить наполовину,
Иль порядочным наполовину быть?
Можно ли в суровую годину
Половинчато Отечеству служить?

Пусть рука дающая не дрогнет,
Ну а сердце будет щедрым до конца!..
Свет сердечный – главный свет в дороге,
Это искра самого Творца...

* * *

Совести звонят колокола –
Время отчитаться за дела,
Время отчитаться за пути,
По которым выпало идти;

Время отчитаться за детей
И за нами выбранных друзей;
Время человечность измерять,
Время за ошибки отвечать,

И за бой, который жизнь вела,
И за сбой, который жизнь дала,
И за наш посев добра и зла.
Совести гудят колокола...

СО ШПАГОЙ И ПЕРОМ...

Л. В. Шапошниковой

Бессменно день за днём
Со шпагой и пером
За истину
Приходится сражаться...
И значит, жизнь свою
Мы отдаём огню,
Чтобы могли от нас
Другие загораться,

Дабы бойцовский дух
В сраженье не потух
И на жестокость боя
Мужества хватило,
А Зов Учителей
Впитал сердечный слух
И до победы дотянуть
Достало силы...

РОССИИ

Я шлю тебе,
моя Россия,
Любовь и
пламенный привет!
Настали
времена такие:
Ты терпишь
много разных бед.
Корысть и ханжество
кружатся
Вокруг тебя,
как вороньё,
И злобствуют,
и не стыдятся,
И претендуют
на твоё...
Жестокий век –
планета стонет.
Свой Крест, родная,
донеси!
То вороньё
судьба догонит...
А ты
огней не погаси,
Борись –
и станешь на планете
Ты краше всех
и всех мудрей.
И восхитятся
будущие дети
Величием
красы твоей.

БЕРЕГИТЕ РОССИЮ!

В русском сердце есть тайный такой уголок,
Где любви негасимый горит огонёк...
В этом пламени – наша с Россией связь,
Пуповина, что временем не рвалась...

Беды делим с Россией и ночью и днём
И сердечным её окружаем щитом.
Счастья нам не видать без любимой земли,
Где цветы поколений веками цвели.

С нею крест мы несём – тяжелей его нет...
В обновленье России оставляем свой след,
В зове предков пророческий слышим завет:
«Берегите Россию! В ней – Спасенье и Свет!»

КРИСТАЛЛ ЛЮБВИ

Кристалл любви,
освобождённый
От бремени
мирских страстей,
Горит,
сияньем обрамлённый,
В возвышенных сердцах
людей.

Он миру, словно солнце,
светит,
Без зова
входит в каждый дом,
Чтоб тех,
кто рабской спутан сетью,
Спасать
целительным огнём...

Трудна
дорога очищенья
От заблуждений
многих лет,
Которая ведёт
к прозренью
И в сердце
зажигает свет...

Кто из слепых
иллюзий вышел,
Познав
огней Любви дыханье,
Тот голос Истины
услышал
И Зов просторов
Мирозданья...

Берега Янтарного края

Ли́дия Довыде́нко

ФОТОТВОРЕНИЯ ВАЛЕНТИНЫ АРХИПОВСКОЙ

Фотограф **Валентина Архиповская** принадлежит к числу самых известных современных художников Калининградской области. Её стихия – морские пейзажи, природа, человек и море, объединение идей четырёх элементов: земли, воды, воздуха и огня.

Любимое место снимков Валентины Архиповской – Балтийская коса, нежные краски которой так трепетны на узкой полосе земли между небом и водой залива и моря. Косу очень любит художница, снимает море и залив, удивительное небо над ними, пенные волны в грозы и ураганы, и после них россыпи янтаря на берегу, романтические паруса яхт в заливе, белоснежных лебедей и грустные развалины старой крепости. Половину моих книг украшают фотографии Валентины, знаменита фотография Балтийского берега на обложке известного журнала «Берега».

Высокая трудоспособность и преданность своему делу позволяют фотохудожнику мастерски проявить себя в отображении атмосферы храма, его убранства, в одухотворённых портретах священников и прихожан, сосредоточенных на молитвенном стоянии и вечных словах Православия, звучащих перед иконостасом, с клироса храма.

Своими работами Валентина Архиповская обогатила музеи, школы, библиотеки. Любовь и тонкое восприятие окружающего мира являются определяющими чертами фотографа. Невероятное увлечение фотографией наполняет мастера романтикой и непревзойдённым по силе передачи фототворением.

Валентина Архиповская любит Балтийское море, любит его в любое время года, его хризолитового цвета глубину, оправленную в жемчужно-молочные пенные гребешки волн; его золотистые пляжи с поющим песком, его штормовые дары солнечного янтаря, голубые колючки, влюблённые в горячие пески, малиновые цветы шиповника, источающего лёгкий розовый аромат всё лето и до поздней осени.

По этой ссылке <https://rtraveler.ru/community/user/234813/> можно посмотреть великолепные фото Балтийского моря Валентины Архиповской. Она не боится буйных ветров и ураганов, и поистине, я не знаю фотографа, который лучше, чем она, снимает штормовое море так волшебно-чарующе, с острокрылыми чайками над бушующими водами под тёмным небом, таким богатым красками.

Её сюжеты обрастают подробностями художественного бытия, понятного и интересного современному зрителю, становясь захватывающим приключением для него и в то же время глубоким раздумьем, чувством открытия неожиданного ракурса, впитывания в себя Мироздания как духовного и художественного пути.

Берег Балтийской косы

Буря на Балтийском море

Шторм на Балтийской косе

Причал

Ловец янтаря

Парусная регата в современном Балтийске

Балтийская коса

Берега Амура

Александр Герасимов

Александр Владимирович Герасимов – прозаик, драматург. Родился в 1955 году в таёжном Приамурье, на Дальнем Востоке работал учителем, редактором газет и телевидения, генеральным директором государственной телерадиовещательной компании «Амур», трижды избирали председателем Амурской областной организации Союза журналистов России. С 2011 года живёт в Калининграде. Рассказы публиковались в России, Австралии, Германии, Канаде, Чехии. Член редакционных коллегий литературных журналов «Берега» (Калининград, Россия), «День и ночь» (Красноярск, Россия), EDITA (Вестфалия, ФРГ). Награждён орденом преподобного Сергия Радонежского Русской православной церкви, заслуженный работник культуры РФ. В 2022 году книгу рассказов Александра Герасимова «СОПРИКОСНОВЕНИЕ. О России с любовью» космонавт Герой России Олег Артемьев брал в экспедицию на Международную космическую станцию, экземпляр, побывавший на орбите, передан в Московский музей космонавтики.

ВСПОМИНАНИЯ ПРИЗРАЧНЫХ ДОЖДЕЙ

Тук! – жёлудь упал, стукнулся оземь, подпрыгнул и замер, как затаился. Тук! – ещё один, рифлёная шапочка отлетела, а сам гладкий желудёнок покатился, покатился и затих. Тук-тук! – ещё упали, – дуб высокий, широченный...

Приветливые дни бабьего лета минули, дожди наладились. В пору прозрачных дождей хорошо в старом парке гулять под зонтом, задумчиво улыбаться и истории вспоминать.

Расскажу-ка вам о встрече со знаменитым писателем, что мемуары о себе назвал «Бодался телёнок с дубом».

Июнь девяносто четвёртого. Благовещенск, родной город на Амуре, я – руководитель областного телевидения. Приземистое, но с псевдоготическими сводами здание железнодорожного вокзала. Больше обычного милиции и узнаваемых «незаметных товарищей». Здесь же – люди разных возрастов, у многих в руках книжки, в пышной гриве хорошо намытых волос – начинающий бард с гитарой, – публика не похожа на суетных пассажиров и тех, что примчались к поезду встретить родню. В стороне от толпы – без тени эмоций одинокий поэт. В начальственном уединении, в сопровождении группы услужливых граждан, на краю перрона – глава областной администрации. С ним знаком накоротке, ещё недавно тот был главным геологом области. Здороваюсь, заговариваю о погоде. Хорошая погода. Интересуюсь, что мой собеседник читал из писателя, которого встречаем. Глава морщит свой невеликий «украинский» нос, мол, «зэковской литературой не интересуюсь». Но подошёл поезд, гость встретил радушно и нужные слова говорил.

Правда, искренность тоже была. Когда писатель через привокзальную площадь проходил к машине, в ноги ему бросился сухопарый старик, пытался поцеловать руку. Гость отпрянул, должно, принял за городского сумасшедшего. Про этого человека на закатной заре советской власти я делал очерк для Центрального телевидения, – несколько раз Москва показывала. Пятнадцатилетним мальчишкой в сорок пятом был маслёнщиком на пароходе, за опоздание на работу репрессирован, прошёл Свободненские лагеря, – в зиму дети из его барака по ночам замерзали насмерть, иногда десятками. Возможно, мои земляки – люди старшего поколения – помнят старика, не раз его видели, это он зимами в майке и полосатой вязаной шапочке, с чугунной гантелей в руках бегал по набережной и по улице Ленина, плавал среди льдин на соревнованиях «моржей», становился даже чемпионом мира по заплывам в ледяной воде. Писателя старик почитал за святого.

Машина с гостем протиснулась через людское скопище, автографы на приготовленные книжки зрители не получили, только взлохмаченному барду удалось по рукам через головы передать сложенный тетрадный листок стихотворного текста, посвящённого приезду знаменитости, – отчего был изумлённо растерян и безумно рад. А поэт со спокойной печалью в глазах так и остался одиноко стоять в стороне.

Незатейливого чиновничьего фарса не только в нынешней управляемой, но и в прежней разгульной демократии хватало. Кортёж отправился на показательную погранзаставу, в школу пригородного благополучного села – маршрут, отработанный для начальственных персон многими годами ещё при прежних властях.

В нашем городе захотелось гостю посетить соседний берег Амура, попросил сопровождавший отца младший сын, китаевед. Срочно формируют тургруппу для безвизовой поездки. Удалось вклиниться в плотные ряды чиновников в качестве телеоператора. А надо сказать, что телевизионным освещением того исторического проезда писателя по России занималась польская телевизионная группа. У поляков был эксклюзив, нас предупредили, что никто из местных и даже столичных телевизионщиков не имеет права подходить к классику с микрофоном и задавать вопросы. А если кто-то заговорит, то и сам будет иметь неприятности, и гостя подведёт. Снимать со стороны можно, разговаривать – нельзя.

Раннее утро следующего дня. Гравийный берег Амура. Деревянный трап на гулкую баржу, к ней причален – покачивается белый речной трамвай. Два десятка зевак с новенькими, нечитанными, из магазина, томами писателя – «блатные» – просочились сквозь охраняемую зону досмотра. Ждём гостя. Настроение – огорчённое. Поднявшись затемно, битый час искал дома ценную для меня книжку – «Новый мир» шестьдесят второго года с первой повестью писателя. Тогда журнал выходил в знакомой всем голубой обложке, но – твёрдой. Никогда ни у кого не брал автографа, а тут – решился, а книжку не нашёл.

Прибыл классик, покладисто подписал все протянутые книги – подставляли по несколько экземпляров – на подарки знакомым, начальству и впрок. Теплоход отшвартовывается, берёт курс в сторону Китая. Наш гость с любопытством смотрит в иллюминатор. Включаю полупрофессиональную камеру, прижимаю к щеке. Засланные в группу церберы насторожились, но, разглядев дешёвую телекамеру и не обнаружив в моих руках микрофона, расслабились. Подхожу поближе к писателю и вполголоса с ним заговариваю. В камере встроенный микрофон. Классик отвечает на мои вопросы, произносит какие-то ностальгические фразы, расчувствовавшись, начинает говорить чуть громче, с волнительной скороговоркой и... Крепкие ребята жёстко берут меня под локти и отводят в сторону: «Вы грубо нарушили эксклюзивные права, в поездке по России никто не имеет право...», и так далее, с нешуточными угрозами. «Но мы же не в России, в нейтральных водах, вот уже и к Китаю подплыли», – я пытаюсь уберечь видеокамеру и неуклюже вывести ситуацию на юмор. А тут и сын писателя за меня вступился. У работника моей компании, переводчика-гэбэшника, он только что занял юани на покупку чая, при этом оба довольно долго и обстоятельно выясняли и подсчитывали на бумаге курсы обмена долларов и рублей на экзотическую валюту.

Потом была экскурсия по тогда ещё захолустному городку Поднебесной. У сопровождавшего русскоговорящего китайца спросил, знают ли, кто приехал. – «Какой-то ваш писатель, лауреат Нобелевской премии». Обедали в новом, но уже умызганном ресторанчике. Накрыли нам два круглых стола. За одним – почётные гости и сановитые чиновники во главе с тогдашним представителем правителя Руси. Тот, хоть и был косноязычен, пытался тамадить. Зачем-то похвастал, что все его боятся, что хватка у него бульдожья. Можно было и поверить. (Коренастый, широколицый, с оловянными глазами и узкой щелью рта в рядах загнутых внутрь зубов, свою должность представитель понимал в написании сигналов и наветов на всех, но, несмотря на эпистолярные заботы, по-моему, даже «Буратино» в детстве не читал.) За моим, вторым столом – чиновники и сопровождение второсортные. Выпивали, произносили какие-то дежурные, не очень уклюжие здравицы. Гость тоже принял несколько крошечных рюмочек шибко ароматной китайской водки, раскраснелся. Из застольных разговоров я понял, что все «наши», кроме моего переводчика, писателя не читали. Попросил дать слово, хотелось вырулить ситуацию. Точно не вспомню, что говорил, но заметил: гость оживился, на меня смотрел с интересом, улыбался, потом с учительской, как мне показалось, интонацией, спросил: «А что прочитали из мною написанного?» Я перечислил, оказалось, что прочёл практически всё,

что у нас выходило. Обед закончился, вышли на крыльцо под красные шары болтавшихся по ветру шёлковых фонарей. Все присутствующие захотели пройтись по магазинам, кроме главного гостя: «Мне бы где-нибудь поработать. В тишине на свежем воздухе». Я предложил проехать к набережной Амура, взялся проводить. Соотечественники и гости, рвавшиеся на шопинг, препоручить писателя в мои руки согласились с радостным облегчением. Нас подвезли к летне-зелёному парку, я провёл гостя по лесенке на вершину рукотворной каменистой горки, в уютную беседку из деревянных колонн с золотисто-красными драконами и парящей крышей пагоды. Писатель расстегнул кожаную «офицерскую» планшетку, достал карандаш. По глазам понял – утомился, хочет отдохнуть. Дабы не мешать, спустился в тихую аллею, охраняя покой гостя со стороны.

А ночью был спутниковый перегон отснятого материала в Москву. В далёкой аппаратной не поверили, что удалось записать интервью, долго переспрашивали: кто был корреспондентом, телеоператором, звукооператором съёмок, не могли понять, что сделал это один человек. Обещали прислать щедрый гонорар. Мои кадры поездки знаменитого писателя в Китай показали по всем федеральным телеканалам и даже в новостях мировых телевизионных компаний. Ни копейки гонорара я, естественно, не получил.

Такие вот картинки воспоминаний прозрачных призрачных дождей. Как увидел, так вам и рассказал.

МОЙ ДРУГ КОЛЯ

– Ну, живи долго и счастливо и умри в один день!

Такую здравицу выдаёт за столом старый друг в честь моего прихода в гости.

– Дурак! – отвечаю.

– Ну, извини.

Зачем я обиделся? По сути, ничего плохого он мне не пожелал. Жить надо долго и по возможности счастливо. А если умирать, то желательно без нудных мучений. Всё равно дурак и шутки у него...

Сколько знаю человека, а к его юмору привыкнуть не могу. У него нет Интернета, его голова не забита пулемётными лентами чужих шуток. Мобильного телефона тоже нет, и никогда не было. Но компьютер есть, – пылится на столе рядом с постоянно бубнящим телевизором. За этим столом, поставив на него принесённый мною «гостинец», мы и расположились.

Не виделись давно, и торопиться некуда, потому прошу друга открыть комп, чтобы неспешно почитать его рассказы. Необременительное чтение застолью не помешает.

Он хорошо пишет. Какие щемящие сердце очерки писал о судьбах, покорёженных войной и репрессиями... Когда-то мне казалось, что у него даже сочинённая за десять минут заметка для серой малотиражной газеты – образец изящной словесности и тонкой стилистики. Ему бы книги писать.

Но мой друг ленив. Пишет короткие рассказы только в канун очередного Нового года, когда газеты объявляют конкурсы на лучшую рождественскую историю. И всякий раз получает главные призы. Именно так за последние три года в доме появились телевизор, два ковра и набор слесарных инструментов.

В его ироничных и смешных рассказах один герой – Петрович, добродушный увалень, попадающий в совершенно невероятные житейские ситуации. «Петрович и ЦК КПСС», «Петрович и очки», «Петрович – фанат науки», «Петрович – воздушный заяц»... Два-три десятка этих новелл он вполне мог бы объединить в одну хорошую повесть. А мог бы написать роман-автобиографию из собственных весёлых приключений и грустных злоключений. Даже сочинять художественные небылицы не пришлось бы.

И пока он сам не написал о себе, сидя в гостях у друга, читая рассказы о неунывающем Петровиче, расскажу о нём я. Сейчас даже разрешение у него попрошу:

– А вот, ежели я про тебя когда-нибудь что-либо напишу, как тебя в рассказе называть – под псевдонимом или настоящей фамилией?

– Называй меня – Колей. Просто: мой друг Коля. Персонаж. Типичный представитель обманутого поколения.

Пусть будет так.

Выпускник отделения русского языка и литературы пединститута, поработавший сельским учителем, корреспондентом газет, инженером по пропаганде городского общепита, главным редактором телевидения, пресс-секретарём главы областной администрации (недолго, в те времена, когда не было мобильных телефонов) и ещё бог весть кем, всё и не упомяну, – вот уже третий день Коля трудится дворником. Несмотря на богатый послужной список своих «резюме», работу по мало-мальски творческой специальности найти не может. На службу принимают молодые работодатели, и берут они молодых.

На прежних работах он не раз имел проблемы из-за своей интеллигентской доверчивости и простодушного отношения к спиртному. Выпивал Коля, может, и не чаще и не больше многих, но нет у него инстинкта самосохранения. Подставляли и коллеги-собутыльники, желавшие прогнуться перед начальством, чтобы ехидно самоутвердиться. Конечно, виноват сам.

Он всегда всё понимал и понимает. Но даже оценивая ещё не совершённые вопреки логике и здравому смыслу поступки и проступки, видя лежащие под ногами грабли, – наступал на них. Может, надеялся, что случится исключение, что пронесёт? И в очередной раз получал черенком по лбу, а вдогонку – оглоблей по спине. Странно всё это. Идеализм, чистой воды идеализм, не совместимый с нашим советским и постсоветским расчётливым и циничным материализмом.

При Горбачёве Коля стал первой на моей памяти жертвой перестройки. В самый бум антиалкогольной кампании, когда бдительные церберы вырезали из фильмов, объявленных в телеэфир, все «пьяные» сцены, он работал на телевидении. Почему-то именно Коле поручили подготовить репортаж с заседания аграрного партхозактива. В передовом районном центре области перед ударниками коммунистического труда, парторганами и руководителями сельхозпредприятий с призывами ускориться и перестроиться выступил второй секретарь обкома партии. После более чем эмоционального монолога с трибуны, сойдя в зал, он подошёл к присутствовавшим журналистам. Демократично дыша стойким перегаром, сокровенно признался: «Я, как только пить бросил, сразу перестроился. И вам, товарищи, советую». Для журналистов второй секретарь был почти своим, поскольку ещё недавно работал редактором районной газеты. В те времена на капустниках он потешно пародировал популярных тогда эстрадных персонажей – Авдотью Никитичну и Веронику Маврикиевну. Повязывал платочек, взбивал чёлку, высовывал язык, оттопыривал и поджимал губы.

Коля по-свойски, но очень вежливо попросил бывшего коллегу помощи в приобретении бутылки водки, крайне необходимой для протирки оптики телевизионной кинокамеры. Главный идеолог обкома партии понимающе кивнул, подозвал пальцем председателя местного райисполкома и потребовал оказать содействие ребятам с телевидения. По выписанной тут же записке Коля приобрёл в местном виноводочном (на полках которого ничего алкосодержащего не было) бутылку с зелёной этикеткой «Ликёр Лимонный». Использовать липкий напиток для протирки видеоискателя и объектива по определению было невозможно.

В расчёте на трёх человек съёмочной группы (корреспондент, кинооператор и шофёр) вечернее застолье получилось довольно скромным. Но настроение было хорошее, прикрывшись тощенькой дверью гостиничного номера, телевизионные ребята весело выпили, громко поговорили, лениво поиграли в карты и тихо заснули. А уже утром следующего дня в обкоме партии лежал донос об аморальном поведении журналиста областного телевидения. И хотя, по мнению пострадавшего, выпивку санкционировало и благословило партийное руководство, – разбираться не стали. В «трудовую книжку» вписали: «уволен за поступок, не совместимый...»

После этой записки Коля не смог устроиться даже плотником в студенческое общежитие медучилища, о свободе нравов обитательниц которого ходили легенды. «Вы что?! – не очень трезвая дама с перепачканной помадой беломориной, комендант «весёлой» общаги, чуть не поперхнулась праведным гневом. – У вас аморалка?! А у нас советское социалистическое общежитие! Мы не допустим!»

Зато взяли искусствоведом в областные художественные мастерские. Ни рисовать, ни лепить из глины Коля не умел, но свой вклад в развитие местного искусства внёс.

В первый же рабочий день худсовет мастерских принимал работу старенького и уважаемого скульптора, изображавшую в гипсе партизана времён Гражданской войны. Монумент предназначался для небольшого села, потому не отличался циклопическими размерами. Комиссия одобрительно кивала, рассматривая выкрашенного серебрянкой партизана, и только Коля вдруг задумчиво произнёс: «Вам не кажется, коллеги, что правая рука воина, держащая саблю, вдвое длиннее левой руки? При росте

героя в метр пятьдесят сантиметров это немного заметно...» Руку после консилиума вполтину отпилили, саблю вклеили в культю.

Мастера изобразительной культуры научили Колю на отжимных валиках стиральной машинки печатать талончики на водку. (На закате развитого социализма и мыло, сигареты, сахар, колбасу, крупу, макароны продавали по талонам.) При попытках купить пшеничный напиток на личноизданные купоны Коля имел неприятности.

В искусствоведах продержался недолго. Поведение его посчитали слишком раскрепощённым даже среди свободных (в основном в желании выпить с утра) художников. При встрече со мной, по привычке заняв на пиво, Коля заявил, что встал на путь окончательного исправления, не пьёт и хотел бы, как многие истинные интеллигенты, пойти в дворники. Мечтает подметать площадь у памятника Ленину напротив обкома, а туда берут только партийных и морально устойчивых.

Мечты сбываются – дворником всё-таки стал. Третий день как. Сейчас признался, что пока стесняется – люди узнают. Зато некоторым прохожим вежливые замечания делал. Не по поводу брошенных окурков, а чтобы матом не ругались, ведь женщины и дети могут услышать...

Что-то не о том я рассказываю, не о самом главном. Может, вспомнить, как в девяностые Коля вёл телевизионные передачи прямого эфира? Входил в студию, садился к роялю, начинал играть и пел песни собственного сочинения, потом здоровался, рассказывал о каких-то новостях, разговаривал с приглашёнными собеседниками и вновь садился к роялю. Есть люди, которые до сих пор помнят интеллигентные и по-хорошему провинциальные Колины передачи. Это они через двадцать лет узнают его на улице с метлою в руках.

Свой рассказ и параллельное прочтение Колиных новелл вынужден временно прервать.

...В комнату входит вернувшаяся из похода по магазинам Колина мама:

– Здравствуйте, Александр. – Это ко мне. – Ох-ох, Николай, почему даже яичницу для гостя не поджарил? Видите?! – Это снова ко мне. – Никакой нет у человека самостоятельности. Ох-ох!

Колиной маме за восемьдесят, но года не берут, та же стать, голос и интонации строгой учительницы. Какое-то дежавю. Мой товарищ даже рванулся было спрятать от материнских глаз стоящий на столе «гостинец», но понял, что поздно. Как будто мы не в две тысячи одиннадцатом, а в студенческом тысяча девятьсот семьдесят четвёртом. В том году мы познакомились и подружились.

...Мы попали в одну палатку. Тогда все студенты были обязаны месяц-полтора отработать на колхозных полях, копать грязную картошку с морковкой, рубить гнилую капусту либо неделями мокнуть под стылými осенними дождями, надеясь, что корнеплоды и овощи без посторонней шефской помощи благополучно раскиснут и ничего убирать не придётся. В нашей палатке поселилась весёлая сборная из десяти студентов второго и третьего курсов истфила. Я придумал текст гимна неунывающей команды, а Коля, мой новый знакомый, подобрал под него гитарные аккорды. По утрам все обитатели палатки строились перед флагштоком на подъём собственного полотнища – на белой наволочке каждый либо расписался, либо оставил след вымазанной краской пятерни или ступни. По вечерам мы торжественно спускали флаг, жгли костры, пели гитарные песни, а иногда – пили вино. У нас была взрослая и почти самостоятельная жизнь.

Как тут не подружиться? Тем более что Коля был в ту пору знаменитым. Его и ещё двоих студентов-литераторов несколько месяцев полоскали на всех институтских собраниях. Ортодоксы от комсомола требовали исключить «отщепенцев и злопыхателей» из института, либералы от профсоюзов предлагали этих же, «заблудившихся, но социально не опасных» студентов – отличников учёбы, взять на поруки. Всё потому, что троица умников сочинила литературный журнал, издав его рукописно в одном экземпляре. Кроме безобидных студенческих «проб пера» в журнале был иронический «Манифест квакулистов», нового литературного течения, призванного своим «кваканьем» разбудить некое болото, и колонка юмора, в ней Коля смешно описал студенческую первомайскую демонстрацию в виде крестного хода семинаристов. Журнал не был подпольным, его даже отнесли для ознакомления в факультетский комитет комсомола. Тут-то всё и началось. Все истфиловские комсомольские активисты мужского пола мечтали после окончания института попасть на службу в КГБ. Потому журнал они тут же передали в руки гэбэшного куратора – старшего лейтенанта. А тот, желая стать капитаном, страстно жаждал найти среди нас пособников иностранных шпионов и настоящих советских диссидентов. Представился карьерный шанс и комсомольцам, и чекисту. Советский Союз вполне прожил бы без многих диссидентов – узников совести, если бы не карьеристы

из госбезопасности, – сколько безумной фантазии и злого коварства проявили они ради звёздочек на погонах. Но из Коли и его товарищей врагов народа почему-то не сделали, – как сейчас понимаю, вмешался кто-то из «взрослых», – угрожающе-назидательная и дидактично-душеспасительная буря неожиданно прекратилась, как-то по-тихому ребятам просто объявили выговоры. И хорошо: один из бывших «подельников» через несколько лет стал сначала директором школы, а потом – сыщиком, полковником, легендой уголовного розыска, второй – питерским журналистом.

Мы оба оказались книголюбями. Неплохо ориентируясь в известных поэтах, чуть менее в прозаиках, из разговоров с Колей я понял, что прочёл не так уж много, даже мало. Сделал наивное открытие: литература безмерна, как Мировой океан. Впоследствии многих авторов я осваивал по Колиной рекомендации. Не нужно было объяснять и разжёвывать достоинства произведений: если друг говорил, что книжка интересная, я знал – определённо понравится и мне. Авторы были самые разные, в том числе не признанный в ту пору классиком Андрей Платонов. «Его не печатали, дворником работал», – сообщил Коля. Потом и я подсказывал другу, что можно читать, получая удовольствие от хорошей книги. Литературных дискуссий не устраивали. Бывало, собравшись, могли просто задумчиво помолчать. У меня в жизни больше не было друзей, с кем можно было вот так без напряжений посидеть молча.

Конечно, как тогда было принято, мы бражничали – сначала скрытно от своих мам, поженившись, – с оглядкой на жён. Увлечение Бахусом не было безмерным. Одно лето пили вино «по-гречески»: разводили арабское красное, с пирамидами и сфинксом на этикетке, водой из-под крана. Выбор этого сухого вина объяснялся вовсе не гурманством, а отсутствием иного напитка. Как-то, идя навстречу пожеланиям любящих женщин («У вас одно на уме!»), мы стали покупать для посиделок только сладкие газировки – «Буратино» и «Тархун».

Женат он был трижды, его семейные истории как-то не сложились...

...Извините, вновь прерву рассказ, поскольку Коля делится со мной маленькими радостями и нешуточными перспективами своей новой профессии:

– Дворником работать хорошо. Доходная профессия. Я в первый же день пятьдесят рублей нашёл. А коллега с соседнего участка то мобильник найдёт, то золотое колечко, то очки. Опять-таки свежий воздух. Вот если бы и в феврале снега не было. Какой январь был хороший, ни разу снег не выпал! Жаль, я дворником в январе не был. А что? Подружусь с завхозом Клавой, она выделит три участка, где убирать поменьше. Клава с первого дня глазки строит.

– Симпатичная?

– Да ничего так. С лица воду не пить. Немножко очень толстая. И что? Выбора нет, не на ярмарке. Ты читай, читай.

Протираю очки. На чём я остановился?

...Не раз был свидетелем, как в Колю влюблялись женщины. Возможно, и не так много их было – он никогда не был завзятым ловеласом и хитрым сердцеedom. Но разновозрастные барышни и дамы доверчиво влюблялись. Может, женщины таяли, когда жёлтыми прокуренными пальцами Коля брэнчал по растрёпанным струнам фанерной гитары и чуть картавым голосом пел свои и чужие песни? Глупости. Может, проникались умными разговорами об интересных книгах? Это увлекательно, но не на каждый день. Но мне почему-то казалось, что не друзьям и приятелям, а именно женщинам становилась понятной и по-настоящему открывалась Колина душа. Или они из какого-то упрямства просто пытались эту душу понять? Смотрел и удивлялся. Даже сочувствовал умным-неразумным женщинам. Видел не раз: когда очередная «половинка» уже совсем по-матерински почти прирученного и домашнего Колю пыталась потуже спеленать, – случался разрыв. Бросив всё, Коля исчезал.

...Нет, он определённо слышит, о чём я вам, мой читатель, рассказываю. Потому что вдруг вспоминает одну из своих избранниц. Эту женщину мы с женой познакомили с Колей из искренних и благих намерений: организовали встречу двух хороших, но одиноких людей. Коля говорит задумчиво, как будто и не мне, а себе самому:

– Умная. Заботливая. Утром брюки поглажены, на стуле висят. Завтрак приготовлен. Четыре с половиной года прожили. Когда уходил – не отпускала меня. За пальцы держала. Видишь, два пальца криво срослись. Вместо обручального кольца такая память.

– А зачем уходил?

– Хотелось выпить сто граммов. Не отпускала. Такие вот нешекспировские страсти. В данном случае «нешекспировские» – пишется слитно.

– Хорошо, Коля, напишу слитно. А она о тебе до сих пор вспоминает.

– Жалко...

– Дурак ты!

Замечаю, как у Коли чуть вытянулась и даже вывернулась нижняя губа. Такое у него всегда бывает, когда выпьет. А может, от обиды?

Коля поднимается и выходит из прокуренной комнаты на кухню. В открытую дверь бесшумно является его отец. Ему девяносто девять, фигурой и обликом, как и сын, только ещё более сутулый и худой. Чистая, застёгнутая на все пуговицы рубаха с длинными рукавами, аккуратные брюки с кожаным ремнём – выправка военная, почти парадная, если бы не домашние тапочки.

Я встаю. Старик протягивает для рукопожатия плоскую прозрачную ладонь, внимательно, как показалось – насмешливо, смотрит мне в глаза, говорит спокойно:

– Что есть жизнь? И что человек в ней? Кто кем управляет? Жизнь человеком или человек жизнью?

От неожиданности я согласно киваю головой. Но с чем я согласился? Разве я знаю ответы?

Старик неотрывно смотрит в мои глаза, и уже не усмешку я вижу, а понимающую улыбку:

– Старый друг – лучше новых двух...

В этих тихо сказанных словах мне послышалось не утверждение, а вопрос.

– Да, – так же тихо отвечаю я, – Коля друг. Лучший...

В комнату возвращается Коля, берёт отца за плечи: «Папа, пойдём, здесь накурено», – уводит.

Старый друг...

А ещё в нашей дружбе были:

Светлые баллады Булата Окуджавы и Александра Дольского, которые мы пели под гитару.

Рыбалка в холодную ночь на берегу реки, когда по «Маяку» мы услышали: «Сегодня в Москве умер Владимир Высоцкий».

Совместный поход на просмотр «Покаяния» какого-то Тенгиза Абуладзе, когда половина зрителей покинула кинозал не досмотрев. Мы тихо, пряча глаза, вышли после сеанса с оставшимися. Почему, разве то покаяние нашего поколения?

Было многое и ещё что-то самое главное, то, чего никак не могу вспомнить.

А если и не было самого главного? Если всё дело в простой наивной иронии, в схожем мировосприятии? А ирония – есть смесь природного чувства юмора и собственных умственных сомнений. Сам не понял, что сказал. Сейчас уточню для уверенности:

– Коля, словарь Ожегова у тебя найдётся?

– Зачем? – Нижняя губа моего друга ещё более вытягивается. – Я без Ожегова на всё отвечу.

– Не сомневаюсь. Но хочу словарь проверить.

Затрёпанная толстая книга под рукой. Не торопясь листаю: жэ, зэ, и... интеллигенция... инфантилизм... Нашёл! «Ирония – тонкая скрытая насмешка». Надеюсь, вы убедились, что я прав? (Пример самоиронии.)

Слышу, слышу, мой умный читатель, как вы вежливо покашливаете. Считаете, что персонажу, образу друга, недостаёт выразительности и цельности. Какой-то изюминки не хватает, чтобы всё заиграло и сцепилось. Согласен. Не получается у меня типичный представитель поколения. Хорошо, мой добрый читатель, не нервничайте, высказывайтесь.

– Спасибо. Я-то спокоен. Вижу, рассказа у вас осталось на полстранички. А в тексте нет, не проступает сильной мысли о смысле бытия, о месте и роли таких людей и этого конкретного. Или о том, что их породило. Отдельные сцены, детали, высказывания – любопытны. Но этого мало.

– Это оттого, что и себе такие вопросы боюсь задавать. Не знаю, как на них ответить. Должно, пока и сам не понял я загадочного смысла бытия.

...Мы сидим в квартире Колиных родителей за столом в узкой «детской» комнате. Старое пианино, древний платяной шкаф и потёртый диван – всё это ещё из юности.

Заканчиваю читать Колины рассказы, комментирую вслух их стилистику, на что мой друг отшучивается. Разговаривая со мной, он успевает слушать новости из бубнящего телевизора. Бу-бу. Опять упал наш ракетоноситель. Бу-бу-бу. Через полгода в очередной раз повысят... Бу-бу-бу, бу-бу-бу.

Сменяя друг друга, мелькают представители тандема. Первый по-сыновьи пугает генералов, второй по-отечески радуется пенсионеров.

Коля вздыхает:

- Ну вот, опять мы впереди планеты, позади прогресса.
- Колька, – смеюсь я, – пиши рассказы, гад!
- И напишу. К Новому году.

За окном начало февраля. До Нового года всего-то одиннадцать месяцев...

И вдруг пыльный угрюмый город запорошило снегом, люди облегчённо вдохнули морозный воздух, им показалось, что жизнь стала налаживаться, можно с чистого листа начать её заново, всё плохое и некрасивое ушло навсегда, накрылось белой пеленою, сердца исполнились ожиданием праздника и счастья. Все стали детьми. Даже старики.

Было холодно, но бродячие собаки хвосты не поджимали, бегали по мягкому опрятному ново-снежью и оставляли дорожки босых лап.

Благовещенск. Февраль, 2011 г.

СИНЯЯ ПТИЦА

Смотреть в окно интересно. Особенно зимою. Прижмёшь губы к заиндевелому в сказочных пальмах стеклу, продуешь тёпленьким лунку, потом пальцем прогреешь-расширишь. Вот и прозрачное окошечко, а за ним наша черёмуха, а на ней наша кормушка для птиц.

Так давно, а как вчера. Телевизор не в каждом доме, и только вечером показывал художественные фильмы и строгих дикторов. Днём дети смотрели в окна. Сколько было птиц! В наш тихий двор они прилетали из самых дальних лесов. Летом многих никогда не видел. Порывистые юркие синички разных окрасок и размеров: белощёкие желтобокие – большие (имя такое), серенькие пухленькие – гачки, синенькие – лазоревки, беленькие крохотные ангелочки – длиннохвостые. Поползни шумливые, ловкие как обезьянки, сновали туда-сюда по стволу, больше всего им нравилось висеть и бегать вниз головой. Пунцовые снегири, подобные новогодним ёлочным шарам, рассаживались степенно повернувшись к нам покрасоваться, даже не из любопытства, суета воробушков и синичек на кормушке их не интересовала.

А ещё прилетала голубая сорока. Удивительно красивая птица! Головка в блестящей чёрной шапочке, оперение дымчатое розоватое, а длинные перья хвоста и крыльев яркие голубые – на солнце сверкают... И кажется мне сегодня, это Синяя Птица Счастья, неуловимая, из сказки Метерлинка.

Она настоящая. Она за Байкалом, в моём Приамурье.

КРАСНЫЕ ЯГОДКИ

Иннокентию Герасимову

Помнишь, когда ты был маленьким, ещё не разговаривал, но уже научился ходить, летом в выходные на большой белой машине мы часто ездили за город, где у тихой речки Безымянки прижимался к сопке деревянный дом, двухэтажный, с балконами. Рядом с домом мы стелили оранжевую циновку, ставили корзину с едой и питьём, разбрасывали привезённые игрушки. Я надувал голубой клеёнчатый бассейн и длинным шлангом наливал в него холодную воду из гудящей мотором скважины. Пока вода согревалась, мы играли на циновке, гуляли по двору. Там росли ярко-жёлтые одуванчики, они стояли на длинных ножках-трубочках и поворачивали головки к солнцу. Отцветая, одуванчики не вянули, сникая, сжимались в бутоны, а потом случалось чудо: они вновь распускались, превращаясь в пушистые белоснежные шарики. Мы их осторожно срывали, на изломе трубочек выступал млечный сок. Мы дули на круглые шапочки одуванчиков и наблюдали, как круговерть белых с маленькими семенами парашютиков поднимается в воздух. Когда пушинки попадали мне в лицо, ты громко смеялся, потому что я морщился и тёр нос.

Однажды я взял тебя на руки, и мы стали подниматься на сопку. Я с опаской ступал по промытым дождями узластым корням, ты сидел высоко-высоко на шее, в восторге и страхе цепко держался за мой лоб, давил пальчиками на глаза.

И вот мы в солнечном лесу. Млеют золотые сосны, и весь лес замер в янтарных бликах. Перед нами тропинка, мягкая и тихая. По ней можно идти босиком. Даже твоими маленькими ножками. Сквозь тёплый ковёр опавшей хвои выглядывают осторожные тёмные маслята, и нежные сыроежки – жёлтые, розовые, фиолетовые – рассыпались повсюду. Звенит из приникшей травы стрёкот кузнечиков, при нашем приближении они таятся, умолкают, потом веером выпрыгивают из-под самых ног, с треском расправляют дрожащие с алым огненным подбоем крылья и летят далеко-далеко, дугою. Сначала ты пугаешься, потом смеёшься, пытаешься кузнечиков поймать, да разве за ними угонишься... Вот ты заметил огромного чёрного муравья, с изумлением смотришь на его невозмутимый бег, поднимаешь с земли щепочку, преграждаешь ею дорогу. Муравей, миг проскочив препятствие, взбирается на маленькую ручку и кусает тебя за пальчик, согнувшись в злой жёсткий комок. Здесь уже пугаюсь я. Слава богу, что мама и бабушка не видели! Стряхнув обидчика, мы продолжаем поход. Ты не плачешь, и мне кажется, что ты почувствовал в случившейся драме мою вину. Твои большие глаза потемнели, розовые, прозрачные на солнце ушки стали пунцовыми. Но горе твоё пока недолгое.

Как хорошо нам идти по сказочной жёлтой тропинке! Крошечная ладошка маленького человека в ладони большого и сильного. Мир для тебя наполнен новыми звуками, яркими красками, неизвестными запахами. К благоуханиям нагретой смолы и хвои, медовых цветов, к влажному запаху грибов тихими волнами приплывает аромат лесной земляники, но ягод не видеть, – прячутся где-то.

– А пойдём искать сладкие ягодки, – предлагаю я.

Ты удивлённо смотришь мне в глаза. Ты всё понимаешь и ответить можешь взглядом.

Мы выходим к солнечной полянке и идём на земляничный дух. Приседаем на корточки, раздвигаем покрытые мелким лёгким пушком тёмно-зелёные листья, изнанка их серебристо-сизая, а под ними на тонких плодоножках клонятся к земле красные с золотыми крапинками ягодки. Их было немного, но как они пахли! Сердинки сорванных ягод нежные, розовато-белые. Встречались и ягодки бледные, твёрдые, ещё неспелые, такие мы не рвали. А были и тёмные, мягкие, уже перезревшие, от них твои пальчики, губы, щёки и кончик носа стали вишнёвыми. Ох, и наругают же нас домашние за поедание немойтой ягоды, да разве удержишься тут.

Попирав, мы возвращаемся. Нас уже потеряли. В маленьком кулачке ты держишь три ягодки, ты нёс их очень бережно. Раскрыл ладошку, угощаешь маму и бабушку, и почему-то меня, – ягодки помялись и протекли рубиновым соком. Твоя мама, моя дочь, смотрит на меня укоризненно и сердито, а бабушка, моя жена, вовсе не ругается, – добрый мальчик, – говорит улыбаясь, а в глазах её слёзы.

А потом ты весело плескался в нагретом на солнце надувном бассейне.

Ты вырастешь большим, умным, сильным и добрым и когда-нибудь это вспомнишь. Хочу, чтобы вспомнил. Тёплый маленький бассейн, красные ягодки, белоснежные шапочки отцветших одуванчиков: ты смеялся и дул мне в лицо их лёгкие парашютики, – когда сейчас вспоминаю я, то морщусь от щекотки нос, – правда.

АХ-АХ О ГРИБАХ...

Ольге Губаревой

Солёные грузди

О чудесных хрустящих груздочках расскажу. Как в детстве у отца увидел, так и солю, только не в бочке, не те масштабы.

Убеждён, заготовка груздей – занятие сугубо мужское.

Грузди ещё надо суметь найти, всегда прячутся под слоём опавшей листвы. Я их присутствие по запаху чую. А как увижу взрыхлённые бугорочки и срежу первый груздок, всё по кругу прочешу, – по одному не растут. И бежать дальше не тороплюсь, в том же ярусе леса обязательно найдутся и другие семейки. Хорошо искать грузди на взгорочках и по сопкам: идёшь снизу-вверх зигзагами и видишь, как выглядывают, подсматривают за тобой.

Я беру сырой груздь. Шляпки у него с ямочками в центре, а краешки с мохнатой бахромой, у молодых плотно загнуты к ножке. Молоденькие тугие, сизовато-беленькие, а подросшие – в лёгких рябушках-рыжиках. По срезанной ножке, с выступившим млечным соком, видна свежесть гриба, шибко проточенные червячками брать не стоит.

Принесённые из лесу надо очистить от прилипших листочков и хвоинок. Большие шляпы разрезать на половинки и четвертушки. Промыть проточной водой.

Потом вымачивание. Сок грибов горький. В Германии и большинстве европейских стран грузди считают несъедобными и ядовитыми. Не отсюда ли пословица: что русскому хорошо, то немцу – смерть? Много они понимают, ха-ха, попробовали бы русские грузди под свой шнапс. Нет, – под нашу!

Для вымачивания укладываем грузди вниз шляпками, заливаем чистой водой, сверху плоскую тарелку с гнётом. Часов через шесть вода помутнеет, меняем на свежую, и потом вновь. Продолжается это два-три дня. Как-то видел у таёжного пасечника: сетки с груздями, прикрытые ветками маньчжурского дуба, полоскались в чистейших струях холодного родника, – идеальный вариант!

Приступаем к засолке. Достаём грибы по одному, осматриваем, соскабливаем не понравившиеся пятнышки. Выкладываем слоем в посудину. Посыпаем крупной солью. Поверх выстилаем листья чёрной смородины, молодые дубовые, лопухи хрена, спелые зонтики укропа, зубчики чеснока. Вновь слой грибов, на него те же ароматные приправы... загружаем ёмкость доверху. Не бойтесь придавливать, грузди после вымачивания становятся эластичными, не раскрошатся. Сверху два-три слоя листьев хрена, смородины и гнёт потяжелее. Если грибов маловато, можно подложить вымоченных из следующего сбора. Грузди солятся долго – сорок дней.

Первые дни идёт брожение, – желательна деревянной шпателькой по краешкам давать выйти пузырькам газа. Когда процесс успокоится, грибы можно переложить в банки, поплотнее, чтобы не было воздушных пустот, иначе окислятся и почернеют. Все слои груздей перестелить теми же приправами, под укупорную крышку – побольше, чтобы грибы не высовывались.

Пишем на банке дату засолки, ставим в холодильник и набираемся терпения. Напоминаю: сорок дней!

А уж как откроете готовые...

Эдак вечером, к пылающему закату, к нежным ветеркам прохлады, когда стрижи всё ещё высоко пронзительно звенят, а уже и первые комарики попискивают... выйти в сад, расстелить льняную скатерть, поставить пузатенький отпотелый графинчик с осадистой рюмочкой-лафитником... и – заглавное, чтобы стояла миска с холодными, в сметане, под вилоккой увёртливыми груздочками...

Друзья уверяют, что закусывать можно и моими рассказами о грибах.

Какие грибы лучшие?

В наших лесах – белые. Всегда к ним с трепетом отношусь, а собрав, не спешу отправить на сковородку, жалко, – лучше высушить впрок. Как чудесны грибные супчики зимою! Размочив, сушёные белые можно и пожарить. Но супы таки лучше: горсточка грибов, а аромат на весь дом, даже соседи по лестничной площадке завидуют. Рецептов супов из белых не счесть, потому что всегда импровизирую, даже в борщ их кладу.

А вот что заметил, лесные белки белым и другим грибам предпочитают маслята. Возможно, оттого, что эти грибы растут в сосняках, где часто и обитают белки. Основная их еда – семена сосновых шишек. Небось, видели под кронами сосен шишки, ободранные до кочерыжек. Это белочки потрудились, откушали маслянистых зёрнышек, но большей частью где-то припрятали. Должно, вкусные. А вы знаете, что сибирские и дальневосточные кедровые орешки – не совсем кедровые? У нас растёт кедровая сосна, а кедр – в субтропиках, да в краях, где зим не бывает. Но это я отвлёкся. Об орехах как-нибудь в другой раз. Про маслята речь завёл. Не раз видел эти грибочки наколотыми на веточки, встречал и на пенёчках разложенные. Это всё белочки. Высушивают про запас, почти как я, чтобы зимою насладиться. Что-то в закрома потом снесут, а могут и на сучках оставить. Выскочит белка в морозный день из гнёздышка-дупла, снимет сушёный маслёнок, в лапках-ручках зажмёт и грызёт, жмурясь от удовольствия. Так что маслята – грибы не второсортные, белка толк знает.

Как-то собираю маслята в сосновом лесочке, ползаю на коленях по опавшей хвое и вдруг по голове меня что-то тукнуло, глянул – крепенький такой маслёнок. Глаза поднимаю: белогрудая белка надо

мною, смотрит обиженно – её добыча у меня в руках оказалась. Осторожно, чтобы не спугнуть, низал грибок на сухую ветку повыше. А потом шёл и лыбился, как дуралей, и маслята из лукошка по сучкам развешивал. Если хотите видеть белок в лесах, не жадничайте, делитесь с ними. Так можно и городских белочек подкармливать, когда грибы из лесу привезёте.

А ещё заметил – белки любят подберёзовики. Я их тоже люблю – поджаренными до румяности. О солёных уже рассказал, сейчас – о жареных грибочках. Ну, держитесь!

Грибы жарим!

Огорчаюсь, когда кто-то неправильно жарит грибы, и получаются они варёными, расплзающимися. Послушайте бывалого грибника.

Свежие грибы нельзя мыть и замачивать. Конечно, есть виды, которые из-за горечи и непривлекательного запаха советуют предварительно отваривать, но не о них речь. Благородные лесные грибы – белые, боровички, лисички, подосиновики, подберёзовики и шампиньоны (в том числе из магазина) – промывать нельзя! Иначе наполнятся излишней влагой и поплывут на сковороде. От соринки грибы достаточно очистить острым ножом.

Потом режем на ломти одной толщины. Размерами грибы разные, а так они и приготовятся одновременно и, поверьте, реально станут вкуснее.

По поводу репчатого лука в грибах даже не спорьте. Тонкую грибную ароматность жареный лук не перебьёт, сделает изысканнее – оттенит свою сладковатостью. Первым делом на среднем огне поджариваем колечки лука до красивой золотистости.

Потом сковороду с карамельным луком раскаляем на высоком огне и, секунды не медля, выкладываем грибы. Чуть прихватились – лопаточкой нежно-ласково переворачиваем на другой бочок, потом снова... ломтики должны со всех сторон зарумяниться соблазнительной корочкой, она сохранит грибные соки. Сами наши грибочки станут поджаристыми, уменьшатся размерами раза в три. Это уже момент готовности.

Солим только сейчас, раньше нельзя – вытечет сок. Снимаем сковороду с огня.

От сумасшедшего запаха голова кружится. А мы ещё посыпем грибочки свежим душистым укропчиком-м-м-м...

Всё! Пробуйте.

А я что говорил?!

Хотите в сметане? Легко! На горячую сковороду – в уже поджаренные грибы – положите две ложки жирной сметаны, доведите до кипения, грибы пропитаются нежной сливочной кислинкой. Но в сметане лучше не жарить, а запекать в духовке.

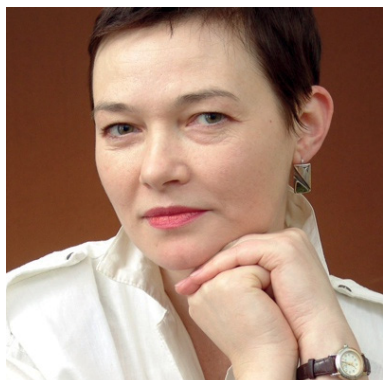
Ну а к вкуснейшим жареным грибам гарнира лучше молодой отварной картошки человечество пока ничего не придумало. Однокалиберную некрупную картошечку отварите, слейте воду, дайте минуту подсохнуть, чтобы беленьким забархатилась, потом на неё сметану – щедро так, а поверху опять-таки укропом рубленным и ещё веточками для украшения...

О головокружительных ароматах, превосходностях вкусовых ноток и оттенков наших грибов надо писать не кулинарные книги, а художественные рассказы, доверяя это только самым виртуозным мастерам слова. Попытался как смог. А что оранжевые лисички пахнут абрикосами, не успел рассказать... и как янтарные рыжики наивкуснейшими хрусткими-ядрёными засолить... На потом оставлю, даст бог – встретится ещё. Да, не вздумайте рыжики вымачивать!

Берега Амура

Елена Пастухова

Елена Ивановна Пастухова – кандидат исторических наук. Окончила исторический факультет Благовещенского государственного педагогического университета. Работала старшим редактором библиотеки РАН в Ленинграде. Вернувшись на родину, в Благовещенск-на-Амуре, почти тридцать лет работала в Амурском областном краеведческом музее им. Г. С. Новикова-Даурского, с 2002 по 2019 год – директором музея. Ведёт большую общественную краеведческую работу. Автор сотен статей по отечественной истории, уделила внимание и Антону Павловичу Чехову, некогда посетившему Амур по дороге на Сахалин.

ТАЙНЫ КЛЕОПАТРЫ

Предлагаю отметить 175-летие со дня рождения русской, советской актрисы Каратыгиной Клеопатры Александровны (1848–1934). Вы ничего не слышали о ней? Я тоже, но только до того момента, как стала всё глубже погружаться в историю путешествия Чехова на Сахалин в 1890 году. Сейчас с более пристальным интересом всматриваюсь в её оригинальную личность, вижу в ней ум, талант, глубокие душевные качества.

Роль, которую сыграла Клеопатра Каратыгина в решении Чехова отправиться на Дальний Восток, не в полной мере оценена. А ведь именно она, побывав с гастрольями на Сахалине, объехав Дальний Восток и Сибирь, впервые рассказала Чехову о каторжном острове. Их связывали близкие отношения. Чехов доверял Каратыгиной.

Английский писатель Дональд Рейфилд в своей книге «Жизнь Антона Чехова» так пишет о Каратыгиной: «Клеопатра Каратыгина, единственная женщина в жизни Чехова старше его по возрасту. Ей шёл сорок второй год (в 1889 г. Чехову – 29 лет). Она была некрасивая и необщительная. Это была самая худая и неудачливая актриса Малого театра, к тому же имевшая прозвище “Жужелица”... Клеопатра полжизни провела в Сибири, служила гувернанткой в Кяхте, и её рассказы заронили в Чехове искру интереса к этому краю».

Фраза «полжизни провела в Сибири», вызвала у меня желание подробнее узнать именно об этом периоде жизни Клеопатры Александровны.

Выяснила, что начиная с 1870 года, после вступления в брак с А. Л. Каратыгиным, провинциальным актёром, племянником знаменитых актёров В. А. и П. А. Каратыгиных, она играла в Самаре, Перми, Екатеринбурге, Ирбите, далее – в Иркутске, Верхнеудинске, Нерчинске, Хабаровске, Владивостоке и на Сахалине.

Нигде, однако, в источниках не указывается Благовещенск, что кажется странным и не вполне правдоподобным.

Будучи убеждённой в том, что Каратыгина не могла проехать мимо Благовещенска, я стала искать этому подтверждение. И вот наконец в иркутской газете «Сибирь» за 29 августа 1878 года обнаруживаю заметку о гастрольях Каратыгиной в Благовещенске, 145 лет назад, в июне 1878 года.

Предлагаю познакомиться с этой колоритной заметкой, тем более что в ней описываются нравы жителей Благовещенска в 1878 году, их настроения и отношения к спектаклям приезжих актёров.

«Благовещенск на Амуре. В начале июня (1878 г.) прибыли в наш скучный городок приезжие артисты, – жрецы театрального, магического и гимнастического искусств. Подобных представлений Благовещенск, кажется, ещё никогда не видывал от начала своего существования.

Мизерный и скучный городок наш вместо своей обычной постной физиономии принял весёлый, праздничный колорит. Монотонная, однообразная жизнь, в которой дни похожи один на другой, как две капли воды, выступила из своей колеи; всё заволновалось, зашевелилось. Против обыкновения,

вечерами мы стали выползать на бульвар, забыли карты, составляющие нашу насущную потребность, и почти ежедневно посещали балаган, окрещённый громким названием “летнего театра”, который явился как бы “по щучьему велению”, моментально.

Сценические представления особенно посещались охотно, с любовью. Всякий раз, как только на эстраде появлялись жрецы мельпомены, публика валила в театр, даже самые густые сливки общества и элегантные дамы, свысока смотревшие на другие представления, как на вульгарные, спешили занять свои места, высказывая при этом, что поддержать заезжих актёров – дело приличия.

Теперь и разговоры наши вращаются преимущественно в сфере, до этого времени нам неизвестной: театр, спектакли, игра и таланты актёров, – теперь самые ходячие темы в нашем обществе.

Отзывы и суждения об этих предметах, как и обыкновенно бывает, разноречивые. Но, не увлекаясь крайностями, можно сказать по справедливости, что в общем игра на сцене шла довольно удовлетворительно, за малым исключением, хотя, в частности, и оставалось желать многого. Репертуар был разнообразен: играли и пустые, безсодержательные водевили, с дивертисментом в заключение, ставили на сцене и комедии, и трагедии малоизвестных авторов, и пытались играть кое-что из классических творений. На однообразии репертуара нельзя было пожаловаться. Но так как приезжим актёрам г-же Каратыгиной и г. Ионову в некоторых случаях невозможно было играть по две, по три роли в одной и той же пьесе, то по необходимости приходилось им вербовать новых жрецов-дилетантов, которых найти в Благовещенске нелегко, или сокращать и переделывать пьесу, выпуская иногда целые акты. К последнему прибегали чаще, – и результатом безцеремонного отношения к пьесам, когда в них много вычёркивалось, один акт связывался с другим только механически и совсем не выяснялась внутренняя органическая связь между ними, действие представлялось совершенно *ex abrupto*, падающим как снег на голову, результатом такого отношения было то, что посетители театра никогда не выносили целостного представления о разыгрываемой пьесе, многое понимали превратно, а много и совсем не понимали.

Что же касается самой игры, выполнение актёрами известных ролей, то в большинстве случаев она шла весьма не дурно, хотя и были иногда пьесы, которые игрались плохо.

Будем надеяться, что, со счастливой руки заезжих актёров, придёт кому-нибудь в голову мысль и в длинные, скучные зимние вечера устроить любительские спектакли, тем более что уже на лицо есть несколько дилетантов-актёров, которые принимали участие в спектаклях г-жи Каратыгиной».

Какие спектакли играла в эти годы Каратыгина, какие могли смотреть благовещенцы в 1878 году? К сожалению, автор газетой заметки не уточнил театральную программу. Мы можем только предположить, опираясь на опубликованные дневники актрисы.

Вот что писала в своём дневнике Каратыгина: «Репертуар мой в те годы был самый разнообразный: серьёзные первые характерные роли Кабановой в “Грозе” или Мурзавецкой в “Волках и овцах” перемежались с партией Мефистофеля в оперетте Эрве “Фауст наизнанку” или опереттой “Все мы жаждем любви”; я пела куплеты, романсы, даже главные оперные партии, например, в “Роберте-дьяволе”, и танцевала в дивертисментах».

Но вернёмся к Чехову и его поездке на Сахалин. Именно Каратыгина, за полгода до того как об этом все заговорили, первой узнаёт о желании Чехова ехать на Сахалин. Происходит это 15 июня 1889 года. Чехов просит её никому не рассказывать, и Каратыгина хранит тайну. Она конспектирует статьи о Сибири в Публичной библиотеке и подробно описывает свой собственный опыт. Клеопатра снабдила Чехова адресами своих сибирских друзей, записала даты навигаций сибирских рек, а на день рождения подарила Чехову собственноручно сшитую дорожную подушку: «Пригодится, может быть, положить её под голову, когда будет Вас качать на пароходе». Значительно позже, в 1932-м, Каратыгина в своих воспоминаниях горько раскаивалась. Она была уверена, что «именно это путешествие по отчаянным дорогам, в распутицу, на лодках между льдинами или пешком по колена в ледяной воде, под дождём и снегом, всё это, несомненно, укукошили его». Возможно, Клеопатра Александровна была права, но мне хочется напомнить восторженные слова Чехова об Амуре: **«Описывать такие красоты, как амурские берега, я совсем не умею, пасую перед ними и признаю себя нищим. Я в Амур влюблён... И красиво, и просторно, и свободно, и тепло...»**

ОБЕДЫ БЕЛЛЕТРИСТОВ

и о том, что связывало писателя А. П. Чехова и журналиста С. В. Максимова

В 2020 году мы отметили 160-летие со дня рождения А. П. Чехова и 130-летие его путешествия на Сахалин. Я внимательно познакомилась со списком книг и статей, которыми пользовался Чехов, собираясь в поездку. Среди многочисленных изданий Чехов называет и книгу Сергея Васильевича Максимова «Сибирь и каторга» (СПб., 1871).

В 2021 году и С. В. Максимов отметил юбилей со дня рождения – 190-летие. Появилось желание объединить эти два имени: проследить, когда и при каких обстоятельствах Чехов упоминает Максимова в своём творчестве, дневниках и письмах. Сергей Васильевич Максимов (25.09.1831–03.06.1901) – этнограф, фольклорист, журналист. В 1860–1861 годах в составе экспедиции морского ведомства совершает длительное путешествие на Амур, цель которого – этнографические исследования на русском и китайском берегах Амура, изучение условий жизни переселенцев. Побывал в Японии, в Маньчжурии. Результатом путешествия стала книга «На Востоке. Поездка на Амур» (СПб., 1864).

Впервые имя Максимова Чехов называет в 1886 году в «Литературном табеле о рангах», опубликованном в журнале «Осколки». Несмотря на шутливость чеховской «литературной таблицы» (подпись – Человек без селезёнки), в ней просматриваются действительные симпатии и антипатии автора к современным литераторам. Что касается Максимова, то к нему Чехов испытывает явную симпатию и причисляет его к разряду «Коллежских советников» вместе с Сувориным, Майковым, Гаршиным, Плещеевым.

В следующем, 1887 году Чехов пишет рассказ «Встреча», где образ Кузьмы Шквореня был подсказан очерком С. В. Максимова «Два пустосвята», и в качестве эпиграфа Чехов берёт цитату из этого очерка, в котором автор описывает портрет убийцы Зыкова, гражданскую казнь которого он наблюдал в 1860-м. Встретив Зыкова в Нерчинске и поговорив с ним, Максимов делает вывод, что он безнадежно неисправим. Этот очерк появился, когда продолжалась полемика вокруг философских произведений Толстого. Обращение Чехова к очерку Максимова как бы подтверждает его собственные выводы о невозможности приложить к жизни теорию непротivления...

Особый интерес к книге Максимова «Сибирь и каторга» Чехов проявляет при подготовке к путешествию на Сахалин. 22 марта 1890 года в письме к Суворину Чехов просит прислать эту книгу. Можно даже предположить, что знакомство с самим Максимовым и его книгой в определённой степени оформили желание Чехова своими глазами увидеть Сахалинскую каторгу.

Вернувшись из путешествия и приступив к написанию книги «Остров Сахалин», Чехов 14 мая 1891 года обращается к Алексею Долженко, двоюродному брату, сыну тётки Чехова со стороны матери, с просьбой «...привезти мне из моей библиотеки книги... Максимова “Сибирь и каторга”... книги переплетены и стоят на полке...» (Чехов пишет это письмо, находясь в г. Алексин). С такой же просьбой Чехов обращается и к Суворину. Он просит прислать ему книгу Максимова, необходимую для работы над главами 1–8 книги «Остров Сахалин».

В январе 1893 года именно Чехов приглашает Максимова участвовать в «Обедах беллетристов». Впервые известие о «беллетрических обедах» появилось в журнале «Новое время» 14 января 1893 года. Заметку написал сам Чехов: «Вчера, 12 января, почти все наши беллетристы, пребывающие в Петербурге, собрались в “Мало-Ярославце”, чтобы отметить Татьянин день – годовщину старейшего из русских университетов и положить начало “беллетрическим обедам”. Обедающих было 18. В том числе: Чехов, Суворин, Немирович-Данченко, Мамин-Сибиряк и Максимов». Обеды беллетристов проводились в Петербурге с 1893 по 1901 год, и на них неизменно присутствовал Максимов.

Первый обед беллетристов, состоявшийся 12 января 1893 года, Чехов описывает в письме к сестре Марии Павловне: «Здесь весело. Вчера был Татьянин день, был обед беллетристов. Обед вышел блестящим. Кроме молодых были Григорович, Максимов, Суворин... Обед выдумал я, и теперь беллетристы будут собираться обедать ежемесячно». 16 января Чехов вновь пишет сестре письмо, в котором рассказывает о встрече с Максимовым на именинах Свободина.

Особый интерес представляет запись в дневнике, сделанная Чеховым в 1897-м. Он пишет: «Такие писатели, как Н. Л. Лесков и С. В. Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха, так как наши критики почти все евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, её духа, её форм, её юмора, совершенно непонятного для них и видящие в русском человеке ни больше, ни меньше, как скучного

инородца...» Перефразируя, можно сделать вывод, что Чехов называл Максимова писателем, знающим русскую коренную жизнь, её дух, её формы, её юмор.

В свою очередь, Максимов также относился к Чехову с уважением, несмотря на почти тридцатилетнюю разницу в возрасте. В 1899-м он подписывает Чехову свою книгу «Нечистая сила». Сейчас эта книга с дарственной надписью Максимова хранится в Таганрогском музее Чехова.

Не случайно именно кандидатуру Максимова Чехов рекомендует к избранию в члены Академии наук. В своём письме М. И. Сухомлинову, председателю Второго отделения Академии наук и учреждённого разряда изящной словесности, от 3 мая 1900 года Чехов пишет: «...к избранию в Почётные академики я имею честь предложить следующих лиц: Михайловского Н. К., Боборыкина П. Д., Спасовича В. Д., Эртеля А. И. и Максимова С. В.».

В почётные академики были избраны только С. В. Максимов и П. Д. Боборыкин. Их кандидатуры набрали две трети голосов действующих академиков.

В последний раз Чехов упоминает Максимова 10 ноября 1901 года (после смерти Максимова) в письме к П. Ф. Иорданову, городскому голове Таганрога, – просит составить и прислать список фотографий, имеющихся в библиотеке. «Я не помню, – пишет Чехов, – кого я уже послал, и теперь нахожусь в затруднительном положении». Иорданов прислал Чехову этот список фотографий. В него входило 31 имя знаменитых людей России, в том числе Толстой, Чехов, Горький и др. Чуть позднее Чехов собственноручно дополнил этот список именами Григоровича, Станиславского, Немировича и Максимова. Более того, в этой коллекции есть фотография, на которой изображены вместе Антон Павлович Чехов и Сергей Васильевич Максимов.

Итак, в течение пятнадцати лет, с 1886 по 1901 год, Чехова и Максимова связывали отношения сотрудничества и личного взаимного уважения. Уже тот факт, что, благодаря Чехову и той характеристике, которую он дал Максиму, последний был избран почётным академиком, говорит о большом вкладе С. В. Максимова в русскую литературу.

Берега Амура

Любовь Романова

Любовь Николаевна Романова – родилась в Орловской области в крестьянской семье. С 1981 года живёт в таёжном посёлке Архара Амурской области. Работала на железной дороге. Стихи пишет с детства. Победитель районных, областных, международных литературных конкурсов. Публиковалась в лиральманахах, на несколько стихотворений московские и амурские композиторы написали песни. Автор поэтических сборников «Нам без зимы в России тошно» (2017), «Судьбы моей загадочное завтра» (2023). С 2017 года является членом литературно-музыкального клуба «Вдохновение» Анны Прокураковой при Архаринской центральной библиотеке.

ВЕСНА АМУРСКАЯ

А вокруг желтеют одуванчики,
Греет солнце ласково Восток,
И весны распахнутые пальчики
Щупают зелёный листок.

Ничего с собой я не подедаю –
Дёргаю за ниточки дождя.
Улыбнулась мне ромашка белая
И в луга зовёт гулять меня,

Где болота расцветают ирисом
И манит саранок череда...
Оглашая небо громко чибисом:
«Чьи вы, чьи, зачем пришли сюда?»

И в произволе вызревали семена,
Бурьяном дружным зарастали хаты.
Валить удобно на лихие времена,
Но крик души: «Мы всё же виноваты!»

Невольны мы, прижились в городах,
Постигли жизни городской науку,
А по весне зальётся песней птах
И в сердце сотворит такую скуку!

И весточку несёт мохнатый шмель
С ромашковых лугов, где льются трели.
Опять ворчливо ластится апрель...
А песню деревень мы не допели.

ТЫКВА

Я землю люблю и проблем с ней не строю,
Сегодня опять ей свиданье устрою.
У дальней межи с ней назначена встреча,
Где тыквой пузатой участок расцветчен.
Листву ей резную морозцем прибило,
Под солнцем осенним лежит горделиво,
Причудливой формы и разной расцветки:
Оранжевой, серой, – что птицы на ветке!
И просится рифма – пиши, фантазируй...
Стихи здесь растут и питание в зиму.

МЫ НЕ ДОПЕЛИ ПЕСНЮ ДЕРЕВЕНЬ

Проходит, видно, время деревень –
Как призраки, являются из прошлого.
Когда мы пропустили этот день?
Позволили взрастать траве некошеной.

МАЛИНА ДЕТСТВА

*По рассказу
Александра Герасимова «Малина»*

Селекционная малина на прилавках
Притягивает взгляды, как магнит.
Окрас её – для глаз людских приманка,
Своим разнообразием манит.

Но не сравниться ей с малиной детства,
Чей вкус в глубинах памяти храню:
Ей под лучами надобно согреться
И вызреть непременно на корню.

Лишь озарилось утреннее небо,
Бежали мы к развалистым кустам,
И ягод спелых подавалась нега
С утра ещё не завтракавшим ртам.

А в полдень вновь манил нас запах ягод,
В зной летний – ароматный и густой...
Не замечали мы пустяшных тягот
От ранок околюченных кустов.

В вечерний час, не чуя ног в помине,
Едва комарик тонко зазвонил,
Мы вспоминали снова о малине,
Но собирать-то не было уж сил.

И мама нам в ладошках то блаженство
Протягивала с братом на двоих.
Мне не забыть тебя, малина детства!
С селекционной – не поставишь их...

* * *

Войду я в лес, как в храм природы,
Взликует трепетность души!
Ты не считай, кукушка, годы –
Себя послушаю в тиши.

В природу я волну настрою –
С ней в единении сольюсь,
Приму причастие росой
И, как умею, помолюсь.

* * *

Что ж ты плачешь, осень,
Горькими слезами,
Словно счастья просишь
Перед образами?

Платье ль износилось
Из парчи и злата?
Может быть, приснилось,
Как была богата?..

Видно, стало поздно
В жизни утвердиться,
Изумруды-слёзы
На твоих ресницах.

Словно бабье лето,
Был твой век недолог,
И туман рассветный
Опускает полог.

Я СЕГОДНЯ ТАК РИСУЮ ОСЕНЬ

Исподлобья – низкий хмурый взгляд,
На мгновение глаз печальных просинь...
В цвет асфальта мокрого наряд –
Я сегодня так рисую осень.

Неизменно всё уходит прочь,
Погружаясь медленно в нирвану,
И рыдает небо день и ночь,
Утирая слёзы тучей рваной.

Тихо плачет осени душа,
Но природа равнодушна к боли...
Я шагаю в осень не спеша,
Разделив с ней тяготы и долю.

* * *

Смыкает ночь уставшие ресницы,
И мысли, погружаясь в тишину,
Кружат, как растревоженные птицы:
Да ну её... проклятую войну!

Заложницей мелодии забытой
Опять весна шагает по земле,
Политой кровью и слезой омытой,
Она вниманья требует вдвойне:

За матерей, что лет своих остаток
В душе не снимут траурных платков,
За тех, кто никогда уже не встанет,
Не завершит всех жизненных витков...

Не зашумят сады для них и дети,
И нам за них две жизни не прожить...
Нет ничего важнее на этом свете,
Чем Родиной и жизнью дорожить.

Берега Китая

Ван Мэнжень

Ван Мэнжень – известный поэт и каллиграф в современном Китае. Родился в 1959 году в уезде Фуго, провинция Хэнань, Китай. Член Ассоциации китайских писателей, Ассоциации китайских каллиграфов, член комитета литературной федерации провинции Хэнань, пожизненный почётный президент Ассоциации каллиграфов муниципалитета Чжоукоу, профессор по совместительству педагогического колледжа Чжоукоу и иностранный академик Греческой академии литературы, искусства и науки.

Публиковался в профессиональных журналах *People's Literature*, *People's Daily*, *Poetry Periodical*, *The Star Poetry* и др. Получил звание «Выдающийся автор прозы и поэзии в современном Китае» (2007), лауреат литературных премий *Boundless Grassland* (2013 и 2015), ежегодных поэтических премий *Poetry Monthly* (2013 и 2014), премии «Небесный конь» на 11-м китайском конкурсе прозы и поэзии (2017), 4-й ежегодной премии (проза-поэзия) шаньдунских поэтов (2018), 18-й международной литературной премии Ливана, «Лучший поэт» на 6-й премии современной китайской поэзии (2020) и Международной премии Италии Мелето за поэзию (2021). Опубликовал литературные труды: «В моей скромной обители» (в 9 томах), «Письмена равнины», «Певец равнины», «Ода равнине» (китайско-английский), избранные стихотворения Ван Мэнжэня (китайско-английский) и др. Некоторые его стихотворения переведены на английский, итальянский, немецкий, французский, испанский, тамильский, японский, корейский, греческий, русский, голландский и другие языки.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ ОСЕНИ

Перевод Светланы Савицкой

Света луч без облученья нежный
Хаотичный сумрак сбросил утром.
Тьма, которой не достиг я, грешный,
Проникает ласково и мудро.

Темень опускается сгущаясь,
Сквозь осенний ветер пробегает,
Как поток легчайший и хрустальный,
Наслаждаясь вечностью, и тает.

Я плыву бессловно по течению,
В месте – где поэзии нет места.
Чтобы ощутить уединенья
Силу и движение пришествий.

Одиночество моё безмерно.
И теперь я ясно это вижу.
Там, где я, небесный цвет двухмерный
Был оставлен облакам над крышей.

Тени не реально зацепиться.
Здесь царят лишь морок с полумглою.
Чтобы этим миром насладиться,
Чтобы поддержать меня духовно.

СЛИЯНИЕ

Солидарность перед ликом стёртым
Пламенной метафоры рассветной,
На тропу родную глядя горько,
Где бредёт на север свежий ветер,

Где роса коричневая льётся
С нас, и со следов росы летящих,
Чёрно-белых букв в кайме забьётся
Лунным светом, что, как стих, бодрящий.

Человек, идущий против ветра,
Накопивший боль в душе безмерной,
Реагирует на чудеса ответно,
В двух мирах живя одновременно.

НАБЛЮДАЮЩИЙ

Обойдясь без молока парного,
Сладостью которого нам надо
Наслаждаться утром, как наградой,
Я гляжу на пастуха у дома.

Сердцу бережно цветы доверив,
На разбитый небосклон не глядя,
Поучаствовать спешу в беседе ладной
Двух кукушек о женитьбе верной.

И ручья, что ласково с разбега
До последней ночи тихо шепчет
И безостановочно щебечет,
До отягощающего снега.

Только несколько ягнят с быками,
Что поднялись на гору крутую,
Могут наблюдать за мной вживую,
Медленно. Почти под небесами.

ОКОНЧАТЕЛЬНО

Я, остановившись у разлома
Тьмы, где горы поросли травой,
Устремлю свой взгляд в сторонку дома
Долго так, со всей тоской земною.

То поэзии живая сила
Камень сердца привела в движенье.
Всем поэтам гор стихотворенье
Посвящаю темой вдохновенья.

И предамся искренне любви
С небом, темнотой, с цветком мохнатым,
И болезненно прижмусь до крови
К этим скалам, нежностью объятый.

СТЕЛЯЩИЙСЯ

Кроме майского вьюна, искусно
Стелющегося по тропке горной,
Остаётся только тьма, так густо
Всё заполонившая. И твёрдо.

Трансформируется в запустенье
Тишина, шуршащая веками.
Суть стационарного леченья –
Звуки капель о молчащий камень.

Тайны, разделяющей мгновенья
Сумерек от света и от ночи.
Крик, ошеломляющий, вселенский,
Мой, среди всех повествований прочих.

И моё спокойствие так ясно,
Когда сердце полностью разбито.
Выражение лица бесстрастно.
И терпимо к бедам пережитым.

Чувство чистое мягчайшим светом
Манит вдаль тропинкою пустынной.
Я за ночь состарился за эту
И потух, как зимний дальний иней.

НАКАПЛИВАЯСЯ

Зелень вскинула ветви.
Морось долбит по телу.
До божественных свитков
Птицам не было дела.
Без знакомой картинки,
Без знакомых историй,
Это всё, что осталось
От души отрешённой.
Пустота иль величье –
Выражение ль счастья –
У весны нет различья
Смысл её – безучастье.
Погружусь я в просторы
Временных океанов,
Лёгких нот чудотворных
Шелка гладить я стану.
Неба синего камедь
Облака нежно стелет.
Моя жёсткая память
Чтит крещенье мгновений.
И суровые годы
Твёрдой грустью запомнит.
А весною – аккорды
Заиграет объёмно.
Ведь она сотни почек
Распускает, как раньше.
Медоносных,
Весёлых,
Золотых
И кружащих!

ПРОШЛЫЕ СОБЫТИЯ

Круг студенисто-голубой
Меланхолической прохлады
Извергнет холод и покой.
Зимы сгущается отрада.
Ствол древа из земли торчит,
Что стих без красочной обложки.
Код «Тысячно одной зимы»
Одной чертою подытожив.
Пути Поэзии просты
Средь сложных социализаций.
Я мозгом изучаю льды
Лжи, правды и других субстанций.
Трава бессмысленно растёт,
Весною покрывает склоны.
Людей амбиции несёт
В мир декораций, так знакомых.
Никто не знает о пути,
Что человеку предназначен.
И нас преследуют дожди
Победы. Счастья. Неудачи.

Берега Новороссии

Андрей Новиков

Секретарь Союза писателей России, председатель Правления Липецкой региональной организации СПР.

КОМАНДИРОВКА НА СВО

С 16 по 19 июня липецкие писатели Андрей Новиков, Александр Пономарёв и Олег Шухарт совершили поездку по районам Луганской Народной Республики, недавно освобождённым в ходе Специальной военной операции. Учитывая открытую охоту украинских спецслужб на российских медийных лиц, писателям запретили информировать кого-либо о своей поездке и строго-настрого настояли, чтобы они не пользовались мобильной связью, а также вынули из телефонов сим-карты. Так как российские телефоны постоянно отслеживает ВСУ, пеленгует и обстреливает их владельцев. Собственно, всё это уже было и во время наших поездок в 2017 году по зимним дорогам Донбасса. Ничего не изменилось, только ситуация обострилась ещё больше с появлением у ВСУ передовой западной электроники.

Организовал нашу поездку липецкий информационно-аналитический журнал «Успех48», литературный журнал «Подъём» (книги и журналы), а проводником по землям Новороссии, уже свободным от ВСУ, стал коренной луганчанин, писатель и журналист, в настоящее время сотрудник журнала «Подъём» Андрей Авраменков. Эти дороги он знал с самого детства.

Раньше липчане уже совершили несколько поездок по воюющему Донбассу с гуманитарными миссиями и хорошо знали, как всё это время жили люди на нашей стороне и как выживали. Поэтому они и посчитали важным ознакомиться с жизнью на землях, только что освобождённых от украинских нацистов. С собой писатели взяли около двухсот книг и журналов, а неравнодушные жители города дополнили печатные издания упаковками муки, растительного масла, чаем, сахаром, шоколадом, домашним печеньем, батарейками и носками, с одной просьбой – обязательно передать всё это российским военным.

Литераторы заехали в ЛНР как раз со стороны освобождённых территорий, через воронежскую Кантемировку, Бугаевку и новое луганское КПП в селе Марковка. Сегодня это самый короткий путь, но он ещё закрыт даже для автобусного сообщения, автобусы всё ещё идут через Ростовскую область и КПП «Изварино». На освобождённых территориях можно заметить интенсивное обустройство новых дорог, и днём и ночью работает строительная техника.

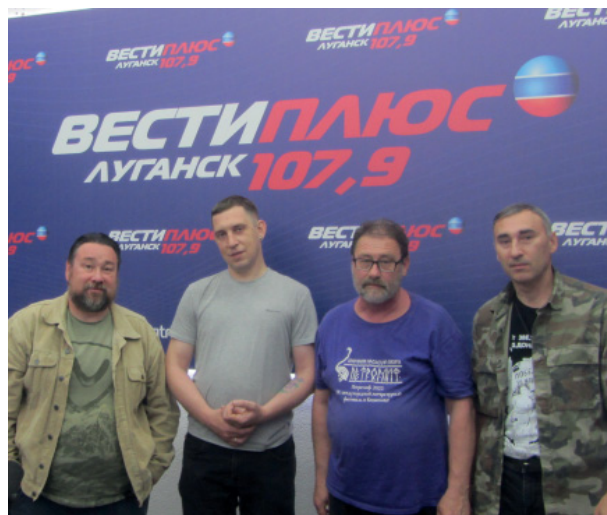
По ходу поездки писатели встретились с военными, даже повстречали солдата-земляка. Но в условиях СВО писать о военнослужащих сегодня строго запрещено, так же как делать фотографии и видеосъёмку участников операции и российской военной техники. Снимать можно только разбитую технику Украины, что липчане и делали с большим удовольствием, благо таковой действительно невероятное количество. Врага наши воины усиленно бьют, и его сегодня не спасает даже самое совершенное западное оружие.

Липчан поразил небольшой городок с оптимистическим названием Счастье. Он не просто сильно разрушен, поскольку по нему стреляли даже из американских ракетных систем HIMARS, но ещё и заминирован. О чём оповещает предупредительный щит, стоящий рядом с надписью «Счастье не за горами». Сапёров в ЛНР критически не хватает. Они разминируют неразорвавшиеся снаряды, попавшие в города и сёла, проверяют на мины-ловушки оставленные украинцами позиции, находят минные поля ВСУ и обозначают их границы. Самое главное, удалось быстро восстановить ведущий в Счастье мост через Северский Донец. Бои за город шли почти четыре дня. Мост служил линией разграничения и с 2014 года был закрыт, а затем ВСУ при отступлении уничтожили один из его

А. Пономарёв у заминированного г. Счастье

В телерадиокомпании «Луганск-24»

пролётов. Остальные тоже были заминированы, но по какой-то причине прикрепленную к опорам взрывчатку так и не привели в действие. После недели восстановительных работ пролёт засыпали щебнем и гравием, положили битумное покрытие. Теперь по нему спокойно может пройти даже тяжёлая техника. И она идёт нескончаемым потоком к линии фронта.

После встречи с бойцами батальона «Ахмат», примерно через час, липчане заметили в небе над автомобилем беспилотник. А так как не смогли определить, чей он, то просто быстро укрылись в густой придорожной «зелёнке». Два украинских беспилотника сбили во время нашей поездки в село Каменка, недалеко от храма, а после взрывов и белого дыма, тянувшегося из оврага в небо, появились российские вертолёты. Храм этот в течение 30 лет построил всего один человек – известный в прошлом археолог Николай Тарасенко, у которого липецкие писатели и побывали в гостях.

История этого подвижника просто потрясающая: в 1992 году Николаю Ивановичу было видение горы вблизи родной деревни, и Голос сказал: «Езжай домой и строй храм». Он бросил свои археологические, успешно развивавшиеся исследования в Латинской Америке, обещавшие мировую славу, и вернулся в родную деревню под Луганском. Поселился на виденной им горе сначала в палатке, а затем начал строить дом и храм из местного камня. Николай Тарасенко в своё время командовал на Донбассе казачьим полком, и через местное население ему передали, что противник обещает купола на храме «поправить». Это было, когда авиация ВСУ ещё летала. Всего случилось пять авианалётов, укронацисты сбросили по храму 18 авиабомб и выпустили 30 ракет, но все они пролетели мимо.

Николай Тарасенко – известный на Луганщине поклонник русской литературы, знаток Николая Гумилёва и Семёна Кирсанова, поклонник поэта Гарсиа Лорки (Тарасенко в совершенстве владеет испанским и переводит с него стихи), с радостью принял в своём доме писателей из Липецка. Проговорили мы аж несколько часов и читали по кругу стихи. По ходу поездки в этот храм к липчанам присоединилась самая известная поэтесса Донбасса Елена Заславская, чьи стихи сегодня можно прочитать на памятнике погибшим в 2014 году у города Краснодона танкистам. Этот памятник сейчас известен на всю Россию.

Когда на обратном пути липчане вернулись в Луганск, то провели творческую встречу с местными писателями в только что открывшемся Луганском отделении СП России, которое возглавил известный донбасский

Дорога к линии фронта на Лисичанск

Храм в с. Каменка

рабочий не погиб. Кстати, наносивший ракетный удар по Луганску украинский самолёт Су-24 и прикрывавший его истребитель МиГ-29 Воздушных сил Украины были сбиты. Ранения при обстреле города получили шестеро детей, пострадал также депутат Госдумы Виктор Водолацкий.

Наверное, не следует лакировать действительность. Как мы узнали, не все жители приграничных сёл были рады возвращению в Россию. За годы противостояния, особенно в приграничных сёлах, у многих сложился доходный бизнес. Жители ЛНР были вынуждены пересекать границу тогда ещё непризнанной республики, добываясь получения пенсий и социальных пособий на Украине. Им днями, неделями, а иногда и месяцами приходилось жить в этих приграничных сёлах, а размещавшие их селяне драли с них три шкуры за еду и постой. Бывало, что добившийся на Украине пенсии возвращался в итоге домой вообще без денег.

Один из луганских писателей рассказал нам историю, как его двоюродная сестра все эти годы была себя в грудь и гордо кричала: «Я бандеровка!» Однако теперь, получив российский паспорт, сразу побежала оформлять себе российскую пенсию. А сколько ныне на освобождённых территориях завербованных наводчиков, диверсантов, осведомителей Киева и просто ждунов, мечтающих

о Незалежной? Одному Богу известно.

Однако жизнь в Новороссии точно изменилась в лучшую сторону. Я хорошо помню ЛНР в 2017 году, зарплата в 5 тысяч рублей считалась нормальной, пенсии и вовсе были 1800 рублей в месяц, и у всех одинаковые. Пенсионеров буквально спасали от голода продуктами наборами. Самые большие зарплаты у ополченцев – 15 тысяч рублей. Сейчас в Луганске нет крупных разрушений, несмотря на то что всё же прилетает иногда от ВСУ. Идёт интенсивное строительство, а к жителям пришла уверенность в завтрашнем дне и спокойствие. На момент нашей поездки в 2017 году за время войны в Луганске было разрушено две тысячи частных до-

У строителя храма Н. Тарасенко в с. Каменка

литератор Марк Некрасовский. Писатели Липецка и Луганска договорились о совместной работе, обсудили несколько творческих проектов. Липчане посетили могилу одного из самых почитаемых луганчан, старца-диакона Филиппа Луганского, и приложились к знаменитому камню, вернее дереву, превращённому старцем в камень. В тридцатые годы прошлого века, когда шли гонения на церковь, к старцу пристали в парке комсомольцы и стали требовать от него чуда. Старец ударил посохом о спиленный обрубок дерева и превратил его в камень. Хулители и окружающий их народ были поражены случившимся.

Липчане также побывали на месте недавней атаки 12 июня по Ленинскому району города, когда Киев нанёс удар с использованием четырёх ракет Storm Shadow (крылатые ракеты англо-французского производства). Ранее, в День республики, ракетный удар пришёлся по предприятию полимерных изделий «Полипак» и мясоперерабатывающему комбинату «Милам». Завод «Полипак» сильно пострадал, но, к счастью, ни один

мов, из них 165 многоэтажных, пострадало много общественных зданий и были уничтожены практически все предприятия городского хозяйства.

Творческие встречи в Луганске показали мне силу русского слова. Вся русская и советская литература в те дни стала крайне актуальной, поскольку правительство Украины приняло скандальный закон о запрете русского языка. Было ощущение, что власть этой страны, оказавшись бессильной перед историческим выбором крымчан, пытается выместить всю свою злобу и ненависть на Донцке и Луганске. Людям, сидящим

Встреча в Луганском СПР

в своих тёплых квартирах под мирным небом, трудно представить, в каких условиях приходилось выживать гражданам ДНР и ЛНР. Сёла и жилые кварталы городов обстреливались постоянно все восемь лет после госпереворота в Киеве. Со стороны окружавших Донецкую и Луганскую республики националистических группировок огонь вёлся и днём и ночью, порой даже неприцельно – когда бандеровцам просто хотелось пострелять. Но даже такая стрельба вслепую не обходилась без жертв. Среди мирных жителей много погибших и раненых, в том числе женщин, детей, стариков.

В 2017 году, будучи в Горловке, я видел много следов разрушений, много домов с заклеенными крест-накрест стёклами. Город обстреливали каждый день. При интенсивных обстрелах жители эвакуировались целыми кварталами, прятались у соседей и знакомых. Все дороги были изрыты воронками и осколками. Во дворе одного из жилых домов торчал из земли хвост ракеты, на которую привыкшие к войне люди уже не обращали внимания. Как только наша машина отъехала, на месте стоянки разорвалась мина. Тогда мы разминулись со смертью буквально на несколько минут. А днём ранее обстрел практически накрыл нас на окраине Дебальцево. На блокпостах нам говорили, что в автомобиле нельзя пристёгиваться, чтобы быстрее выскочить из кабины в экстренном случае. Нельзя останавливаться на обочинах дорог – украинские диверсанты ставили там мины.

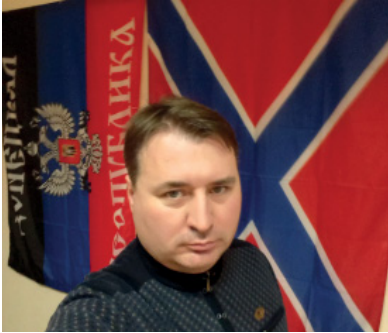
В этой поездке мы также провели литературные встречи с писателями и читателями в станице Луганской и Краснодоне, посетили отреставрированный мемориал и музей героев-молодогвардейцев. Андрей Новиков, Александр Пономарёв и Олег Шухарт выступили в прямом эфире телерадиокомпании «Луганск-24», в программе, которую ведёт луганский журналист Ярослав Замета. Это не первое выступление липецких литераторов. В 2017 году они также выступали на «Луганск-24» (45 минут «круглого стола» в прямом эфире), после чего на Андрея Новикова и Александра Пономарёва на Украине были заведены уголовные дела. Тогда липецкие писатели получили «пидозры» на свои электронные почты с требованием немедленно явиться в Киев.

К сожалению, власти Липецкой области в лице Управления информационной политики хотя и обещали нам помощь в поездке на Донбасс, на проверку так ничего и не сделали. Произошло примерно то же самое, что и в 2017 году. Тогда нам сначала пообещали автобус, но потом сказали: «А вдруг с автобусом что-то случится?» Заметьте, не с нами, а с автобусом! По возвращении же настоятельно рекомендовали никому не показывать полученные нами на Донбассе грамоты и благодарности. Дескать, уберите, это нас не касается! Что же тогда удивляться, когда среди жителей освобождённых районов не все рады нашему приходу, если даже в нашей области, как оказалось, не все рады нашим поездкам на Донбасс. То, что ситуация на Донбассе перезрела и требовала срочного оперативного вмешательства, было давно понятно. Когда терапевт бессилён, для спасения жизни приглашают хирурга. Сейчас меры по спасению как русских, так и украинцев от националистических формирований выполняют российские войска, и остаётся пожелать им успешного завершения операции.

Берега Новороссии

Алексей Полубота

Алексей Викторович Полубота – поэт, прозаик, публицист. Автор четырёх опубликованных поэтических сборников. Стихи и проза публиковались в десятках центральных и региональных литературно-художественных изданий, переводились на сербский, якутский, тувинский, немецкий, английский языки.

Инициатор и вдохновитель Всероссийского фестиваля им. Николая Тряпкина «Неизбывный вертоград», Международного поэтического конкурса им. Евгения Курдакова «Купина неопалимая», Международного поэтического конкурса им. Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени». Главный редактор

литературно-краеведческого альманаха «Неизбывный вертоград».

Автор цикла репортажей с мест военных действий в ДНР и ЛНР в 2014–2023 годах, режиссёр документального фильма «Зайцево. Храм на линии фронта», вошедшего в официальную программу 24-го Международного фестиваля православных фильмов «Радонеж». Организатор ряда литературно-гуманитарных акций в поддержку восставшего Донбасса.

Награждён медалью «Михаил Шолохов» Союза писателей России.

Отец троих детей. Живёт в подмосковном наукограде Реутове.

ПО ЗОВУ ПРОРОКА НЕПОКОРЁННОГО ДОНБАССА

Немного сказки

Каким только не встречал меня Донбасс в эти девять лет – иссушающе-жарким, пыльным, стылым, промозглым, ветреным, обледенелым, бесснежным в декабре и метельным в октябре. А в этот раз встретил нежной ещё мягкой зеленью волнистых холмов под перисто-голубым небом, отцветающими абрикосами, ласковым теплом и... на удивление хорошей дорогой.

Честно говоря, знакомый с местными реалиями, я готовился к тому, что как минимум на стокилометровом отрезке от бывшего КПП «Должанский» до Дебальцево придётся страдать вместе с машиной на убитой, изъеденной колдобинами дороге. И товарищей на это настраивал. А вместо этого – ровная асфальтовая сказка, почти без выбоин, местами совсем свежее дорожное полотно. Строители из Ставрополя делают то, что здесь никто не делал с советских времён – по сути, прокладывают новую современную дорогу.

Впрочем, сказка продолжалась примерно полпути – до города Антрацита. Далее до Горловки началось то самое мучение, которое я ждал – бесконечные и зачастую опасные для машины ямы, между которыми приходится отчаянно крутить руль во все стороны и чертыхаться.

Под дулом автомата

А война в этот раз началась для нас неожиданно, совсем не так, как в другие приезды. Обычно определяешь близость передовой тем, что начинаешь различать дальний грохот оружейных или ракетных разрывов. Но в эти часы раннего майского утра было тихо в донецкой степи.

Заехав в Горловку, ожидаемо начинаем плутать. Город, особенно центр, я уже немного знаю, но этого явно недостаточно. А навигатор от самой границы лишь периодически показывает слабые признаки жизни, – несмотря на то что республики Донбасса уже более года как вернулись в Россию, общероссийские операторы мобильной связи и Интернета не спешат развернуться здесь. Первым делом необходимо найти Детский социальный центр, куда надо передать собранные жителями Подмосковья мягкие игрушки, бельё и конфеты. Без толку тыкаемся в разные переулки. Наконец

с товарищем, литератором Евгением Богачковым, выходим из машины в надежде спросить кого-то из местных. Запущенный переулок под зелёным навесом деревьев безлюден. В открытую дверь одного из дворов вижу несколько мужчин, сохнущую на верёвках одежду. Кричу им в проём свой вопрос.

Они хмуро поворачиваются в мою сторону, один отрицательно качает головой, мол, какой ещё детский центр... Через минуту я стою перед наведённым на меня автоматом Калашникова. Несколько возбуждённых солдат добровольческого батальона внимательно и не очень вежливо «выясняют наши личности». Как назло, документы остались в машине на соседней улице. Отдаю Жене ключи, чтобы он подогнал машину, а сам остаюсь вроде как в заложниках. «Если правда гуманитарку везёте – отпустим без проблем, – говорит высокий солдат с массивным лицом, – ну а если соврал... зароем так, что не найдут. Мы тут уже год воюем, полроты потеряли, вчера друга хоронили. Нам по...»

Не могу сказать, что мне не страшно, но на войне надо быть готовым к таким вещам, поэтому внешне стараюсь держаться спокойно. К тому же я понимаю, из-за чего всё. Добробат располагается в частном секторе, и если передать координаты места, то укры обязательно накроют этот квадрат артой или чем похуже. «Полегче, командир, – цежу сквозь зубы. – Я сюда с 2014 года езжу, тоже кое-что видел».

«Ведёт Бог за ручку»

Наконец подъезжает Женя, бойцы смотрят документы и багажник, недоразумение кое-как улаживается. Бойцы на прощание жмут нам руки. Мы продолжаем поиски. И теперь уже, благодаря очередному просветлению навигатора, удачно. Находим директора заведения, невысокого приветливого человека. Достаём сумки и коробки с игрушками. Они лежат в машине, которую ведут наши соратницы – писательницы Людмила Семёнова и Светлана Размыслович. Света подходит ко мне, улыбаясь с хитринкой, и передаёт продолговатую коробку, завёрнутую в чёрный пакет. И тут сердце у меня ухает, пожалуй, сильнее, чем когда на меня навели автомат. Ведь я и забыл совсем, что на дне одной из сумок среди мягких игрушек мы от греха подальше упрятали уникальный прицел стоимостью почти полмиллиона рублей. На него собирали деньги, что называется, всем миром. Очень помог и Реутовский фонд соцподдержки населения. Одна из наших задач в этот приезд – передать прицел по назначению снайперскому взводу, работающему под Горловкой с 2014 года. Вот была бы история, если бы оставили его «в дар детишкам». Но – соратницы не подвели.

Однако самое интересное происходит спустя полминуты. К зданию детского центра подкатывает выдавшая виды «буханка». А в ней – сотрудница военной комендатуры Света Чинякова. Та самая, что должна свести нас со снайперами. Она тоже привезла детям гуманитарку, хотя планировала сделать это днём раньше. Связи с ней не было больше суток, и где искать её, у нас не было ни малейшего представления. Такая вот случайная и, конечно, не случайная встреча. «Ведёт Бог за ручку нас», – тихо говорит кто-то из наших. Здесь же на месте решено, что надо ехать на встречу с командиром снайперов с позывным «Лис» прямо сейчас. Ситуация меняется даже не ежедневно – ежечасно. То, что можно было сделать утром, совсем не обязательно получится сделать в обед. Отдалённый грохот «прилётов» и «выходов» уже не раз доносился до нас. Теперь, увы, всё как обычно в последние девять лет в этих местах. Мы пересаживаемся из своих машин в «буханку», перегружаем туда часть гуманитарки и вскоре мчимся под будоражащие душу боевые песни куда-то под Авдеевку.

Печать войны

«Такого подарка за все эти годы я не видел, – говорит Лис, осматривая привезённый нами прицел. – Не могу поверить, наверно, я не проснулся ещё». В его голосе, взгляде, движениях сквозит неторопливая уверенность. Он немногословен, лишь иногда прорывается в его словах какая-то подробность огромного боевого опыта. Ещё весной 2014 года он со своими бойцами «работал» по украинским пограничникам, не пускавшим гуманитарку и боеприпасы в осаждённый Славянск. Больше всего он оживляется в разговоре, когда заходит речь о винтовках, прицелах, патронах.

Перед нашим приездом Лис отсыпался после очередного выхода на позиции. «Семь целей отработали с напарником», – как бы между делом говорит он.

«Цели – это люди?» – спрашивает Света Размыслович.

«На той стороне для нас людей нет, там нацисты, которые убивают нас уже девять лет. Не щадят ни мирных, ни раненых», – неторопливо, уверенно в своей правоте отвечает Лис.

Непосвящённому трудно понять, какая это тяжёлая работа снайпера (про опасность, наверно, понимают даже непосвящённые). Порой приходится до пяти суток лежать практически неподвижно, завернувшись в маскхалат, чтобы обмануть бдительность противника. Всё это время почти без еды, с минимумом воды, нередко – в памперсе.

На лицах окруживших нас людей, даже самых улыбчивых, читается тот неизгладимый отпечаток, который накладывает война. Даже на таких, как мы, наскоками бывающих здесь, она сказывается. А они... мне кажется, что многие люди на войне воспринимают своё довоенное восприятие мира, свою мирную жизнь как потерянный рай. Хотя никто из них, по крайней мере из тех, с кем я общался, не жалеет о своём выборе.

Ильич – хирург, через руки которого прошли тысячи раненых, сотни из которых, по словам санитаров, обязаны ему жизнью. Он внешне спокоен, даже как будто отстранён от происходящего. Откуда-то из своего внутреннего далека посматривает на приехавших писателей. Один раз, когда услышав характерный хлопок со стороны «укров», я начинаю прислушиваться к нарастающему свисту летящего снаряда, он перехватывает мой взгляд и молча отрицательно качает головой: дескать, не наш, не волнуйся. Вообще на периодический грохот стрельбы здесь никто, кроме нас, почти не обращает внимания, как будто это какие-то будничные и безопасные звуки.

Помимо прицела, мы привезли на передовую окопные свечи, медикаменты, продукты, военно-патриотические книги издательства «Вече», выпущенные при содействии Союза писателей России.

Во дворе полевого госпиталя устраиваем небольшой импровизированный концерт, читаем свои стихи и стихи товарищей. Замечаю, как один из бойцов трёт глаза, чтобы скрыть слёзы. «Психика совсем поломанная», – бормочет он.

Напоследок сидим на маленькой кухне в доме, где располагается госпиталь, с санитарями и снайперами за рюмкой чая, делимся впечатлениями, Люда Семёнова что-то эмоционально, почти восторженно рассказывает о том, с какими приключениями мы добирались, как хорошо ей быть здесь среди настоящих смелых мужчин, как рады мы все хоть немного помочь нашим бойцам.

«Давно не было такого хорошего дня», – говорит Света Чинякова. Мне кажется, я понимаю, что стоит за этими словами, – в нас, пока ещё окрылённых тем, что удалось вырваться из московской суеты, реально помочь делу, она видит себя и своих товарищей такими, какими были они девять-восемь лет назад, ещё не изломанными войной, не уставшими от неё до чёртиков.

«Как отсюда видится, скоро всё это закончится?» – спрашиваю я.

«Честно? – поворачивается ко мне Света. – Мы давно уже стараемся не говорить на эти темы, не загадывать. Делаем что можем, и будь что будет».

Вечером в гостинице, где мы остановились, выключается свет. Во тьме слышен тупой грохот дальних разрывов. Видимо, где-то повредили ЛЭП или подстанцию. Между пепельно-чёрных туч висит, как чей-то недобрый немигающий глаз, абсолютно круглый диск луны. Одна военная ночь из тысяч, которые уже пережили горловчане и жители многих городов Донбасса. А сколько их ещё будет...

Мечта о мирной Горловке

Утром следующего дня заезжаем в Горловскую библиотеку для детей и юношества, которая за эти годы стала близким местом. Сюда мы тоже отдаём книги и встречаемся с местными поэтами. Хотя официального запрета нет, встречи с читателями никто из чиновников разрешать не хочет – перестраховываются на случай «прилёта» по скоплению талантов и их поклонников. Однако наши друзья всё равно пришли повидаться. С особенным удовольствием обнимаю поэта-горловчанина Александра Савенкова. Что-то родное сквозит в его помятой исхудавшей фигуре, в добром усталом взгляде. Саша все девять лет войны никуда не выезжал из города, писал свою поэтическую летопись, которая, конечно, останется в истории литературы Донбасса, а может быть, и всей России:

*думает, дикий, из камня и глины он,
а взглянется в дома и арки –
город подвешен на нити рябиновой
чьей-то молитвы жаркой.*

Дарю Александру «Антологию стояния Донбасса», составленную из лучших произведений авторов журнала «Берега», где есть и его и мои стихи, а он мне в ответ дарит свою чудом вышедшую новую книгу «Грех долгой печали». Чудом – поскольку Саша весьма непрактичен в делах житейских, а книгу на свои средства издали поклонники его поэзии из Ростова-на-Дону.

Прощания после кратких встреч особенно пронзительны. Тем более на войне. Не первый год у нас есть мечта с горловскими друзьями – посидеть тёплой компанией в мирной Горловке и выпить за окончательное освобождение Донбасса. Исполнится ли она?

«Бытовой героизм»

Теперь – в Волноваху, завести гуманитарку для краеведческого музея и для беженцев из окрестных, разрушенных войной сёл. И потом, если получится, – в Свято-Успенскую Николо-Васильевскую обитель под Угледаром. «Если» – это потому, что все сводки из телеграм-каналов, все знающие и бывалые люди однозначно свидетельствуют – нас туда, практически на линию фронта, не пропустят.

Но сначала покупаемся новой партией бытовой химии и продуктов в большом торговом центре на окраине Горловки. Здесь слышнее буханье «прилётов» и «выходов». Иногда даже привыкшие к этой «музыке» горожане вздрагивают. «Это здание иногда как карточный домик дрожит, – улыбаясь, говорит горловчанка Алина Когтева, благодаря которой удалось закупить товары с большой скидкой. – Ничего. Мы привыкли давно».

Это тот самый неприметный «бытовой героизм», который поневоле проявляют местные, которые решили оставаться в своём городе, несмотря на то что война уже десятый год стоит у его порога.

Под звёздами Донбасса

Хорошо прохладной майской ночью смотреть на крупные мерцающие звёзды Донбасса. Особенно если после трудного дня сидишь, хорошо закусив, посреди уютного двора. Комаров ещё нет, ничто не мешает созерцанию. Как-то по-особенному, как бывает только в Донбассе, перелаиваются собаки. От этих беззлобных, как холостые автоматные очереди, звуков спокойней на душе. И даже изредка бухающие вдали «прилёты» кажутся чем-то отстранённым, что обязательно обойдёт тебя стороной, не покорёжит твоей жизни.

Хотя это, конечно, иллюзия. Вот и прошмыгнувший возле ног бесхвостый кот по кличке Партизан тому подтверждение. Совсем недавно, во время его ночных шатаний по Докучаевску, котяра попал под обстрел, отделался тем, что осколок перерубил хвост. Да и в хату нашего гостеприимного хозяина, писателя Юрия Хобы, не раз уже прилетали смертельно опасные «приветы от укров». В голове мелькают воспоминания прошедшего дня: светлая и пустынная набережная Кальмиуса в Донецке, куда мы заехали на несколько минут, чтобы глотнуть горько-сладкого воздуха столицы непокорённого Донбасса, обнять задумчиво взирающего на воду Антона Павловича с чайкой у плеча.

Вспоминается и предвечерняя пустынная Волноваха, где у недавно открытого памятника Герою России Владимиру Жогге с нами без раздумий согласились сфотографироваться местные ребята. Год назад сразу после освобождения призрак смерти ещё витал над недавно остывшими обугленными домами, а во дворах стояла разбитая военная техника. С того времени этот городок не залечил, конечно, тяжёлые раны, но, словно больной, которого отмыли от крови, забинтовали и положили на госпитальную кровать, понемногу начинает идти на поправку. Хочется в это верить. Вот и отремонтированное здание Дома культуры, названное именем легендарного Жоги, сияет как с иголочки, словно в каком-нибудь ухоженном подмосковном городке, и здание храма Преображения, год назад жутко зиявшее разрушенным чревом (кстати, именно фото этого храма попало на обложку «Антологии стояния Донбасса»), восстановлено челябинскими строителями. Однако парадокс в том, что больной город даже «в госпитале» (в тылу) периодически терзают его враги. В годовщину гибели

Вохи совсем рядом с краеведческим музеем, где мы оставили часть гуманитарной помощи, ударами «хаймеров» в центре города был уничтожен один из уцелевших домов. И опасность таких ударов постоянно висит над городком.

Да, многие картины только что прошедших событий вспыхивают в памяти, когда, запрокинув голову в ночную темень, смотришь на притягательно мерцающие миры. И вроде бы есть все основания быть довольным – большинство задач поездки, кажется, выполнено. Остались ещё деньги, на которые можно купить гуманитарку для людей, живущих далеко от фронта, раздать на обратном пути. Но неотступно свербит мысль: монастырь... Обитель батюшки Зосимы. Его основатель, проклинавший морок бандеровщины, предсказал гонения на православие на Украине и завещал своей пастве хранить идеалы Святой Руси, молиться за единство трёх братских славянских народов. Не случайно, конечно, Свято-Успенский Николо-Васильевский монастырь уже многие месяцы, по сути, находится на линии фронта. Он держал духовную оборону долгие годы при русофобской власти в «Незалежной», а теперь украинские вояки посылают по нему снаряд за снарядом. Часть пожилых монахов священноначалие благословило уехать в тыл, но немало насельников, как монахов, так и монахинь, не хотят покидать святого места, молятся в нижнем храме.

Так и маячат в ночной темноте перед внутренними глазами золотистые купола разрушенных белокаменных храмов обители, виденные в Интернете. Зовут. Да, нас отговаривали в эти дни уже не раз. Дескать, запас еды и бытовой минимум есть у монахов, никто с голода не умирает. Уму понятно, что, с точки зрения материальной пользы, может быть, и не стоит так рисковать: нас предупреждали, что укронацисты бьют из орудий без разбору по всем машинам и просто передвигающимся по селу людям. Но где-то глубже ума мерцает знание: если хотя бы не попытаться прорваться с гуманитарной помощью к монастырю, надолго потом, может быть на всю жизнь, останется червоточина в душе.

Да ведь и сбор денег, по большому счёту, проводили мы, имея в виду, что доставим помощь именно молящимся под обстрелами насельникам. В какой-то момент я понимаю, что не поехать нельзя. В крайнем случае поеду один. А ребята на второй машине – домой.

Свои среди своих

– Я ехал, чтобы помогать, поэтому поеду с тобой, – говорит на следующее утро Женя Богачков.

От этих его слов что-то горячее разливается в груди, волной подступая к горлу. Наши спутницы тоже отказываются отпустить нас одних. «Эх, дураки, сами не знаете, куда лезете», – ворчит Юрий Иванович и тут же берётся сопровождать нас: он ведь местный и лучше знает все просёлочные дороги, по которым предстоит ехать. Главная дорога на Никольское заминирована и перекрыта: взорван один из мостов.

Чем ближе подъезжаем мы к передовой, минуя один блокпост за другим, тем равнодушнее голубое со стальным отливом небо над нами, тревожнее убегающие вдаль поля в нежном покрывале зелени. И сама пыль разбитой дороги, поднимающаяся из-под колёс наших машин, кажется враждебной. Уныния наводят разрушения в окрестных сёлах, особенно, когда чернеют проломы в белостенных храмах. Тот кураж, с которым мы заезжали в Донбасс несколько дней назад, улетучился. Накопившаяся усталость и опасность, растворённая в воздухе, не располагают к браваре.

На блокпостах ребята несколько озадачиваются, глядя на наши московские номера, но в целом корректны, даже приветливы. И как ни удивительно, пропускают нас дальше и дальше. «О, земляки! – приветливо машет парень с широким и добрым русским лицом. – Я сам из Солнцево, а вы откуда?»

Мы раздаём книги, энергетики, сигареты, всё, что припасено для этих случаев, желаем Божьей помощи, удачи. И везде возникает чувство своих, какое не часто бывает в мирной повседневной жизни.

«Брата недавно схоронил, – нарочито спокойно говорит боец во время одной из остановок, когда мы решаем, куда ехать дальше, – с 2014 года воевал, ещё ополченцем. Смерть обходила. А тут зашли в Павловку ротой 130 человек, через месяц вышло оттуда 40 бойцов. Это зимой ещё было. А брата месяц только как опознали. Вот воюю теперь за него». Таких историй уже не одну доводилось слышать в эти дни.

И вот, наконец, последний блокпост, за которым уже только линия обороны, причём не сплошная. На нём стоят бойцы из Татарстана. Здесь нас останавливают, показывают, куда поставить машины

(прямо под табличку «Осторожно, мины!»), чтобы не мешали проезжающим КамАЗам и БМП. Начинаются долгие переговоры по рации. Кто-то из командиров батальона выпрашивает у бойцов с блокпоста, что у нас в багажниках, есть ли сопровождающие от военных.

«Окопные свечи? Зачем в монастыре окопные свечи?» – спрашивают на том конце. Видимо, сбивает с толку слово «окопные». Мы пытаемся объяснить, что в Обители часто нет электричества. А окопные свечи не только для освещения, но и для готовки пищи годятся. Наконец, один из замов комбата решает приехать лично, чтобы посмотреть на нас.

– А не боитесь? – спрашивает он меня, изучив наши паспорта. – Там не просто обстрелы, там ПТУРом вполне накрыть могут.

– С 2014 года ездим, Бог милует, – пожимаю плечами. – Мы ненадолго, разгрузимся и назад.

Он ещё что-то взвешивает про себя с минуту и наконец говорит, протягивая руку:

– Ну, удачи. Осторожней.

Дорога под прицелом

Делаем ещё одну слабую и, конечно, безуспешную попытку отговорить девушек ехать с нами и трогаемся в путь по грунтовке, ведущей к Никольскому. Совсем рядом отрабатывает наш «Град», слышны оружейные «выходы» с укропской стороны. Сушь в горле. Всё время кажется, что откуда-то сверху высматривает нас стеклянным злобющим взглядом хищная вражеская птица – беспилотник. Вдруг обжигает ужасом мысль, что сам уцелею, а с кем-то из моих товарищей случится непоправимое. Особенно с девчонками. Многодетными мамами то есть. Ведь это я застрельщик этого рейда, всю жизнь чувствовать вину! Губы почти непроизвольно начинают шептать слова «Отче наш» и за ней подряд всех известных мне молитв. Так немного легче. Как будто невидимый заслон опускается за стеклом машины. Сидящий рядом Юрий Иванович, скосившись в мою сторону, скептически кривит губы, что-то бурчит себе под нос.

В лесопосадках иногда проезжаем наши замаскированные танки, а иногда то, что от них осталось. Бойцы у машин провожают нас взглядами, иногда кто-то из них машет рукой.

В какой-то момент начинает казаться, что мы слишком долго едем и пропустили нужный поворот, того и гляди заедем к украм. Вот это будет совсем...

Но вот наконец меж нежной майской зеленью посадки сверкает неземное золото куполов. Никольское. Последний примерно километр перед монастырём – абсолютно голое простреливаемое пространство. Вокруг дороги тут и там остовы сгоревших военных и гражданских машин. «Да святится имя твое, да и приидет Царствие твое», – резко прибавляю скорость и начинаю, насколько позволяет дорога, лавировать из стороны в сторону. Так меня учили осложнять задачу вражеским наводчикам и снайперам.

Вдруг – прямо перед глазами вырастает яма посреди дороги, машина сотрясается, ударившись днищем, и глохнет. «Куда ты гонишь?!» – сердито кричит Хоба, прибавляя непечатное. Женя тоже что-то кричит с заднего сидения. Секунда, вторая, пятая... Расстроено уркнув, моя выдавшая виды «Нива» всё же заводится снова. «Спасибо, милая... И спаси, Блаже, души наша...»

Мы подъезжаем к воротам монастыря, земля усыпана битыми осколками кирпича, какими-то железками. Как из-под земли вырастает боец. «Покажи багажник», – без лишних приветствий говорит он. Краем глаза замечаю: ещё двое бойцов прячутся от обстрела в каменном доме со снесённой крышей, с интересом смотрят на нас через выбитое окно.

Благословение Зосимы

Въезжаем в монастырь. Всё как будто виденное в каком-то давнем сне: испещрённые осколками монастырские стены, сбитые снарядами купола, раненые иконы с пронзительными лицами, чернеющие развалины какой-то постройки. Сколько раз видел уже за эту войну расстрелянные церкви, но привыкнуть к этому невозможно.

«К стенам ближе держитесь, к стенам», – призывают монахини, вышедшие нам навстречу. «Какие же светлые у них лица! С таким душевным покоем и силой! Хоть завтра навстречу с Богом», – завидую я про себя.

Совсем рядом звучит надсадный свист, где-то в сотне метров от нас падает вражеская мина. «Мамочки, можно я здесь останусь, обратно не поеду», – посеревшими губами улыбается Света.

«Это ваша машина? Переставьте, там место плохое, с беспилотника могут увидеть, разобьют», – говорит мне монашка.

Бегу к машине выполнять совет.

«Идите, поклонитесь к батюшке Зосиме», – говорит кто-то из насельников, когда мы заканчиваем перегрузку. Во всём, что они делают, говорят, сквозит такая вера, что сильнее самых искусных проповедей. Мы по очереди торопливо проходим в чудом сохранившуюся часовенку, где погребён Зосима. На израненных осколками фресках дрожат солнечные лучи. С могильного фото смотрит живой взгляд батюшки. Я вспоминаю, что Люде перед поездкой приснилось, что Зосима благословляет нас. Вот, значит, и не приснилось вовсе.

Спускаюсь в нижний храм. В его чёрной молитвенной тишине мерцают редкие слабые свечи. Сюда почти не доносится шум земной жизни. Полное ощущение, что погрузился куда-то во времена первых христиан, укрывавшихся в пещерах от гонителей-язычников.

«Там вон, смотри, двое русских солдатиков к крещению готовятся», – шепчет рядом кто-то. И я понимаю в эту минуту, зачем Бог всё же дал нам попасть сюда сквозь все препятствия и кордоны.

Да, конечно, надо было своими глазами удостовериться и до других донести, что вот это служение Богу под обстрелами с ежедневным, ежеминутным риском погибнуть вовсе не бессмысленное упорство, не фанатизм. И монахи, ценой своих жизней сохраняющие духовную жизнь в монастыре, делают дело не менее важное, чем воины на поле брани. Пока есть такие люди, готовые отдать жизнь за православие, устоит Русская Земля. В эту минуту я уже почти уверен и в том, что на обратном пути до спасительного блокпоста, казавшегося таким опасным меньше часа назад, с нами ничего не случится.

Берега Новороссии

Беседа

Екатерины Орловой с Владимиром Малягиным

Владимир Юрьевич Малягин – российский драматург, прозаик, публицист. Руководитель семинара драматургии Литературного института им. А. М. Горького, главный редактор книжного издательства «Даниловский Благовестник». Лауреат форума «Золотой Витязь» (2020), лауреат Патриаршей литературной премии им. Свв. Мефодия и Кирилла (2021).

ПОЕЗДКА НА НАШИ НОВЫЕ ТЕРРИТОРИИ

Е. О.: Владимир Юрьевич, Вы побывали с гуманитарной миссией Издательского совета Русской православной церкви на освобождённых территориях Луганской Народной Республики. В чём заключалась эта миссия? Почему в ней возникла необходимость?

В. М.: Я сказал бы больше: такие поездки не просто необходимы – это часть великой работы по включению Новых территорий в полновесную и полноценную политическую, общественную, культурную жизнь нашей огромной страны. Ведь это наша земля, и она должна жить нашей общей жизнью, чтобы не чувствовать отъединённости от России. Мы были в Бердянске и на Луганщине. Везли туда книги (в основном духовную литературу), встречались с людьми в храмах, вузах, музеях, библиотеках. И эти встречи говорили местным жителям не просто о том, что Россия не забыла о них, но и о том, что на «большой земле» их любят и хотят заботиться о них, делать что-то посильное.

Наше просветительское дело – книги. Острая нехватка русских книг – духовных, классических, современных – после десятилетий господства русофобских киевских властей и полного равнодушия самодовольных московских послов в том же Киеве является печальной реальностью на новых землях. Книги на русском языке массово изымались и уничтожались, заменялись пропагандой ненависти на украинском. Пришла пора исправлять ситуацию.

Е. О.: Кто входил в состав делегации?

В. М.: От Издательского совета заместитель председателя иеромонах Макарий (Комогоров), иеродиакон Вонифатий (Вельмякин) и три писателя – лауреат Патриаршей премии Виктор Николаев, генеральный директор форума «Золотой Витязь» Александр Орлов и я. Ну и водители, наши верные соратники, на долю которых выпало немало испытаний с поломками и ремонтами машин.

Е. О.: Какую именно литературу Вы доставили на Донбасс? Кто участвовал в сборе книг?

В. М.: Это была духовная, художественная, публицистическая, учебная литература. В её сборе участвовали православные и светские издательства, писатели, просто неравнодушные люди. А Издательский совет передал для нуждающихся приходов десять комплектов богослужбных книг – той литературы, без которой просто невозможно совершать службы в храмах и которую не так-то просто приобрести на освобождённых территориях. Но, повторяю, любая хорошая книга на русском языке там сейчас востребована. Не хотелось бы только, чтобы туда попадала так называемая «современная» макулатура, пропагандирующая всевозможные мерзости и замешанная на животной русофобии. А её сейчас слишком много в наших московских и не только московских книжных.

Е. О.: В новостной статье об этом событии сказано, что члены делегации встречались со школьниками и студентами Луганской Народной Республики. Поделитесь, пожалуйста, впечатлениями от этих встреч.

В. М.: Эти встречи очень нужны. Люди видят в нас своих друзей, союзников, братьев. Соотечественников. Они ждут от тех, кто к ним приехал, моральной поддержки и получают её. И потому настроение любой аудитории, в которой мы были, изначально доброжелательное и благодарное.

И самое главное для всех, кто сейчас едет на Донбасс, – не разочаровать этих героических людей, которые выносят на своих плечах и военные и тыловые тяготы.

Е. О.: *В каких ещё мероприятиях принимала участие делегация?*

В. М.: Мы встречались и с несколькими мэрами городов. И впечатления от этих встреч самые тёплые и добрые. Это умные, знающие, решительные, патриотически настроенные люди. На них лежит огромная ответственность, и они прекрасно выполняют возложенные на них задачи.

Мы встречались и с нашими воинами. Конечно, не на передовой, не в окопах, куда нас никто бы не допустил, чтобы не рисковать невоенными людьми. Но работу артиллерии неподалёку мы слышали. А что сказать о военных? Наверное, разные люди есть везде, но «наши» бойцы оказались удивительно простыми, добрыми, чистыми людьми. Думаю, даже уверен, что на этой войне среди наших солдат таких большинство. Потому что на нашей стороне правда.

Е. О.: *Лауреат Патриаршей литературной премии Виктор Николаев, описывая встречи с детьми, отметил их недетское восприятие жизни. Расскажите, пожалуйста, о людях, с которыми Вы виделись в ходе поездки. Что они думают об СВО, о России, о нашем общем будущем?*

В. М.: Конечно, дети в таких условиях взрослеют быстро. Слишком быстро. Тем более что среди тех, кто был на этих встречах, есть и те, кто потерял родителей в ходе войны. Но дети есть дети, и их детскость всё равно остаётся с ними... А что касается настроений взрослых – они, конечно, ждут окончания войны, надеются дальше жить вместе с Россией. Наверное, надеются на снятие границ между «старыми» и «новыми» регионами. Сейчас пограничные пункты, необходимые во время военных действий, изрядно замедляют движение. Но это временные трудности, и все это прекрасно понимают.

Есть ли те, кто с неприязнью относится к нам? Наверное, есть, но своё настроение они сейчас не обнаружат. И правильно делают, потому что понимание в этом новом обществе они явно не встретят.

Е. О.: *Вы не раз говорили о том, что Русская православная церковь поддерживает свой народ и ценит русскую культуру. Скажите, почему это так важно: ценить и поддерживать культуру русского народа? Ведь Тело Христово составляют не только русские люди, членами Русской православной церкви являются представители многих народов.*

В. М.: Здесь нет противоречия. За границей, как мы знаем, все народы России воспринимаются как русские – и якут, и татарин, и дагестанец, и мордвин. Но все мы вместе живём в ареале великой русской культуры – культуры человеческой, ориентированной на Дух, на веру, на любовь. Культуры, имеющей своими корнями нашу тысячелетнюю православную веру. Культуры, которую именно сейчас пытаются разрушить все сатанинские силы и на западе (пишу это слово с маленькой буквы сознательно!), и, к сожалению, внутри нашей страны. А то, что внутренних врагов у нас сегодня много как никогда, – это печальный, но реальный факт. Русскую культуру сегодня пытаются уничтожить всеми средствами, а наше культурное начальство делает вид, что не замечает этого. И только Церковь стоит на страже русской культуры, русского народа, русского родного языка и литературы. Борьба неравная, но с нами – Господь.

Е. О.: *Владимир Юрьевич, когда, Бог даст, закончатся военные действия на Донбассе и территории Украины, важно ли будет позаботиться о том, чтобы люди почувствовали себя частью Русского мира? Что нужно сделать для этого?*

В. М.: Я думаю, нужно продолжать делать то, что уже начато и весьма активно делается сейчас. Строить дороги, отстраивать заново разрушенные города, издавать книги (много хороших книг!), формировать убедительную и глубокую российскую культурную повестку, ехать в школы и вузы для чтения лекций, для проведения методических бесед с педагогами и преподавателями. А для всего этого надо хоть немножко расти самим. Растить человечески, профессионально, духовно. По нам ведь судят и будут судить впрямь о всей России. И высокий авторитет нашей великой и прекрасной страны ни за что нельзя уронить.

Е. О.: *Поделитесь, пожалуйста, личными впечатлениями. Что больше всего запомнилось в этой поездке?*

В. М.: Запомнилось практически всё. И это неудивительно, ведь ты едешь в такую поездку с особым вниманием, особым отношением. Но если говорить о каком-то конкретном месте, то это Мариуполь. Мы его только проезжали, не задерживались, но я успел кое-что осознать. Масштабы его разрушений не просто большие – они громадные, титанические. Завод «Азовсталь» стоит в руинах,

и вряд ли его будут восстанавливать как предприятие – это просто невозможно. А его территория – больше 11 квадратных километров! Вдумайтесь в эти цифры, это четыре с половиной сотни Красных площадей в Москве. И это 11 километров не просто ровного поля, а руин и остовов в десятки метров высоты.

Я о чём? А о том, что летом прошлого года нашими воинами была одержана победа, сравнимая по масштабам, пожалуй, со Сталинградской битвой. Сейчас Мариуполь ушёл из новостной повестки (наверное, не зря), но на месте ты всё это понимаешь...

Е. О.: *В комментарии к новостной заметке Вы сказали, что хотели бы не раз ещё вернуться на Донбасс. Что именно вдохновляет Вас снова посетить ту землю, на которой не закончились военные действия?*

В. М.: Знаете, когда ты можешь помочь своим соотечественникам, которым эта помощь нужна, но не помогаешь – это говорит лишь о твоём эгоцентризме, а то и прямом эгоизме. Быть эгоистом для верующего человека как-то неловко, стыдно. А что касается военных действий – их опасность не стоит преувеличивать: воюют солдаты на передовой, а в сотне-другой километров от линии фронта идёт нормальная жизнь. Ну или почти нормальная, которую нам всем вместе надо сделать абсолютно нормальной. И вместе мы это обязательно сделаем.

Берега прочтения

Лидия Довыденко

Главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, автор более 30 художественных, историко-краеведческих, публицистических и научных книг. Член Союза журналистов России, кандидат философских наук.

«НА ВОЙНЕ ПАМЯТЬ ОБОСТРЯЕТСЯ...»

О книге Елены Крюковой «Лазарет»

«Много людей прошло сквозь сердце моё...»

Книги с высшим смыслом... Их становится всё меньше, при постоянном количественном росте бессмысленных и ничтожных. Сама Вселенная узнаёт себя через книги Елены Крюковой, через её героев, которые воспринимают мир как огромный храм с фресками на каждой стене, обращённой на Юг, Восток, Север и Запад.

Герои книги «Лазарет» Алексей и Николай – выдающиеся хирурги, опалённые войной и репрессиями; их пути сходились на фронтах и в лагерях в Сибири и на Севере. Главный герой Алексей – не только хирург, но и глубоко верующий Православный, который под белым халатом врача носит рясу и крест. Николай – вначале ярый атеист, принимает Православие под влиянием Алексея, после смерти синеглазой девушки-санинструктора и её ребёнка.

Фреска первая – «Северная стена» – знаменует собой эпилог большого жизненного пути. Алексей перед своим уходом в мир иной вспоминает свою жизнь, рассказывая её шёпотом девочке-нянечке. Он лежит в лагерном лазарете с разбитым побоями за очередной побег левым плечом и благодарит Господа, что у него правая рука здорова и он может креститься. Преодолевая телесную боль, он думает о девочке-санитарке, которая ассоциируется у него с музыкой, называет её инфантой, царевночкой. Он её не видит, один глаз выбит при побоях, другой не видит из-за сожжённой сетчатки и затянута белой плёнкой. Но врач слышит, как инфанта-нянечка моет полы, ощущает, как она кормит его с ложечки кашей – «собачьей едой». Ему трудно глотать, трудно говорить, но он посылает девочке свои мысли и сны: «Тело – хворост, душа – играющая рыба, дух – усыпанное звёздами небо».

А за окном страшный мир; там, за перевалами ненависти и любви, на Западе, идёт война, о которой узникам никто не говорит. Мир воспринимается умирающим словно живопись. Великий Небесный Художник создал его так, что мы или позируем Ему, или сами рисуем окружающий мир, в котором кто-то видит «вокруг себя не тех, кто верит в Бога, а тех, кто верит в кровь и злобу».

«Помню ли я всех встреченных на пути? – спрашивает себя Алексей. – Много людей прошло сквозь сердце моё. Сокровищами моими стали они. Имена их помню не памятью – кровью. Ибо они – мой народ; и я – народ их родной».

Герой «Лазарета» думает о себе как о зеркале, отражающем тысячи миров и людских судеб. Но на самом деле писатель Елена Крюкова – это зеркало миров, которое обращено то к Православному храму, где идёт исповедание прихожан, то к лазарету всей многострадальной Земли, то к отдельной личности, осознающей свой срок в нашем мире: «Я не буду хвалить себя и очернять себя, – шепчет перед смертью Алексей, – не буду короновать себя или казнить себя; ты сама всё поймёшь, ведь амальгама зеркала такая серебряная, праздничная, такая чудесная, она мерцает Луной и сверкает Солнцем в небесах, она освещает моё сердце изнутри, и ты увидишь, как оно бьётся Полярной звездой в зените, не в клети измученных рёбер».

Девочка-музыка становится последней слушательницей умирающего Алексея: «Знаешь, я от мук, причинённых мне, человеку, людьми, братьями моими, весь выгорел внутри, вместо печени – пепел, вместо потрохов – порванные струны, вместо сердца – кровавый комок... А ведь сказано в Писа-

нии: где сокровище твоё, там и сердце твоё. Где теперь сердце моё? Ужели в небесах? Нет, ещё нет. Здесь, на земле? Но и земли мне уже не видать. Так где я? На железной койке в тюремном лазарете? Железная койка – моя земля. И ты, дитя, ты моя исповедница, я твой причастник, а ведь сколько лет я исповедовал и причащал людей».

Невозможно прожить на Земле без боли, без неё ты не узнаешь правды о том, что не только Земля – огромный храм, но и каждый отдельный человек, его душа – это храм, часть большого Храма, серебряная дверь которого всегда открыта.

«Исповедь – это чудо, исповедуясь, ты становишься всем сущим, Белым Светом обширным, Царём Космосом в смоляной, антрацитовый, расшитой турмалинами и лалами парче, и звёзды в тебе шевелятся, играют и мерно, медно, медленно идут по угольному, дегтярному полю, будто коровы с алмазами во лбу, и перебрёдают великие небеса вдоль и поперёк, уходят вдаль, навсегда, – ты, признаваясь в содеянном, никогда больше не вернёшься туда, где ты это сотворил».

Оказавшись в лагере по доносу, что он, доктор, оперировал врага, Алексей совершенно отстраняется от понятий «свой» и «враг». Он размышляет о человеке и своей любви к Родине: «А может, я любил мою Родину ещё до рожденья; Родина ведь в нас течёт, она наша кровь, наше упование. Не изменим ей. Не поглумимся над ней». Всю жизнь работая в лазаретах: в Первую мировую войну, в гражданскую войну и в Великую Отечественную, начиная простым санитаром в Первую мировую, он понял, что люди «ко всему привыкают, и Мирь становится единым лазаретом, где все страдают, вопят, смеются, молятся, едят, пьют, выздоравливают и умирают, но только никогда, никогда не воскресают».

«Я рос в лазарете, как фикус на белённом мною подоконнике. И я вырастал, и я осознавал себя, лазарет и таинственный Мирь за окном, где бесконечно творились революции и войны; и я, ухаживая за ранеными, посильно участвовал в страшных и прекрасных событиях, ибо тот, кто живёт, не может не жить, кто дышит, не дышать не может».

...Одною ногой ступал в безумие, зато другою я прочно стоял на земле, я знал: есть болезнь и есть здравие, и я клал мою молодую жизнь к подножию общей, великой и кровавой Жизни-Распятия, в городе с храмовых колоколен лился то тяжёлый и гулкий, то нежный и прозрачно-птичий весенний звон, а мне было недосуг заходить в церковь помолиться и поставить свечу: я задыхался от работы, и хирургия была моим светом в ночи, слоями моего Времени, моей любовью».

Но этого оказалось недостаточно: «...я всё дальше, всё бесповоротней уходил по дороге священного безумия. Безумие моё, дитяtko, заключалось в том, что я хотел не в одном лишь родном лазарете лечить людей, а пуститься в дальний путь – по земле, по войне, по широкому Миру, и на этой длинной, страшной и бесконечной дороге лечить, лечить, лечить. Дарить, дарить, дарить. Отдавать, отдавать, отдавать. И не брать. Не брать никогда».

Отправившись на войну добровольцем, молодой доктор Алексей оказался в прифронтовом лазарете: «Мы жили везде и спали везде. Не жалуясь, не разбирая. На войне никто ничего не говорит, только все всё делают. Война – молчаливое искусство».

Отдаются только приказы. Звенят крики команд.

И гром залпа. И летит огненная смерть.

Наше дело правое. Мы победим. А если не победим?

Что нас ждёт? Нас всех? И врагов, и друзей?

Некогда было искать ответов. Я еле успевал поворачиваться. Обезболить. Перевязать. Вытащить пулю. Выпротать из красного мяса дикий чёрный осколок, стальной коготь. Десятки осколков, иной раз и сотни, не вытащишь, изынешь лишь самые крупные, чтобы сильной муки не причиняли. Раны воспалялись. Гноились. Я вытирал лицо от пота и слёз гимнастёркой: мне выдали обмундирование; глубже надвигал на лоб каску: бойцы кричали, ты, доктор, ты давай береги себя, ты тут у нас единственный, тебя убьют, и кончен бал, погасли свечи! Кто нас будет спасать? Жизнь нам возвращать? Очень много было ранений в живот и в голову. В животе таится жизнь; в голове живёт мысль. А дух? Где он живёт? А душа?»

Вереницы солдатских глаз проходили перед доктором на хирургическом столе.

«Эти глаза видели поля смертей. Созвездия смертей. Снопы смертей и её стога. Убитых людей Время сгребало в стога, а я? Что я делаю тут? Да, людей спасаю. А столько людей на земле – меня ждут! Разве я их покину!»

Мой народ гомонил и кричал вокруг меня, и мне счастливо было чутя себя его семенем, маковой росинкой».

Весь мир – лазарет

Алексей родился в маленькой деревне, матери не помнил, остался после смерти отца с двумя братьями, один из которых отвёз Алексея в городской лазарет санитаром и этим уготовил ему судьбу хирурга.

И Алексей ещё не знал тогда, что встретит на войне своего друга-врага – хирурга Николая.

Николай – человек дела, он уверен, что все на свете «делают дело, а иного не дано». «Никакого Бога нет, – рассуждает он. – Всё это сказки, про богов. Люди сами себе утешение в скорбях выдумали, чтобы сильно не плакать по ночам».

Огромный врачебный опыт, полученный на войне, работа в госпитале делают Николая Петровича высоким профессионалом. Несмотря на внешнюю суровость, он задумывается о людях, их судьбах, о боли, которая выпадает им на долю:

«Осколочных ранений тьма-тьмуца. То и дело осколки в ведро выбрасываю, они звенят. Спать лягу – этот звон у меня в ушах. Кого оперирую под местной анестезией, новокаин вкачу, они лежат, зубами скрипят, иной раз я им между зубов щепку вставляю, чтобы вгрызлись крепче и не орали. Терпят. А кому даю общий наркоз. Мне ещё в городе присоветовали, в госпитале: ты там раненых щади. Они и так в бою побывали. Смертушку в рожу видали. Жалей их. А тебе что, эфира жалко?» Но солдат после эфира «...медленно поворачивает голову на железяке стола, и его бурно рвёт. Всеми внутренностями. Всей проклятой войной. Всей святой войной».

И лазарет не является защитой от смерти и боли: «...бомбят раненых и врачей. По всем конвенциям такого делать нельзя. А вот делают. Наглецы. Война, разве у неё есть совесть? Совесть, она для мирных времён».

«Человек убивает человека»

Слепой Алексей, лёжа на лазаретной койке, исповедуясь перед молоденькой нянечкой, вспоминает своё первое причастие:

«Священник бормотал надо мной молитвы, и я не особенно вслушивался в слова. Я впивал их всем собою, будто я был хлеб, и это меня, меня обмакнули в сладкое вино. Потом я встал, неиспытанное чувство Вселенской чистоты разлилось по телу, по сердцу, по всей церковке, по всему окоёму за её старыми дряхлыми стенами. Я был одно с Миромъ. А Миръ воссоединился со мной. Как бы сохранить это чувство, думал я потрясённо, не уронить, не растерять.

Захлестнула волна неиспытанного счастья. Я боялся его нарушить любым жестом, разбить хрусталём. Это как в любви. Внутри меня пело. Кто это пел? Я сам? Бог? Душа?»

Он открыл для себя, что Православие дало миру живоносное, объединяющее начало, что русский народ, благодаря благоговейной и горячей вере во Христа Бога, наиболее способен к примирению и объединению с другими народами.

В последние дни своей жизни Алексей размышляет: «За нашими спинами столько драгоценностей в сундуках. Столько мудрости! А мы живём одним днём. Есть в одном дне наслаждение, но есть и опасность забвения того, что было и что надобно помнить. Человек беспамятный – это машина, шуруп. Всяк может его вывинтить и ввинтить куда заблагорассудится».

Надо помнить, что сундуки драгоценностей – это наши традиции, наше культурное наследие, научные достижения, наши святые, наши герои, наши победоносные битвы и трудовые подвиги.

Почему же человек убивает человека? Из страха, который, как известно, отключает одно полушарие, из сатанинского влияния, из-за низких вибраций духа, из-за ограничивающих мысль и мировоззрение убеждений?..

«Я вижу мою Землю, – вышёптывает Алексей свои последние слова, – а на ней идут войны, сшибаются миры, народы в кровь бьют друг друга, топят, сжигают и вешают, расстреливают в упор, один народ убивает другой, из ненависти, а бывает, из любви, ведь когда зверь-человек любит и страдает, он хочет убить того, кто причиняет ему страдания. А когда он любит и счастлив, он хочет убить того, кого любит и кто любит его, – чтобы его любовь никому другому не досталась. Чтобы только он один владел!»

Свет со тьмой, добро со злом вечно сражаются как на земле, так и на небесах: «Человек убивает человека. А там, вдали, над полем, я вижу, как сшибаются тучи. С одной стороны наползают тучи светлые, облака кучевые, летят из них стрелы солнечные, стрелы пламенные, стрелы огненные; с другой стороны наваливаются тучи смоляные, нефтяные, дегтярные, цвета взорванной земли; они, несомые грозным ветром, приближаются быстро и неотвратно; летят из них чёрные длинные копыя,

вонзаются в светлые, сияющие тела лёгких, победно-радостных облаков. Битва Небесная! Битва Предвечная! Там, в небесах, времена и народы бьются – не на жизнь, а на смерть. И очень важно, кто победит. И – надо победить! Даже если все умрём!»

«Мы – сила! Мы – слава. Мы – вера. Мы – воинство. Мы пойдём сражаться за Родину и за жизнь, и мы уже – народ. И, умирая, падая на землю в кровавом бою, мы продолжаем жизнь. Мы не даём земле умереть! Ещё немного! Ещё живи! Ещё...»

Мысли о встреченной на фронте синеглазой медсестре – её, раненную при бомбёжке санитарного эшелона, спас от смерти хирург Николай, а доктор Алексей нежно называл её Душой, Душенькой, – не оставляют героя книги. Она становится его упованием, его великой надеждой на жизнь, его любовью. У Алексея Душенька ассоциируется с Богородицей: «Где же душа, где она кочует, где ночует, где гнездится, птица? Если бы знать ответ! Синие очи глядели, летели в меня с византийской иконы. А может, с Херувимской-Серафимской фрески, где тёмно-золотой, как густой цветочный мёд, фон, и Оранта поднимает руки ладонями ко мне, и глядит на меня круглыми громадными, величиною с чайное блюдце, синими глазами, и хитон Её кровавый, и плащ Её синий, и спасибо, благодарю Тебя, Царица Небесная, что не оставляешь меня без призора, молчишь и глядишь, приглядываешь за мной; и всё меньше земного моего времени заботу Твою отработать Тебе, и всё больше понимаю я, важнее любви к Живому и постоянного, каждодневного воскрешения угасающего, бесконечно умирающего Живого нет у человека, да и у Бога, дела на земле».

Излечение и молитва

Алексей лечит и молится. Он исцеляет людей чуткими руками и исцеляет Божиим Словом. Земное и небесное слились в единое целое, вневременное: «Душе моя, душе, восстани! что спиши!»

«...я сам, сам те пламенные молитвы на ходу сочинял, и Господь меня простил за это, и не только простил, а в сём новом, северном Вифлееме, в сердцевине лютых полярных морозов, в скрещении кровавых закатных, посмертных ножей, среди расстеленных по выстывшей землице белых парчовых платов, неистово, яростно сверкающих под низким молочным, сливочным Солнцем и под солью-россыпью юродивых звёзд, Господь меня – да, меня! жалкого слугу Своего! несчастного, битого-забытого иерея Своего! каждодневного пахаря чернозёмного-вселенского, безграничного поля Своего! – поддержал, ободрил, обласкал, с небес сильной рукой перекрестил! Так, без слова единого. Он сказал мне: делай, что должен делать, и буду Я тебе помощь!»

И так понял Алексей, что его предназначение – собирать души живые, собирать сокровища душевной красоты, которые не подвергаются эрозии, работой духа укреплять каркас общественного бытия.

Елена Крюкова уходит от политической его проекции, ей важна внутренняя, нравственная, совестливая, духовная опора, включающая в себя и личную, интимную, и общечеловеческую, общенародную составляющую. Войны всё равно заканчиваются, и наступают времена диалогов. И снова понадобятся верные слова для внутреннего оформления диалога цивилизаций, общения народов и культур.

Слово «славянин» возникло от полученного человеком в незапамятные времена небесного дара Логоса, Слова, чистого, совестливого, справедливого; оно дано нам, чтобы в очередной раз спасти планету от вырождения, эгоизма, злобы и хитрости и чтобы именно России, с её устремлённостью к высотам Духа, стать эпицентром позитивных исторических изменений. «На войне память обостряется». Народы мира наконец примут и поймут её, России, глубинность, святость, целомудрие, безмерные страдания, готовность через страдания созидать великую радость и услышат её песнь, обращённую в небеса.

Во втором номере журнала «Берега» (апрель 2023) был опубликован отрывок из новой книги Елены Крюковой «Лазарет», которая с тех пор уже увидела свет в издательстве «Литрес» (<https://www.litres.ru/book/elena-krukova-11120473/lazaret-69188080/chitat-onlayn/page-5/>).

Прекрасно оформленная художником Владимиром Фуфачёвым, книга «Лазарет» посвящена памяти великих русских хирургов святителя Луки (Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого)¹ и Николая Михайловича Амосова².

¹ Архиепископ Лука – российский и советский религиозный деятель, врач-хирург, учёный и духовный писатель, автор трудов по анестезиологии и гнойной хирургии. Доктор медицины, доктор богословия, профессор. Лауреат Сталинской премии первой степени за монографию «Очерки гнойной хирургии».

² Николай Михайлович Амосов – кардиохирург, учёный, литератор, академик АН СССР и НАН Украины, Герой Социалистического Труда

Тамара Бусаргина

Тамара Георгиевна Бусаргина – родилась в Иркутске. Окончила Иркутский государственный университет и факультет теории и истории искусств Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Кандидат искусствоведения. Автор более сорока работ по истории искусства Сибири, детскому художественному творчеству. Живёт в Иркутске.

«СЕБЯ КАЖДЫЙ ДЕНЬ – ИЗ СЕБЯ ДОСТАВАТЬ...»

О творчестве Владимира Скифа

О Владимире, тогда ещё Смирнове, я кое-что уже слышала, но познакомилась с ним попозже. Как познакомилась – не помню, а вот при каких обстоятельствах услышала его имя, помню хорошо. Приехали с Глебом на Байкал, и мама нас спрашивает: «Не повстречалась ли вам красивая девушка в джинсах и голубой куртке?» Мы, естественно, никого не заметили – мало ли их тут ходит? Как оказалось, девушка знала от Владимира, что в Молчановском распадке, на самой горке, живёт знакомый ему писатель Глеб Пакулов, и, к маминой радости, попросилась переночевать – мама без нас чувствовала себя неуютно в большом доме. Девушка рассказала, что приехали они с поэтом Смирновым погостить в дом Есипёнка Николая, но хозяина дома не застали. Володя пошёл в магазин, что на причале, да что-то долго ходит, а уже темнеет... Визиту девушки мама не удивилась – однажды так же пришла к нам хорошенькая китайка, знакомая Есипёнка, редактора иркутского книжного издательства, хлебосольного и весёлого хозяина. Домик его так удобно стоял на самом берегу Ангары, миновать его было трудно. Мама успокоила девушку, рассказала ей о таком же случае с Колиной китайкой, – к вечеру в продмаге хлеба не купишь, Володя поплыл в Листвянку, а там из-за шторма застрял – не по зубам нашей «пепелаце», старенькой переправе, байкальские шторма.

Владимир, как и Глеб, службу проходил на Дальнем Востоке: Глеб на море, Скиф в морской авиации. Моряки для Глеба – это уже знак качества. Конечно, в середине семидесятых было не так очевидно, что Скиф будет определять лицо не только сибирской поэзии, но и российской. Как подтверждение моему не единоличному мнению, цитирую слова выдающейся русской поэтессы Светланы Сырневой: *«Поэзия Владимира Скифа неукротима и многогранна. В ней явлена целая гамма чувств и страстей – от любви до ненависти, от праведного гнева до тихого покаяния, от искромётного веселья до ностальгической грусти. Разливаясь, как река в половодье, лирика Скифа созвучна широте и безоглядности русской души».*

И ещё привожу взволновавшие меня строки автографа Сырневой на книге «Ночь ледохода», подаренной Скифу в 2013 году: *«Дорогой Владимир Петрович! Без Ваших горячих, трепетных, выстраданных стихов не было бы русской лирики в той могучей полноте, в том необъятном многообразии, которые так дороги любому чуткому сердцу. Искренне Ваша Светлана Сырнева. Июль 2013».*

В те давние дни моего первого знакомства с Володией Глебом, придя от Распутиных, рассказал мне, что Виктория Станиславовна, тогда ещё тёща только Валентина Распутина, поделилась с Глебом своей заботой: «Вот Светочке повезло – Валюша такой талант! А Володя, как?» – «Да также, только в рифму!» – бодро ответил Глеб.

В будущем, насколько мне известно, Виктория Станиславовна младшим зятем была вполне довольна. Оно и понятно – Володя скоро вписался в большую молчановско-распутинскую семью, он открытый, контактный человек. Общение его и с нашей семьёй тоже сложилось как-то просто, естественно. Признаюсь – мы, как старшие по возрасту, иногда и пользовались его добротой. Особенно я: его помощь в тяжкие для меня годы болезни Глеба, внимание его и Жени ко мне после его кончины

для меня бесценны. Их дары со своего огорода, всякие соленья-варенья, а уж грибы... Мне дороги все эти приветы из времён нашей с Глебом баснословной байкальской жизни в пади Молчановской.

Я пишу о том, что знается и помнится из нашего почти пятидесятилетнего знакомства, не претендую вовсе сообщить о Скифе нечто обстоятельное и важное – о нём столько всего написано! Эпизод о девушке в джинсах и голубой куртке, о чём сам Скиф едва ли помнит, хороший повод порассуждать о... да о чём угодно! Можно и о женщинах, ведь это у поэтов существенный, если не основной, повод писать стихи.

Анна Керн утверждала, что Пушкин любил лишь двух женщин – свою Музу и няню! Как много они дали русской поэзии! Няня воспринимается в единственном числе, а вот Муза? Это у кого как... Вот и Блок говорил, что в его жизни были лишь две женщины: первая – жена Люба, Любовь Дмитриевна Менделеева, вторая – все остальные. Женщину, что числится в единственном числе, можно знать всем, а легкокрылую, эфемерную, непостоянную Музу, что под разными именами посещает поэтов, подбрасывает страсть и огонь в их поэтический костёр, лучше пристально не рассматривать. Не надо её пугать. И пугаться не стоит: ну, явится незваной, погостюет, и... поминай как звали. Обидно, конечно, что поэзия, великая русская лирическая поэзия, зачастую помнит эту гостюшку лучше, чем имя той, что помогала мужу творчески состояться во всякие сезоны. Умные жёны всё понимают. Скифу досталась умная. Евгения Молчанова всё понимает – она не только жена поэта, она и дочь поэта. Ей посвящены лучшие стихи – и любовные и оправдательные:

Много в сердце вызревает дум...
 Как Горбовский, говорю стихами:
 «Не ревнуй!
 Я с ней делил свой ум,
 Как вино холодное в стакане».
 Ты со мной во сне и после сна,
 Я тобою – перенаселённый,
 Потому слоняюсь дотемна,
 В разных женщин
 и в стихи влюблённый.

Я влюбляюсь, я горю, как спирт,
 И сгораю, потухаю быстро.
 Ты прости мне
 искромётный флирт –
 Это искры, это только искры.

Конечно, бывает по-всякому – я выбрала варианты, наиболее, на мой взгляд, подходящие нашему случаю. Особенно Блок – «она пришла с заката... звала меня куда-то...». Всё это поиски «вечно женственного», чувственного, творческого... Мы знали – Скифу категорически противопоказано жить в «пустотах нелюбви».

Манок любви звучит, как песня счастья,
 Как пламень, полыхающий в крови,
 Во имя жизни и во имя страсти
 Слепой, всепобеждающей любви.

Я чувствую, увы! Я прорицатель чувства.
 Я чувствами живу. Я чувствами богат.
 Чувствительность, любовь –
 высокое искусство,
 Как молнии огонь, как громовой раскат.

Любовь витает повсюду и в любом обличье:

Я до сих пор сижусь, гадаю,
 Как много на земле ворон.
 Но лишь одна не улетает,
 Кричит: – Люблю! И я влюблён.

Влюблён, пока не встретил белую ворону, «что мне дыханье принесла». Мне представляется, что его сердце, словно реактор с термоядерным топливом, но, кажется, горение безотходное и безопасное – «я ни одну из вас не бросил». Он готов «стреляться на дуэли за всех на свете оскорблённых женщин», потому что без них, так окрашивающих всякую любовь, – никуда! Любовь вплетена во всё видимое и невидимое, любовь сопровождает поэта в полёте «по краю космоса», в обыденной жизни выступает как «целительный глоток святого вещества», переживания любви помогают приятию расставаний, как некую неизбежность, как смену времён года:

В моей душе не гаснет осень
Хотя Байкал застыл уже.
Холодным инеем заносит
Мою тропу к твоей душе.

Признаки очередного увлечения Скифа Глеб замечал и даже завидовал. А я бы уж точно постаралась не замечать влюблённостей Глеба, если бы это продолжило его стихотворчество. Да ладно – никто не разберётся, да и я тоже не знаю, что значили женщины в творческой судьбе Скифа, да и сам он заблудился... «Простите, женщины! // Я с вами // В леса дремучие забрёл».

Это прекрасно – там, в дремучих лесах, наяды, которые, как известно, плещутся не только у ирландских скал, напели ему такую чудесную песню – заглянул поэт в чистый, прозрачный лесной ручей:

Так много внутреннего света
В твоих глазах, в лице твоём,
Что кажется – сияет это
Живой, огромный водоём.

Сияет снег, сияет небо...
Ты так близка по свету им,
Что я подумал: ну, а мне бы –
Быть отражением твоим.

Белеет инеем ограда.
Зима справляет Рождество.
А ты, как тихая лампада,
Стоишь у сердца моего.

И никаких там жадных аорт и смертоносных скорпионовых поцелуев.

Скиф понимает женщин-поэтов. Тех, кто был рядом, – почитайте его стихи о Татьяне Суровцевой. Понимал и всех дальних, ушедших:

Иду по осенним последним цветам,
По лапкам сухим иван-чая,
По жухлой траве, по истекшим годам,
Потери свои различая.
За мной не одна продвигается тень.
Теней, как деревьев – не меньше...
И тени за мною следят целый день
Глазами покинутых женщин.
Они молчаливы. Я тоже молчу,
Ступаю, прощенья не чая.
Послушно тяжёлые тени влачу
По лапкам сухим иван-чая.
От них не избавиться, их не предать.
Я отдан им всем безраздельно.
Мне с ними, наверное, век коротать
И помнить о каждой отдельно...

Удивляться тому не надо – поэт всегда поймёт поэта. Удивимся другому – как можно уложить мятежную суть Марины Цветаевой в четыре строчки:

И дружила – не служила,
И кружила – не ждала,
В небе звёзды всполошила
На земле колокола.

Ёмко и точно. Как древнегреческая эпитафия.

А что уж говорить о знакомых женщинах-поэтах. Я тоже знала, не однажды видела в Иркутском художественном музее замечательного поэта Светлану Кузнецову. Она приходила в музей с Георгием Леви. Художник звал её Ундиной. Кузнецова оправдывала это имя. Женщина-волна, дева-волна, жаждущая земной любви и понимающая её обречённость. Лицо Кузнецовой было чрезвычайно привлекательно, лёгкая «гурановость» придавала ему пикантность. Высокая «бабетта», большие немигающие глаза, «нездешность» которых Светлана подчёркивала неимоверным макияжем – в те времена было не принято так выделять глаза – всё это действовало на мужчин неотразимо (кто в Москве к ней только не сватался, даже Арсений Тарковский). А я вот думаю – неужели отбил охоту всякого замужества у Светланы мой однокашник Карякин, незаметный (я его имени не запомнила), бесцветный человек, за которым она тогда была замужем? Может, я и ошибаюсь, но, судя по стихам, женски-вселенски-печальным, счастливой её не назовёшь. Ранняя смерть Светланы Кузнецовой отозвалась в Иркутске болезненно. А вот как она отозвалась в душе Владимира Скифа:

Запою твои горькие песни,
В изголовье поставлю свечу,
Зашепчу над тобою: «Воскресни!»
И услышу в ответ – «Не хочу!»

Не хочу. Ты моё «Завещанье»
Прочитай – и узнаешь тогда,
Что меня моё чёрное знанье
Торопило уйти навсегда.

Встало куполом Чёрное Знанье
Посреди затверделого дня,
Мне присвоило новое званье...
Вот и вы проводили меня.

Это званье пойдите – измерьте,
Суетливое дело верша.
Это знанье – из жизни и смерти,
До него достигнула душа.

Потому-то и живо сознанье,
Что с души начиналось, с неё.
Я-то знала, храня, как преданье,
Это вещее знанье моё.

Понять, сострадать, помогать людям чем можешь научила Владимира большая дружная семья. У него пять сестёр и – вместе с ним – трое братьев. Какой счастливец! Семья сделала его ответственным человеком. В моей семье это поняли быстро. В пору, когда у Скифов ещё не было бани, он приводил своих прелестных дочек в нашу. Мама моя не могла надивиться на него – такой прекрасный отец из него вышел! Да он и брат прекрасный, и дед заботливый! Он умеет отвечать за всё – за семью, страну и поэзию. А главное – он пишет прекрасные стихи:

В небе – утро светлое,
Мокрая лоза.
Воскресенье вербное
Чистая слеза.

Молодые, терпкие
Веточки сломлю,
Воскресенье вербное
В сердце расстелю.

Выйду к Божьей матери
По её следам,
На церковной паперти
Нищему подам

Воскресенье вербное,
Звонкий благовест.
Оживёт над церковью
Золочёный крест.

Поплывёт над Родиной,
Осенит поля.
Видится не проданной
Русская земля.

Рыцарское отношение к поэзии роднит Скифа с Геннадием Гайдой, но есть маленькая разница – Гайда предпочитал и вдохновенно рассказывал публике о том, что было уже отобрано самим временем, а Скиф, словно боясь упустить хоть какие-то крупинки поэзии в своей округе, непонятым чутьём отыскивал их в Усолье, Ангарске и бог знает где. Вбежит, бывало, в нашу кухню, восторженный, с тоненькой книжечкой в руке, которую сам же и помог издать, засадит нас куда-нибудь в укромное место (это, как водится, за кухонный стол) и заставляет слушать блистательные (у него они все блистательные!) стихи какого-нибудь начинающего поэта, напечатанные в местной, нашей или другой какой провинциальной прессе. Глеб слушает внимательно, стараясь уловить, не пропустить главное, смотрит на Володю с надеждой, что всё «блистательное» впереди. Где среди поэтов сыщешь такую щедрость?

Я с некоторой оторопью посматриваю на семитомное издание его трудов, а ведь есть ещё двухтомник и десятки единичных изданий, и не только стихов, а уже и прозы. Скиф просто поражает неслыханной по мгновенности реакции на всё – на высверки «дня сущего и грядущего», на события тысячелетней давности, на людей, живущих или живших рядом, и совсем необязательно близких по трудам и духу, просто соратников по выступлениям и дачным заботам. Он почтил своими стихами память поэтов, писателей, художников и даже философов, русских и зарубежных, давным-давно и недавно ушедших от нас. И кажется, что рифмованный отклик на событие, встречу, на прочитанное и увиденное ему ничего не стоит, всё происходит как-то естественно, без особых усилий и насилий над собой. Он не ждёт, когда «призовет поэта к священной жертве Аполлон», для него «заботы суетного света» тоже повод для поэзии. Глеб не очень удивлялся широте интересов Скифа, даже считал, что жажду чтения он, как Глеб и Геннадий Гайда, приобрели во время морской службы. Но откуда у него это умение всё виденное и слышанное мгновенно, с полоборота зарифмовать, причём сильно, образно:

В меня бросают люди якоря,
И чайки в сердце падают отвесно,
И даже шторм, меня благодаря,
В моей душе отыскивает место.

Это четверостишие я цитирую из стихотворения Скифа 1964 года, когда матросу Володе Смирнову едва исполнилось 19 лет.

Как бы то ни было, а благодарный землянин лет этак через сто-двести, а то и гораздо раньше узнает о тех поэтах, писателях, художниках Иркутского Прибайкалья, которые по каким-то причинам не вошли в антологию культуры, но жили-были, творили у всех на виду. Будущие исследователи будут удивляться предусмотрительности нашего поэта, который пренебрёг русским «авось», остановил время

в его зримых приметах, показал не только события (кое-какие сведения о них могут и сохраниться), а пульсацию событий, их переживания, думы, печали и радости поэта. Словом, оставил образ своей невозвратной России. А следующие трудящиеся земляне, те, которым удастся благополучно пережить времена всеучёного Водолея, например орнитологи, дендрологи, всякие флористы, точно воздадут хвалу человеку, не позволяющему себе неряшливо, без внимания и должного пиетета относиться ко всему вокруг тебя летающему, ползающему, растущему и пахнущему.

Поэт и критик Юрий Брыжашов из Краснодарского края решил посчитать всех персонажей, кому были адресованы стихи. Вышла немислимая цифра – 350. Хотела и я последовать его примеру, подсчитать всех птичек, насекомых, какие попались Скифу на глаза и в строчку, да побоялась. Не справлюсь! Нет таких птичек, которых у нас нет. Кроме одной, что вызвало у меня некоторое опасение: будущие диссертанты копыя сломают, исследуя особенности пищевого поведения байкальского попугая. Энтомологи тоже позавидуют: они, возможно, потеряют способность летать по небу с кузнечиком, как это умел делать Скиф:

На Байкале
У меня между пальцев
Вырастают перепонки...

...Наутро
Я летаю по небу
С красным кузнечиком...

А лето на ключ будут запирают уже не муравьи по каким-то им завещанным предками приметам, а программисты по «исчислению математических таблиц»:

Стало сыро, и голо, и пусто
Посреди обнажённых ветвей.
Осыпаются листья и чувства,
Запер лето на ключ муравей.

Не станем завидовать – не видать им синих мотыльков, что пляшут над высыхающей лужей... И деревья все воспеты, и травы все при деле, – Скиф даёт отцовский совет дочери Саше быть благодарной лопуху, «сторожу каждой избы», как благодарен он, посвятивший целые стихи жаркам, колокольчику, кровохлёбке, ромашке, шиповнику, можжевельнику, кукушкиным сапожкам. Это не просто наблюдения природы, не просто экспонаты его поэтического гербария – они «помочи» России:

Полынь, полынь – душистая трава –
То зелена, то от печали ржава.
К тебе приходит русская вдова
И принимает горькая Держава.

Пыталась представить, как бы мог выглядеть такой вот памятник-ковчег, где вся живность помещалась. Только в сердце поэта!

Я часто замечаю за собой такую странность, просто какую-то навязчивую идею, желание определить главное свойство человека. Почти у всех, с кем меня сводила судьба, я пробовала отыскать некую формулу их бытия, нечто главное, что определяет отношение к миру, к окружению. Я поняла – дело это зряшное. А вот по отношению к Скифу я, кажется, нашла эту формулу. **Открытость миру** – вот его главное свойство. Это свойство не приобретаешь, оно даётся рождением и, кому повезёт, остаётся из детства. Внутри Скифа действует антенна, настроена она на всё сразу – на далёкое и близкое, на все стороны в пространстве и во все протяжённости во времени. Вселенная Скифа необъятна – от родной деревни, где Дёмушка от обиды плачет, до Полинезии, куда Гоген спрятался от цивилизации, ему есть дело до малой птахи, зябнувшей в байкальскую стынь и до Млечного Пути. А Млечный Путь совсем рядом, он нежно вплёлся в гриву жеребёнка (представьте, какая фантастическая цветовая феерия, сродни восприятию ребёнка). И тут же обобщение взрослого – «шла работяга-лошадь по земле // несла на холке мирозданье». Вот так просто у поэта Скифа небесное опускается на землю,

отепливается и одомашнивается: все дачные домашние хлопоты, будь то засолка грибов и огурцов, колка дров – всё это «живой водой в невидимом ковше» освящает сам Николай Угодник. Конечно, байкальской водой – где чище-то сыщешь? У Скифа заоблачные миры всегда где-то рядом, они неусыпно бдят мир людских забот, малых и больших, «тот мир, где жили мы с тобою», мир природы, мир семьи, мир страны. И это всё Байкал.

Много пишущего (пером и кистью) народа в семидесятых-восемидесятых годах поселилось на Байкале, но ни в чьей судьбе он так явственно не отразился и никто так, во всю ширь и глубину, его не отобразил. Байкал, допустим, у Глеба Пакулова в романе об Аввакуме выявлен опосредованно – мятежный протопоп сродни Байкалу с его необузданной стихией, свойственники они и по-другому: Аввакум и Байкал, каждый по силам своим, призваны хранить вековые устои на земле родной и на тверди земной. Байкал Скифа многолик.

Он – вещий, вечный, драгоценный,
Он место в космосе искал.
И если есть душа Вселенной,
То это всё-таки Байкал.

Он космическое явление, он «процеживает звёзды ковшом безмерной глубины», с его утёсов видна вся вселенная, его всеисилье таково, что неистовство двух байкальских, губительных для людей ветров, дикой Сармы и коварного Баргузина, Байкал воспринимает как озорство двух подгулявших бродяг:

И вот гудят, беснуются, воркуют,
Друг друга
Стороною облетая,
Два ветра,
Два байкальских властелина:
И Баргузин,
И дикая Сарма.

Для Скифа это лишь одна из его ипостасей, о неистовом Байкале у него много стихов, но ещё больше о другом – когда волны приходят «почесать о камни // свои аквамаринные спины // и, словно нерпы, // резво унести».

Утром холод стоит и целуются флоксы,
Чтобы завтра себя от мороза спасти.
Осень падает навзничь, и некая плоскость
Порывается в космос её унести.
Неужели навек там останется осень,
Её тёмный багрец упадёт на звезду.
Неужели меня моя стылица бросит,
На свидание к ней я уже не приду.

Такому Байкалу больше доверия, появляется надежда – «неужели меня моя стылица бросит?». И действительно, уж если и не совсем бросит его мучить эта самая коварная **стылица** (и где слово взял?), то преобразуется она в тихую грусть, умиротворение, примирит с жизнью. Прекрасное, лучшее для души состояние: именно тогда рождаются стихи, которые хочется перечитывать. В природе всё ясно – никто и ничто не покушается на извечный порядок. И пусть так будет всегда:

Кроны пышные распарив,
В знойном воздухе, в лучах
Дремлют кедры-государя
С думой древнею в очах.

Именно в такие минуты душевного затишья рождается щемящая душу жалость и любовь к Байкалу:

Байкал влажно утыкается
В мою ладонь,
Ища сердечной защиты –

это можно написать лишь от отчаяния, когда со своего берега отчётливо видишь дымы из труб БЦБК. Очень важная сторона байкальского бытия (может, с неё надо и писать эти заметки) – Скиф как байкальский дачник. Определяющим здесь будет слово «байкальский»: если бы дело состояло в саде-огороде и его плодах, то для этого в наших краях есть более благоприятные места. Но земля, обихоженная прежними хозяевами, деревенские корни Скифа сделали своё дело – для него «всё звучит с душою в лад», когда потрескивает печка, младший брат прибирает двор, и всё в радость:

Прошёл алмазный дождь, полил живые грядки,
За всходами следить желанно, сладко мне,
На даче у меня сегодня всё в порядке –
Вот только нет его в запущенной стране.

Простое дело – копать грядки или наблюдать, как *«Выбирается жук из расщелины // и туманы вздыхают коровами»*. И тут же «...является утро с обновлениями» и вот его роскошное начало:

Грянет лето, взорвётся крапивою,
Лопухами, как мамонт, ушастыми,
Лебедю, как дева, красивою
И махровыми маками красными.

Есть и другие простые и не очень дела у Скифа, но все они вплетены в очень естественное, но такое обычное дело, которое он обозначил для себя так: «Я неусыпно стерегу Россию». Никто в Иркутске не написал о России столько стихов. Многие из них не только публицистического, но и душевного свойства. Не однажды слышала, мол, проходные стихи, «на потребу». Да, на потребу, прежде всего на потребу собственной его души, души русского человека, которому судьбой суждено жить на пространстве в одиннадцать часовых поясов, в стране, которая и не страна вовсе в обычном понимании этого слова, а, как говорила Екатерина Великая, континент – куда ж нам деться от козней, от зависти, которую извечно питают к нам «все богомерзкие умы, все богохульные народы»? В любовной и пейзажной лирике у поэта много разных смысловых, чувственных, образных значений, найдёшь желание поиграть со словом, увидишь неожиданно придуманный, затейливый звукоряд, а в патриотической лирике всё предельно ясно, непреложно, демаркационная линия «свой-чужой» чётко, без всяких полутонов, прочерчена.

Скиф убеждён – не на земле, а «там, на небе, свивается русская нить». А тогда что нам остаётся – любить. Любить Отечество, «которое Бог послал». И тогда рождаются строки, которые на чью-то потребу не пишутся.

К родной земле любовь невыразима,
Когда царит осенняя печаль.
Моя душа, заботами теснима,
Уносится в неведомую даль...

Душе от счастья никуда не деться,
В родном краю смогла себя согреть.
Душе охота пасть и разреветься.
И посреди России умереть.

В родном краю, где вольно дышит Байкал, звучит в бурю как тысячи органов и издаёт в штиль тенькающие береговые всплески, Скиф обострил слух – в его поэзии много звуков. Они навеяны морем, живущим в неимоверном звуковом диапазоне, жизнью природы и просто бытом: каплет роса, тикают часы в маминой спальне. Он часто прибегает к ассоциациям, всяким, бытовым и культурным – «небо... как серая шейка // припустилось на озеро дней». У него много всякого движения, порой несусветного – «сумерки встали на лапы», «качается время», много глаголов. Вкупе со сравнениями они создают живой кадр:

Тишина. Вдруг старый тополь
Зазвенел, как истукан,
А потом завыл, затопал
И захлопал ураган.

Когда такое читаешь, то тебе и думать некогда – как это истуканы звенят. Действительно, звона, и хлопа, и мистического движения – здесь много. Всё четверостишие гудит, топают, хлопает. Я это не читала, а смотрела, как мультик. Байкал многоцветен, но, насколько я знакома с байкальской живописью иркутских художников, ни один закат, ни один рассвет, ни просто панорамное полотно не укладывается в нечто цельное, собирательное, обобщающее. Другими словами – этюды не хотят складываться в картину. Даже у Георгия Нисского и Рокуэлла Кента. И дело не в мере таланта художника, а в свойствах самого Байкала – он не терпит устойчивых состояний, он пребывает в переходном. Он так живёт и дышит. У Скифа много этюдов – восходов, заходов солнца, таинственных глубин и тихих заводей, где прячутся глупые мальки. Но я бы вполне могла принять многие стихи Скифа за картину, портрет на байкальском фоне. Например, «Сегодня тучи над Байкалом друг друга брали на таран // Я видел: молния скакала // Как белый выстрел по горам». Я вообще люблю, даже ищу в поэзии картины. И вижу их – это профессиональное. Вот попалась на глаза такая милая картинка:

Хрустящий воздух.
Свет сугроба.
И тишина. И белизна.
Сухие зонтики укропа
На снег роняют семена.

Байкал не соразмерен человеку. Нельзя объять необъятное. Помню – как-то под осень я ехала в порт с последним пароходом. Ещё в Листвянке заметила, что луна полная, значит, ехать будем по лунной дорожке – не впервой. Так и ехали. Покойно, красиво. Вдруг я обернулась назад и не узнала луну – линза Байкала сделала её огромной, в полнеба, кроваво-красная, она низко висела над горизонтом воды. Я осталась наедине с чем-то огромным, невиданным, невоготу раскалённым, и это нечто на моих глазах быстро погружалось в воду, во тьму. Не помню, сколько времени продолжалась эта Дантова мистерия. Разве это можно описать? Разве можно передать мои чувства восторга-страха? Читаю у Скифа: «горит Байкал серебряный, хрустальный, лазурный, перламутровый, зелёный, свинцовый, сизый, дымчатый, туманный, чешуйчатый, глубинный, золотой». А тот, который я видела в ту ночь, какой? Может, это и был «планеты совестливый глаз», который возник у Скифа? Из множества поэтов, писавших о Байкале, так никто не сказал:

Потом, расслабленный, в печали
В упор разглядывает нас,
Моей тайги глазной хрусталик,
Планеты совестливый глаз.

Недавно, чтобы развеять кое-какие сомнения по поводу поэмы «Месяцеслов», я спросила у Володи:

– Ты как её писал? Из старых стихов составил? Или летом про лето, а зимой про зиму? Оказалось неожиданно просто – сидел в рождественские дни в городе, отчасти в деревне Ширяево в гостях у земляков Куклиных и целый год вспомнил. Не какой-нибудь конкретно, а просто год. Много прояснилось. Писан «Месяцеслов», что называется, «в один дых», а потому весь годичный цикл являет собой некую цельность, когда круговорот жизни людской на отрезки не поделишь. А потому в «Месяцеслове» Скифа, в отличие от «Месяцеслова» Байбородина, годичный круг жизни обозначен не в хронологическом, не в событийном значении, не вплетён, как положено, в трудовые земледельческие будни и праздники. Год у Скифа живёт в чувственном, каком-то дыхательном измерении, вот так – «вдох-выдох». А макушка года чуть сместилась с макушки лета, апогей авторского переживания природы и, возможно, творческого взлёта – это янтарная пора август – сентябрь. Станный какой-то месяцеслов. Драматургию всего цикла определил январь, где весь месяц, как сутки – с восхода до заката. Точно так же и весь год – от восхода до заката. И всегда восход такой: «но вот уже рассвет заговорил стихами // и счастье, как цветок, // взшло в моей душе». В природе всё хорошо, всё в свой черёд, а у людей, когда уходят годы, уходят и друзья, «стреляют в Белый Дом // и вздрагивает свечка // и ходят мимо сна тяжёлые кресты». Много о чём можно поразмышлять, читая «Месяцеслов». Я, допустим, пожалела, что Пётр Первый изменил название месяцев – всё было так точно. «Завы-

ла февралём космическая глотка»... жуткий, прямо скажем, образ, да ведь так оно и быть должно, февраль по-старому – «лютый», а колючий январь и прозван «сичень», и груды снега в декабре дело обычное – он, декабрь-то, недаром «грудень». И все другие месяцы несли положенные им смыслы. Но русские смыслы у нас не в чести.

Глеб и я знали, что Скиф – человек широких интересов, много читает, знает, как никто в Иркутске, западную поэзию, у него большая библиотека по искусству. Но, честно скажу, мы не очень понимали, как возник и для чего ему обширный литературно-художественный помянник. Что это – записи трудолюбивого школяра, конспект-самоучитель в стихотворной форме? Тщеславное желание открыть читателю нечто, что никто до него не заметил? Похвастаться – вот какой я эрудит?

Со временем я, кажется, поняла, для чего понадобилось Скифу это невиданное и неслыханное дело. Мы, русские, люди эпиметеевской культуры, мы должны непременно заглянуть вглубь времён, чтобы хоть что-нибудь понять про нас, сегодняшних. Оглядываться назад – к этому у нас особый вкус. Даже, кажется, был с Глебом разговор на эту тему, что отвечал Володя, уже не помню, но что бы ответил сейчас, догадываюсь. Прошлое для Скифа – естественное окружение, «живая городьба веков»: если она есть, то «ночь, как косточка черешни, за-ка-ты-ва-ет-ся под кровать». То есть это даже не просто «хочу всё знать». Это один из путей к себе через историю, традиции. В этом же ключе можно понять «Слово о полку Игореве». Володя не раз нам читал это, как сам определил, «поэтическое переложение с древнерусского». Историзм в подходах к событиям какой угодно временной дальности основан на убеждении, что сущность человека не меняется, меняется лишь антураж события, в котором проявляется человеческая сущность. Те же страсти, своеволие, те же распри «князь на князя» и та же правда – «лучше быть убиту, чем полонёну». Доставшееся нам Слово-свидетельство от тех времён провоцирует соблазн – нет, не потягаться, это бессмысленно, а примерить – в пору ли нашему слову «словеса старого времени», возможно ли ими передать смысл, дух и музыку «Слова»? И, видимо, не покидает Скифа надежда, сопоставив прежние времена с сегодняшними, попытаться «русский узел развязать»? Попытка не пытка... Помню, после одного из прочтений (а Скиф прекрасный чтец) Глеб сказал: «Главное, уловил кое-какую музыку. Ведь там, в “Слове”, полифония». Кое-какую музыку – это уже того стоило.

Я плохо представляю себе, как писал Володя стихи о давным-давно и не очень давно ушедших творцах. Их много, но кто-то из них так тебе близок и интересен, что в пору роман, повесть или поэму пиши. А Скиф решил всем сестрам по серьгам. И так можно. Для меня в этом цикле нашлось много любопытного и верного. Кюхля, персонаж из роскошной пушкинской поры, аттестован как «пристяжной у бессмертья». По-моему, лучше не скажешь. Пиши Кюхельбекер в любую другую эпоху, литераторы не дали бы его в обиду, но на фоне Пушкина... В русской поэзии Скиф всё охватил – от тредьяковско-державинского камнепада 18-го века до тихоструйного Северянина, отдал дань многим советским поэтам. Читатель может вспомнить что-нибудь из истории литературы, вспомнить о том, например, что Клюев умер в Томской тюрьме, а Аполлинер, чего я и не знала, белорус по происхождению. А начинающий поэт, прочитав стихи о Франсуа Вийоне, вполне может решить: если не притаилась в тебе хоть чуточка его бесстрашия перед жизнью, рассчитывать не на что. А ещё я с удовольствием вспомнила, что знаменитая, точнейшая, просто формула России – «Русь, ты вся поцелуй на морозе» – принадлежит Великомиру Хлебникову.

Я долго не хотела читать стихи Скифа о художниках. Моя педагогическая практика сформировала у меня стойкое убеждение, что литератор непременно будет выискивать на плоскости холста какой-нибудь сюжет, рассказ. Но Скиф – другое дело, ведь он окончил педагогическое училище, где готовили многостаночников: при нужде в педагогах, что в деревне обычно, выпускник-словесник вёл физкультуру и рисование – рисование и история искусств в училище были обязательными предметами. Скиф и сам рисует. Так что я недавно всё-таки прочла стихи о художниках. Кое с чем могу и согласиться, с тем, допустим, что в картинах импрессиониста Клода Моне явлен «мир дыханья, свет икон», а в некоторых картинах Пикассо (кроме, конечно, голубого и розового периодов) слышатся отзвуки литавр, что у Дега действительно есть явные предчувствия кинематографа. Понял Володя даже муки пуантилистов, пытающихся соединить «алгебру с гармонией» и т.д. Скиф разжёг желание просмотреть альбом репродукций Эдуарда Мане, он, оказывается, художник «плотоядный», а в стихотворении Леонардо да Винчи Володя даже вызвал зависть:

Как эпохам грешным вызов –
Из живого далека –
Смотрит в душу Мона Лиза,
Пережившая века.

Время мчится: Троя, Спарта...
С болью: быть или не быть? –
Завещал нам Леонардо
Эту женщину любить.

Время глухо. Вечность зыбка.
Умирает каждый след...
Но хранит её улыбка
Потаённой жизни свет.

Пребыванье в мире шатко,
Нам спастись нельзя уже...
Но улыбки той загадка
Открывается уже.

Ему, счастливчику, «улыбки той загадка открывается...». А мне что-то не открывается. Уж и не надеюсь. Вообще-то Скиф взаправду – везунчик и открыватель улыбок и миров. Всё в его творчестве неожиданно и чрезвычайно интересно!

В конце заметок, воспоминаний принято делать какие-то выводы, заключения. Да что-то не хочется. Просто не знаю, как это должно выглядеть. За наше долгое знакомство я не помню, чтобы Скиф, при всей его контактности, свободе общения, что называется, обнажался, «выпрыгался». Он всегда держит себя в узде. Это признак культуры. Конечно, годы нас меняют. Судя по творчеству, он в молодости мог похвалиться силушкой непомерной – «поймаю солнце, как мотылька, и засушу на память». Не знаю, когда он это написал. Знаю, что не сегодня. Мы, кажется, безвозвратно освободились от романтических иллюзий, что с солнцем у нас даже лозунги одни. И Маяковского подзабыли. А жаль. И всё-таки солнечные лучи, и не мотылькового размера, всегда на Скифе пребывают. Скиф выглядит достойным, удачливым человеком, он и вправду такой: и в семье, и в творчестве, вроде всё в порядке. Но все знают – не всё даётся просто, не всё было гладко. Иначе бы не родились такие строки: «Сижу на вражеском пиру // или на дружеской пирушке?! // Мои собратья по перу, // Наполним ядом наши кружки...» Писательская тусовка – дело тонкое, свой успех заслужен и выстрадан, а успех другого – это как посмотреть. При жизни издать семитомник! Как это возможно? Завистников у него не счесть! Правда, по сегодняшним временам это просто «opusgrandiosus». Порадоваться бы, что нашёлся автор, который, в отличие от всех остальных, не смирился с явным пренебрежением государства к писательскому труду, с непониманием его роли в судьбе государства и формировании мироощущения народа. Теперь писательство что-то вроде хобби – «землю попашет, попишет стихи». Конечно, у Скифа много друзей, он и сам многим помогает, и всё-таки обидно: чтобы увидеть в печатном варианте плоды своего очень тяжкого труда, приготовься отведать всякого горького под завязку! Так быть не должно!

Владимир Петрович Скиф, вне зависимости от того, состоит ли он в какой-либо должности в Иркутском Союзе писателей России или нет, нужен всем. Он человек публичный, любой писательской встрече, дружескому застолью или юбилею, которое ведёт Скиф, успех обеспечен. То же и на собственных поэтических вечерах. Хотя, просмотрев сейчас более или менее внимательно подаренное мне семитомное издание, осмеливаюсь сказать – он не даёт о себе верного представления. Хочется, чтобы Владимир Скиф, автор прекрасной пейзажной и любовной лирики, раздумчивых стихов о России, чаще являл публике своё настоящее поэтическое лицо. Скиф прошёл отпущенные судьбой «все крутояры, все глухомани», честно и сполна выполнил положенное поэту – «себя каждый день – из себя доставать». Читатели должны это оценить.

Жизнь продолжается. Пусть она будет долгой. Поэту в России надо жить долго.

Берега прочтения

Светлана Леонтьева

Светлана Геннадьевна Леонтьева – родилась 19 ноября 1960 года в Свердловске (ныне Екатеринбург). Училась в Уральском государственном университете. Окончила Уральский электромеханический техникум в Свердловске, курсы сурдопереводчиков, филологический факультет Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Высшие литературные курсы в Москве. Автор 31 книги прозы и поэзии.

Дипломант национальной премии «Золотое перо Руси», «Созвездие духовности», «Бриллиантовый Дюк», фестиваля «Интеллигентный сезон», лауреат премий «Уральские горы», «Лучшие строфы столетия», «Литературный глобус». Главный редактор альманаха «Третья столица». Член Союза писателей России с 1998 года. Живёт и работает в Нижнем Новгороде.

ЗВУЧАЩИЙ ГОРОД НА ХОЛМЕ

Обзор журнала «Берега» № 3 (55)-2023 в сокращении

Вы слышите музыку? Именно её – большую, струящуюся, ниспадающую?

Журнал – как звучание.

Слово, как аккорд.

И сам окрас звуков – как виртуозность солиста и мощь оркестра.

Как редукция канцерто грорсо – когда группа солистов постепенно сама нарастает, движется. И вот он – унисон. Вот она – гармония!

Третий номер журнала Берега – особый тип виртуозности, ибо он сплочён темой, то есть каденцией, где звучит соло на фоне высокой ноты, высочайшего альта. О, только не оборвись! Звучи! И вот оно – барокко, ария, певцы удлиняют свои пассажи, украшая новизной и слаженностью.

Это фортепьяно Моцарта пьянящее.

Это каденции безумного Бетховена.

Но звучи, звучи!

* * *

«...5 марта минуло 70 лет с того дня, как Иосиф Виссарионович Сталин ушёл в мир иной. И едва ли не сразу стала всё отчетливее материализоваться широко известная мысль Шарля де Голля, высказанная им в 1966 году в Москве – у могилы нашего вождя: “Сталин не ушёл в прошлое – он растворился в будущем”. Действительно, как показало время – наш единственный беспристрастный, а потому и объективный судья, – предсказание знаменитого лидера Франции оказалось пророческим.

И ещё де Голль сказал: “Сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено”. В связи с тем что для нашей страны этот “момент истины” стал ощутим задолго до 90-х, ещё по мере правления Хрущёва, его острота в современной России усиливается едва ли не ежедневно. Поэтому обсуждение выдержек из книги известного военного писателя-историка Владимира Петровича Долматова “СТАЛИН. ГЛАВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ” (Издательский Дом «Комсомольская правда», 2018. – 456 с.) в нынешние очень непростые для России дни напрашивается само собой. Ведь тактика и стратегия действий нашего военно-политического руководства в период нынешней СВО выглядит пока, мягко говоря, неубедительной ни на фронте, ни в тылу, поэтому и вызывает многочисленные вопросы, домыслы, споры, а нередко и недоумения...» (Григорий Блехман).

По правде говоря, Сталин для этого писателя, как живой. И сколько бы не осуждали культ личности его – сколько бы не демонизировали, не преувеличивали потери, не играли цифрами от 3 миллионов до 37 погибших в ГУЛАГах, но автор, словно лёгким «венчиком из роз», возносит вождя на пьедестал. Конечно, фигура Сталина масштабная. Глубокая. Непростая. Жуткая. Космическая.

Автор прослеживает записки вождя от 1941 года, звучащие как приказы: увеличить выпуск орудий, разработать в срок (сроки разные) увеличение снарядов, строительство новых заводов, поставки, строго! Очень настойчиво!

По правде сказать, если вождь излишне харизматичен, строг, до болезненно горд, то найти такого второго трудно. Ах, Сталин, Сталин...

Думаю, что историю нашу надо воспринимать такой, какая она есть. Осуждать казнить помиловать любить – здесь запятые надо уметь расставлять мудро и предвидяще.

* * *

ИТАК, журнал. Это, скорее всего, оркестр. Дирижёр. Голоса...

Наталья Советная виртуозно владеет словом, в её повести «Кремень» доминирует сюжет:

«Хитько, не останавливаясь, подхватил бумажный стаканчик и только теперь почувствовал, понял, как пересохло во рту, как хочется пить. В два глотка осушил его, отбросил в сторону, снова вцепился освободившейся рукой в волокущуюся на ремне лыжную палку. Запыхавшийся Туманов пробежал рядом ещё несколько метров:

– Хитько, родной, ты уж держись, осталось всего ничего, всего десятка! Благодарность тебе будет за службу, родителям письмо лично напишу. Не подведи, солдат!

Иван не подвёл. Лишь преодолев финиш, рухнул на снег. Что было дальше, помнил с трудом. Радостные лица товарищей. Ликующий Туманов:

– Герой! Говорю же – герой!

Носилки. Санчасть.

Отлёживался неделю. На соседней кровати – Боянов. Он хоть и сильно отстал от Ивана, но до финиша тоже дошёл.

– Думал, сдохну! – хрипел простуженным горлом.

– И я! – хохотал Хитько.

Хитро косясь на товарища, Боянов вдруг заканючил:

– Мультик хочу! Вань, привези новый мультик в клуб! Порадуй душу детством.

Солдаты страсть как любили мультфильмы...»

Это уже увертюра – быстрая, с высоким голосом и подпевом трио:

«Дома Хитько развернул листки, захваченные с дачи. Это были наброски, эскизы фрагментов будущего памятника, который задумал создать на месте сожжённого дома. Теперь это как раз напротив школы. Кому, в первую очередь, нужны памятные знаки об историческом прошлом родного края? Конечно, детям!

– А ведь боятся! Ой, как боятся нынешние фашисты памятников советским воинам и всему советскому, русскому, православному! Сносят их по всей Украине, Прибалтике, Европе... А мы новые поставим! – раззадорился Иван Павлович, разглядывая эскизы. – Выходит, что и бронзовая память может стать оружием, которое помешает нацизму гадить в людских душах...»

* * *

Михаил Поленок «Разведка боем»: *«Фигура всадника, внезапно намётком вылетевшего с фланга вдоль нейтральной полосы на открытую местность, представляла собой дикую и несуразную картину. Человек и лошадь, играя со смертью, неслись по обожжённой и израненной, но пока ничейной и страшной полосе, с обеих сторон которой их рассматривали в прорезь прицелов. Они были едины – всадник и рыжей масти лошадь, слитые в один сгусток живой энергии и дикого задора. Нейтральная полоса молчала, притихнув. Головы фашистов в рогатых касках показались из укрытий. Обескураженный противник с интересом и любопытством, как острое представление, наблюдал за лихим наездником. Так жаждущие охотники, испытывая воздействие адреналина, со сладостной дрожью наблюдают за дичью, чтобы, насладившись властью над самой сутью жизни, нанести роковой удар. Шашка, выхваченная твёрдой рукой конника, вылетела из ножен, полоска*

стали змеей заискрилась в воздухе. Зарубин джигитовал лихо, с посвистом, бахвалясь и не скрывая этого, откровенно издевался над противником...»

Тема рассказа – ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. Эпизод её. Увертюра сюжета, тонкий голос артиллерии, мощный взрыв, стойкость бойцов, страшный, жуткий, кошмарный сон трагедии.

* * *

Известный воронежский прозаик **Александр Пылёв** и его фантастический рассказ – звучит как сонатное аллегро с «двойной экспозицией», сам читатель словно находится в оркестровой яме, приподняв глаза к звёздам.

А там... россыпи... алмазы... изумруды бесконечности. И даже сам Иисус Христос...

«– Радуйся, вера твоя спасла тебя... – прошептал Иисус.

– Так это Ты!!! – закричал Элан. – Господи, какой же раз они распинают тебя?..

Он вдруг почувствовал прилив давно забытых им сил. Настоящих, мужских сил. Он легко отпихнул Рони и Эдгара, опрокинул статиста-легионера и бросился к Иисусу. Он хотел коснуться Его израненного тела, его сношенных сандалий, той пыли, где проиёл Он!»

Сонатное аллегро, как часто описывают музыковеды, подразумевая, что сначала звучит первая тема в оркестре, потом солист повторяет её в более развитом виде и переходит ко второй теме – в чуть новой тональности. Однако сама концепция сонатного аллегро в том виде, в котором она присутствует, например, в симфонии или в струнном квартете, берётся как высота в сольном концерте, как глубина и как Марианская впадина звука. Это Брамс, это небольшое вступление и разноголосица одного звука – до, ре, ми...

* * *

Юрий Жекотов «Тарабанька с Сиреновой улицы»:

«– Когда-то геологоразведчики, как твой отец, были востребованы и заработанные деньги не считали. Всё было относительно сносно даже в начале разгромных девяностых – худо-бедно, но средств на латание семейного бюджета хватало. А потом всё к одному – накрылась российская геология медным тазом! И вот тут нужно было отцу заявить о себе, проявить предприимчивость, изобретательность. А он оказался неприспособленным и непрактичным, малахольным каким-то! Всё надеялся, что восстановится положение дел и позовут его на прежнее место работы. Ждите, как же! – пришло время, достаточно эмоционально поведала Наталья Валерьевна подростковой дочери о сложном этапе совместной жизни с её родителем. Только свидетелей подтвердить или опровергнуть достоверность рассказа рядом не было, весь он полностью остался на совести матери».

...проза музыки... проза текста... скорее всего, молчат скрипки. Но вот-вот скрипачи прижмут скрипки к горячим плечам, тонкий писк смычка. И вот оно – грянуло:

«В стекле двух оконных рам, выходящих на юг, играют-искрятся золотые лучики, ослепляют взгляд золотыми блёстками. Ограда выкрашена свежей изумрудно-зелёной краской. Из-за неё приветливо протягивает ветки пышный куст сирени. Виктория Матвеевна лишь тронула калитку рукой, и та, словно заждавшись, тут же отворилась, приглашая зайти вовнутрь. Во дворике чисто, прибрано, всему своё место: и трудолюбивой метле, и бочке под дождевую воду, и дровяной поленнице. Виктория Матвеевна прошла по пружинистому деревянному настилу к входной двери, над которой не оказалось звонка. Женищина тюкнула пару раз кулачком по дверной плахе, но никто не отозвался, потянула дверь на себя, и та без скрипа открылась. В сенцах за узорчатой тюлевой занавеской Виктория Матвеевна услышала залиvistый смех Насти и тут же голос отца (теперь хорошо узнаваемый), идущий откуда-то издалека, будто старинным преданием из глубины веков. “А подслушивать нехорошо”, – сама себе в назидание с улыбкой подумала Виктория Матвеевна, но всё-таки не решилась прерывать сказку, в которую каким-то чудом попала.

– Идёт дальше Тарабанька. Смотрит: утёнок отстал от своей семьи, кричит жалобно, трепещет крылышками – зовёт на помощь маму-утку. И не знает даже, что к нему голодная лиса крадёт-ся. Ещё немного, и схватит бедного утёнка! Но тут как забарабанит Тарабанька в свой барабан!»

Сказка... переплёт замирающих звуков. И вдруг тяжёлая барабанная дробь – дед и внучка.

* * *

Эвелина Азаева – не новичок для журнала. В этом номере она представлена рассказом на житейскую тему. Это, словно с неба рухнули яблоки – целый кузовок... Перед нами – житель Канады Сиверцова. А в России – всё не так, говорит автор. Бедные дома и рядом богатые дома, как диссипация звука. И нет той медовой роскоши пения.

«Страна распалась, и Грузия повела себя неожиданным образом. Стоило Москве ослабнуть, как бывшая братская республика бросилась в объятия более сильной державы. Да ладно бы только бросилась, но она постоянно лягала Россию, плевала в её сторону, будто ничего хорошего меж ними и не было. А ведь не просто было! Было такое прошлое, что нигде и никогда Грузии больше такого времени, таких даров – материальных и духовных – не взять...»

Честно сказано. После распада СССР одна из лучших православных республик, дружественная, с высокой культурой, книгами, кино, ушла на Запад, словно... Ибо это страна людей. А люди – существа внушаемые, и они ещё более внушаемые, если пред ними шелест денег. Этих зелёных рок-феллеровых драм.

Так и хочется спросить гоголевскими словами: «Куда мчишься ты? Грузия моя, птица-Тройка, куда путь свой держишь?»

И зависает вся страна высокой нотой на кончике смычка. И глядит она оттуда высокими садами, виноградными лозами, течёт вином, похожим по цвету на кровь. Разрушение в сознании, хруст ломающихся клавишей, западающих чёрных, выломанных белых. Пианино протяжно гудит, как паровоз, потерявший рельсы...

* * *

«НЕ ЛЮБЛЮ ПАРИЖ», – пишет *Олег Алексеевич Рябов*. А как же увидеть и умереть?

«Наблюдая его за рулём, я понимал, как важно научиться вальяжно водить такую машину: мой друг не обращал внимания на светофоры, двойные разделительные полосы, регулировщиков и посты ГАИ.

Он никогда не превышал установленной скорости, но если уж какие-то инспекторы задерживали его на этих постах, то он останавливался и подолгу мог с ними беседовать на самые посторонние темы, обязательно справлялся о здоровье их родственников и с готовностью платил штрафы».

Но Париж, Париж – это особый тип музыки, это гимн, это Марсельеза, облако мелодий. Чудесные улочки нот, площади Восстания скрипичного ключа, шпиди, протыкающие небо, напоминающие мускулы Сталлоне.

Влюблённость в европейский мир, перетекающая в первую любовь. Любование. Автор идёт дальше – он приводит пример на основе денежного звучания. Что может быть слаще шелеста пересчитываемых купюр? И что может быть хуже штрафа в 800 евро? *«Из русских мастеров живописи он знает только Айвазовского и Коровина, но их тоже нет в Лувре: не доросли. А узнав от меня, что Кандинский, Малевич и Татлин тоже русские, он очень удивился и, по-моему, не поверил мне».* Человек вообще существо не доверяющее. Музыка неверия иных оттенков, она режет слух: *«На следующий день французы встретились со мной и сообщили, что идея моя им понравилась. Они убедительно попросили меня помочь им приобрести три хороших больших сундука, на которых можно было бы сидеть, и три медвежьих шкуры. Я всё нашёл – им повезло. По ходу дела я объяснил французам, зачем в сундуке играет незатейливая, но тревожная мелодия при повороте ключа – конечно, для того чтобы хозяин, который после обстоятельного обеда задремал на втором этаже в своей опочивальне, услышав её, сразу же проснулся и забеспокоился».*

Олег Рябов – певец одиночества как архетипа. Париж – одинокий город, полный влюблённых пар. Гостиницы одна к другой повернуты фасадами. И одинокий герой рассказа ищет номер по причине того, что старуха, у которой тот проживал, так обошлась с ним. Это почти Раскольников – Тварь ли я дрожащая? И опять книжная ярмарка, блошинный рынок, кроссовки. Париж – как внешний панорамный экспонат. Изучение его. Как инопланетный объект проплывающий. И звучание внеземное его глухо отдаётся в гуле одинокого шага, одинокого человека, хотя мир кишит людьми. Париж изучаемый. И Париж обучающий.

Ну и, конечно, песня, ибо концерт продолжается.

Зрители на исходе...

* * *

«Однажды на чужбине Бунин как-то проговорился: мол, нет ничего лучше дневников, всё остальное – брехня, но возводить это заявление мэтра в абсолют я бы не решился. Есть у меня подозрение, что причиной столь неожиданного высказывания стал предмет воздыханий писателя-изгнанника. Дневник любимой ученицы чем не повод для комплимента, а истина это или просто красное словцо, – попробуй теперь разберись...» (Николай Юрлов).

«Слёзы луны» – так звучит следующий этюд, где такт сопровождается записями из блокнота. Автор словно играет сам и одновременно левой рукой записывает путевые заметки.

«Возле рубленой часоуенки, что стоит на берегу таёжного ручья, зацвела верба. Пока выборочно, только на самых кряжистых стволах, которые никак не назовёшь обычным кустарником, настолько высоко они устремили свои жилистые ветви, обрамлённые как будто для изящества серебристыми барашками. Купола, верба, небосклон – всё купается в лучах солнца, а его сегодня за городом даже с избытком».

Неожиданно в ткань журнала вплетается песня птицы. Это крохотная птаха. Зинзивер.

Кто слышал её пение, тот не забудет его никогда. Оно околдовывает. Оно заставляет быть неодиноким. Оно превращает Париж в город. А мост через Сену – в космос. И книги, книги звучат здесь. По-русски. По-свойски. Прямо на ушко. И губы мягкие, коровьи у музыки нашей.

* * *

И даже «Хамло» **Олега Черницына** – крылато!

Кто из нас не попадал в неприятные случаи на дороги? Когда твоё авто обгонял Некто и предъявлял тебе нечто в непристойных выражениях? В таких случаях я не останавливаюсь. А если останавливаюсь, то предварительно вызвав полицию и ГИБДД.

Но эпизод прозаический перерастает в музыку противоречий. И ничего, кроме разочарования, не приносит. Вообще звучание денег как металла не всегда музыкально.

* * *

Михаил Турбин «Артистический человек» (гомо сапиенс артист) – клавиатура вся вздыблена. Рядом со смычковыми начинает ласково пристраиваться гобой... само произведение – сплошная музыка и полёт её: *«Ближе к весне Глоткин тайно запил, подолгу отлёживался в постели, и театральные постановки прекратились. Как-то Зиновий Павлович зашёл его проведать и застал режиссёра в кальсонах, заправленных в валенки. На плечах мастера свешивалось до пола шерстяное одеяло, а на голой шее висел красный галстук. Глоткин что-то репетировал, держа в руке гранёный стакан. При появлении гостя переложил его в левую руку и протянул ему правую для приветствия. Видно было, что он находится в крепком подпитии. Не извиняясь за свой вид, кинулся искать второй стакан, но Зиновий Павлович наотрез отказался от угощения...»*

И люди, люди... соседка Скоролётка, которой Зиновий Павлович отремонтировал телевизор, и отъезд его в другой город, где была куплена на задворках хрущёвка, и скитание по помойкам в поисках куска хлеба и бутылки. Вот тебе и артистический человек! Но где же выход? Ибо музыка всегда взмывает вверх, в простор, к звёздам. Особенно вот к этой – махонькой, как жгучая причёска Ларисы. Как рыжий кот. Рыжая земля. Музыка тоже красная-красная, небо синее-синее. И всё разливается в неге симфоний!

* * *

Александр Орлов – поэт.

И этим всё сказано.

И пропето.

Мы часто спорим, что такое настоящая поэзия, что такое хороший текст. И как это воздействует на читателя. На каком уровне? Отвечу: на музыкальном. Внутренне ухо человека настраивается особым камертоном на восприятие. Вот вроде бы слова такие, как у всех, но как звучит! Как поёт! Откликается:

*Помню, учили меня быть надёжным и смелым.
Всё изменилось с тех пор, но иду я к тебе,
Роца, где дед закопал навсегда парабеллум,
Где ждал связного не раз на медвежьей тропе.*

Само тело стиха – скрипка.

Запятыя – смычковые.

И получается свадебная, тягучая, поднебесная песнь.

Я не знаю, какими словами передать то особое состояние, когда видишь настоящее, подлинное, чувственное...

*Читай, молељица, про кимен,
Я ухожу в студёный свод,
Пусть будет он гостеприимен...*

...молитвы скрыли перемат... вот именно – скрыли. Укутали в свои шелка, подложили ситцевый плат, замотали кистями, застегнули на застёжки. И нет его – мата-перемата. А есть одна колодезная глубина оркестровой ямы:

*Не жил я в эпоху носильных коммун,
В курганах не взрыл артефакта,
Но слышал, как сладко поёт гамаюн
В чащобах Смоленского тракта.
И в пенье дремотном красив и блажен.
... Ушёл навсегда поневоле,
Скрывая на сердце щемящий нарыв
С подсушенным привкусом соли.*

Подсушенный привкус соли. То есть до кристаллов, до сухих стекляшек вкуса, до щемящей голый правды. И в то же время неги соучастия, сорадости, соболи. Есть соль четверговая. Есть соль каспийская. Есть соль каменная. Здесь соль – как три в одном. Она и святая и грешная. Но как будто настоящая на травах и солнце, протёртая в муку, промытая до сердца, взмывающая соль!

* * *

Андрей Расторгуев:

*И даже в беспросветные года
склонись над чёрной прорвою в затоне
и зачерпни – прозрачная вода
останется на вымытой ладони.*

Лёгкая колыбель. Чистейшая в пастельном тоне. И всё в ладони – вся музыка в ладони! Как чудесная бабочка воспаряющая. Ибо полёт – тоже поёт...

* * *

Валентина Коростелёва:

В ТЕПЛЕ

*Принимаю день сегодняшний,
Каждым часом дорожу.
Пусть глаза порою мокрые,
Да зато душа в тепле.
Ночь ушла. Заря за окнами.
Чай горячий на столе.*

Здесь трагедия и мудрость в сочетании с простым и домашним. Молитва кажется по-детски и тепло рассказана, как сказка бабушки для внука. Травинка становится нежным ковром, половичком у порога для дальних странствий. Уют простого русского дома, куда хочется возвращаться после торжественного гимна, ухода под марш Славянки, отплытия под строгий набат, взлёта под колокольный звон. И Валентина Коростелёва стойко строит свой дом – дом поэтической теплоты после горя, дом, где печь и уют после дальних странствий.

ОБЪЯТЬЯ

*Стареют сёстры, братья
На гребне маеты, –
И лишь твои объятия
Надёжны и чисты!*

И если ты вернулся в дом, то, конечно, объятия, пироги-блины, салфетки на комод, статуэтки, хрупкий и в то же время постоянный мир, держащийся на музыке.

* * *

Геннадий Рязанцев-Седогин – философский, бытийный, обоснованный на строгости молитвенный поэт. Ибо пред ним всегда икона. Такое впечатление, что поэт пишет в ожидании сошедшей благодати, ибо не помнит ветка, что была мертва...

И никто не помнит этого.

*Не помнит ветка, руки протянув,
Как расставалась с птицами ночами
И как забылась, с трепетом вздохнув,
Объятая холодными лучами.*

...воспоминания стёрты музыкальной тишиной. Ибо это тоже надо уметь слышать, понимать, созерцать и этому внимать, сочувствуя. Геннадий сочувствует всему, что рядом с ним. И иже с ним. Возле него. Ибо объём души – необъятен. Он расстилается повсюду, где есть тишина, музыка. Необычайная. Тончайшая. Величественная. Вот-вот и взметнутся смычки горячие... и всё идёт путём зерна...

ЛЮБОВЬ

*Мы просто шли
Тропой тенистой сада.
Мы шли через века,
Несли свою любовь.
Любила стены ты
Старинного Царьграда,*

путём зерна – любовь.

путём зерна – музыка.

И тем она музыкальнее, чем неслышней. Чем потаённой.

И вот-вот услышится и увидится. Ибо имеющий уши – услышит. Имеющий глаза – увидит!

Но слух в ином камертоне. В лёгкой прихоти оркестра.

И слышу я. И вижу я. И всё-всё шелестит, поёт. Молится!

* * *

Олег Будин:

*Опять недобрая байда
Перед границами России.
Оставьте ваш надменный пыл:
На Украине русских больше.*

Историческая кантата – так бы назвала творчество Олега Будина. И очень признательна ему за экскурс вглубь Руси. Как говорил Писарев: «Их экскурсии в немецкие книги можно назвать наукой...»

*И озверелость киевской орды,
Которую привёл к режиму Запад.
И украинец ты или москаль –
Режиму безразличен чей-то статус.
...И всё-таки Европа не учла,
Что русский крест не ведает износа.*

Именно так – русский крест не ведает износа!

Ибо сам крест – это вечная музыка гибели и возрождения. Распятия и воскресения из мёртвых. Это Голгофа и музыка нежности небывалой. Великой любви. Это знание – что вот-вот тебя распнут рядом с проституткой, разбойником, но ты всё равно идёшь на эшафот. Ибо он не ведает износа. Всё, что нас не убивает, делает музыкой!

*А Мариуполь жив. И Соледар...
Там одурял пороховой угар,
Там в канонаду глохли перепонки –
Не прячьтесь за гражданскими, подонки.*

И вправду... не поможет... не простит... выкурит. Ибо несём мы крест русский. Крест небесный. Крест в руках несём. В сердце. Мы и сами становимся крестом этим. И уже нам износа нет. И передаем мы крест детям нашим. Они внукам. И деды наши, сгибшие на войне, тоже несут крест этот. Большой Крест. Русской музыки.

* * *

Ярослав Мальцев:

НИТОЧКА

*Мы живём на тоненькой ниточке.
Щупленькие тела на тоненькой ниточке.
Во мраке бесконечности.
В пустоте безбрежности.
...И мы предаём друг друга,
Мы предаём ниточки,
Мы предаём жизнь.*

увы... автор прав...

Но он сам не предаёт музыку. Даже музыку предательства он пытается настроить на лирический лад. Он берёт гитару и –

АБСТРАКЦИЯ

*Мы играем в разные игры,
Мы создаём различные ценности,
Мы изобретаем абстракции:
Абстракцию государства,
Абстракцию нации,
Абстракцию религии –
И именно об этом нужно вести речь...
Абстракции же – всего лишь абстракции –
Их – в печь!*

НО и сама печь – тоже абстракция. Лишь реальны аккорды. Они внятны и неторопливы.

* * *

Дмитрий Аникин:

*Сколь же достойней, умнее не прятать
от правды священной
сердце и совесть. Давай собирайся,
муж благочестивый,
и собирай свой народ.
Там, где пенаты поставим, там будет нам
Родина – новой
уж не упустим возможности. Станет Империей
Вечной.*

Здесь автор ловит колебания звуков. Их млечные пути. Ибо каждый звук имеет свою солнечную траекторию. Автор подытоживает её:

*Так всё и будет. Русская судьба
здесь решена, а в общем, на просторе
сильна, свободна, многие народы
ей покорятся.
Где нас остановят?
Кто остановит?*

Да никто! Ибо музыка не останавливается. Она из космоса льётся. Она в простор внедряется. Врезается в марсы и луны. Она самостоятельная единица.

* * *

Кристина Арзуманова:

*Что с нами случилось? Как скальпель, язык,
Тот самый, что мудр и велик.
Давно обесценены Божьи азы,
И мир переходит на крик.
...Пока наши парни в кровавом дыму,
Не зная покоя и сна,
Воюют за то, чтоб в далёком тылу
Нас всех обнимала весна.*

Объятия весны – это пение соловьёв. Это роскошь красок. Это лаковый язык трав. Это кедровый запах. И это объём. Объём объятий всегда музыкален!

*Всё понятно мне без «или» –
дело движется к концу,
Просто нас приговорили
вновь к терновому венцу.
Дай мне руку, я с тобою,
Посмотри, как твердь легка.
И часы – кукушка с боем –
Разгоняют облака.*

Кристина полна веры в лучшее, в исконное, в путь вечности. А мы лишь винтики на этом пути. И мы то, что привнесёт в мир покой. И тот самый долгожданный мир. Ибо мир – это ядро!

* * *

Елена Колесникова:

*Эпоха осени – развёрнут на рассвете
Зелёно-рыжий флаг – куда хватает глаз.
Покой и радость дней первовенчальных этих,
Я признаю отныне только вас –*

Стихи, как дыхание. Стихи, как листья осени. Стихи, как снег на ладони. И весь мир – стихи.

*Оттенка карминовых листьев
Последний написан закат,
И веток рябиновых кисти,
Ещё не просохнув, стоят.
... Увижу я новую землю,
Принявшую светлую смерть.*

* * *

Дорогой Игорь Николаевич!

Сердечно поздравляем с 70-летним юбилеем!

От всей души желаем творческих успехов, каскада идей и их воплощения, любви читателей и самых близких людей, радости, света и добра!

Александр Орлов «БЫТЬ В ДОМЕ СВОЁМ...»

«В стихах **Игоря Тюленева** всегда ощущается широта и глубина русского народа, от которого поэт неотделим. Он обладает редким качеством – быть услышанным и понятым любым читателем. Его всегда можно представить на поле брани в кольчуге, шлеме, с карающей врагов палицей, не боящегося в одиночку выступить против надвигающегося полчища. Но при этой нескрываемой воинственности ощущение сердечности никогда не оставляет во время чтения его стихов. Словно из строк перед нами вырастает один из трёх васнецовских богатырей, сильный и добрый, для которого слово и вера являются главным оружием».

И я присоединяюсь к поздравлениям!

*...Царапал небо веткой кипарис,
Дождь сквозь царапины
С небес струился вниз.
Вот в гроб сошёл упрямый Симеон,
Сказав: «Спаситель мира – это Он!»
Он с Христом, как с зарёй небосвод –
Расступаются земли и воды
Перед чистым сияньем небес.
И Урал, как большой волнорез,
Рассекает стада и народы.*

Пока есть такие поэты в мире – поэзия жива!

Пока есть такие стихи – жив мир!

* * *

**Редакция журнала «Берега», авторы и читатели сердечно поздравляют
Станислава Петровича Федотова с 85-летним юбилеем! Крепкого здоровья,
бодрости и энергии, творческого вдохновения и новых произведений!**

ПРИСОЕДИНЯЮСЬ!

И пишу далее портрет музыки. Ибо тело мы уже увидели. Нам осталось увидеть лицо!

*Отошли пятилетки в былое,
но, видно, напрасно.
Всё вернётся,
как водится,
снова «на круги своя».
Время требует счёта,
себя, как солону на прясло, –
Годы, сутки, часы и минуты – усердно вيا.
Прославляют ТВ антисанкций немислимый
вздор.
Счёт по-прежнему сводится
к невосполнимым потерям.
А у мира с Россией ведётся немислимый спор...*

Да, согласна, спор ведётся. Мир – он разный. И это не просто товарищ. Это то, когда в споре истина рождается. И даже музыка – это противоречие. Противоречие самой себя. Самоотрицание. Поэтому так пронзительно. Проникновенно. На надрыбе. Как душа и тело. Как лёд и огонь. Ибо мир – это Африка и холод Антарктиды. Это суша и море. Это небо и земля. И всё взаимно противоречивое. Как плюс и минус. Но он тем и полезен, тем и хорош:

ВОСПОМИНАНИЕ

*Почему-то вспомнил снова
Юность, скрывающуюся в старь...
Саша, Сашенька Бызова,
Комсомольский секретарь.
Без претензии на умность,
С виду скромные вполне,
Возратившие нам юность.
Ну, по крайней мере, мне...*

да, да... сама ностальгирую также. Но где же взять то, что уже ушло? И поэтому автор любит! Любит ушедшее и печальное, грустное и весёлое. И признаётся в этой любви всему живущему.

* * *

Геннадий Сазонов: «Родина – это люди...» К 110-летию со дня рождения Александра Яшина, поэта, прозаика, фронтовика.

«Что самое главное для русского писателя в нынешнюю сложную и противоречивую эпоху? Давайте вслушаемся внимательно в следующее искреннее признание:

“Оглядываясь назад, я думаю о том, как мы непропорционально много тратим времени на ненужные хлопоты (на всякие якобы теоретические изыскания и разговоры о сущности поэзии, путях её развития, о традиции и народности), когда нужно просто писать. Писать, у кого пишется. Писать, пока пишется. Писать, пока хочется, пока тянет к столу. Писать и писать, а там... видно будет, что чего стоит, кто чего может достичь. Разные же теоретические сочинения и выкладки пускай берёт на себя кто-то другой, из тех, кто, вероятно, умнее нас. А дело художника сидеть и трудом своим, постоянной творческой напряжённостью, сосредоточенностью и прилежанием расплачиваться за великое счастье жить на земле.

Много времени и сил тратим мы ещё на разные удовольствия, на чепуху, между тем как истинное удовольствие писатель может найти только в работе, за столом, за бумагой.

Трудно представить себе что-либо более печальное, чем подведение жизненных итогов человеком, который вдруг осознаёт, что он не сделал и сотой, и тысячной доли из того, что ему было положено сделать...”

Эти глубоко выстраданные слова написал Александр Яшин 24 апреля 1968 года, отвечая на “Анкету о народности поэзии”. А через некоторое время, 18 июня, писатель умер в одной из клиник в Москве. И это его последнее откровение вполне можно назвать “Завещанием Яшина” всем, кто ныне причастен к русской литературе – великой духовной реке, нескончаемо текущей во Времени и Пространстве. Когда я думаю о Яшине, человеке и художнике слова, я почему-то представляю начало весны, поздний вечер, крутой берег реки Юг, сосновый бор...»

Глубинный, хороший, чудесный очерк! Разбор творчества. Музыкальность клавиш. Большая опера счастья!

«После всего, что было увидено и пережито в страшные годы Великой Отечественной войны, Яшин с особой болью размышлял о судьбе русского народа, о его духовной силе, о его повседневных потерях и нестроениях.

“Война все чувства наши обострила”, – писал он на фронте.

Философское глубинное осмысление бытия невольно отражалось в поэзии и прозе и столь же невольно вступало в противоречие с принципами “социалистического реализма”, с реальной жизнью, которую видел и изучал писатель.

Поэту было тесно в заведомо поставленных рамках, он понимал, что бытие народа гораздо сложнее, гораздо разнообразнее, чем какие-либо “директивы”. Он пытался вынести на суд совести и себя самого, и народ, и страну, не давая поблажки никому. Яшин поднимался на ту высоту, о которой великий Николай Некрасов сказал: “Кто живёт без печали и гнева, тот не любит Отчизну свою”.

А что получалось на практике?

Ещё в 1947 году Александр Яшин собрал сборник стихотворений “Живая вода”, где попытался сказать о своих новых чувствах. Книга не вышла...»

но она написана была...

но она пела...

она здесь!

*Скучный и злой, наверное, был
Тот, кто, надев мундир,
«Мёртвую природою» окрестил
Весь этот добрый мир.
...Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, больной, скрывая свой недуг,
Он, написавший столько мудрых книжечек,
На целый день расстраивался вдруг...*

* * *

Александр Лобанов пишет о Владимире Подлужском. Пишет по-военному прямо, чётко. Статья называется «Мой великий друг: «Вдруг стук в дверь. Входит скромной наружности, невысокого роста, седовласый, но совершенно не старый гражданин. Меня ему тут же представили, явно как некую диковинку: офицера, сочиняющего стихи. Присаживается он и буквально начинает пронизывать взглядом. Глаза у него добрейшие, но рентген. Душу просканировал за каких-то несколько секунд. По улыбке на тонких губах понял, пришёл я ему.

Это был Он, мой друг...»

*На Казанский праздник, как и век назад,
Весело зажинки начинают в лад.
И откуда столько тут не старых лиц,
Нива держит стойко баб и молодиц.*

(Вл. Подлужский)

Знаю, что многие вспоминают этого поэта с теплом. Люди помнят хорошее. Люди верят в хорошее.

«На счастье, Коми республика в своё время расщедрилась на строительство современного кардиологического центра. Возвели сие чудо турецкие специалисты. Добродно, надо признаться. В Центр были приглашены известные кардиохирурги, кандидаты и доктора медицинских наук. Ими подготовлены впоследствии свои, замечательные врачи. Они тогда спасли нашего великого поэта. Смерть, не солоно хлебавши, отступила. Как тогда хотелось верить, что надолго. Судьба отпустила ему несколько ещё недолгих лет. Он с головой погрузился в литературу. Писал, писал, писал. Каждое новое стихотворение обязательно начитывал мне по телефону и непременно по два раза, чтобы расшевелить мою интуицию, он ей доверял...»

Вот думаю, можно ли научить слову поэтическому? И сколько не смотрю на людей – все учатся. Проходят через всё – тернии, критику, но учатся. Честно скажу, тоже на Фейсбуке (ныне исчезающем в наших интернетах) дружила с Подлuzским. Очень добрый человек он... И он, как планета, притягивал к себе людей.

«Припомнилось выступление Подлuzского на поэтическом марафоне. Тогда он уже был в немилости у местной литературной “элиты”. Когда ему передали эстафету, что выражалось в накидывании на плечи белого атласного шарфа, руководители правления филиала СП по Коми откровенно встали и покинули зал. Унизили вроде как...»

Добродушный и совершенно безобидный дедушка Щукин, в своё время известный коми писатель, борода совершенно белая, чуть ли не по пояс, в шутку звали его наш Лев Толстой, зачем-то стал суетно бродить между стульев. Скорее всего, был ошарашен невиданной чиновничьей выходкой. Среди приглашённых зрителей, в основном студентов, часть которых господа чиновники показательно увели, возник гул. Владимир выдержал паузу, взял себя в руки, успокоился и начал читать так, как стихи Подлuzского мог читать лишь один человек – Подлuzский. Гул через минуту прекратился. “Лев Толстой” застыл на стуле и слушал, раскрыв рот. Тишина, только голос Владимира Всеволодовича. Волшебные стихи, волшебная сила искусства. Прошли годы, великого поэта в миру уже нет. Как будто... Но он с нами, он со мной. Всегда и везде. И его гений всё так же ярко освещает литературное пространство не только нашей республики, но и России ярким неповторимым светом».

Голос – это тоже пространство поэта. Пока жив поэт, голос должен звучать. Ибо голос – это особая музыка склада речи, её уклада, её миропорядка, её космоса.

И видятся горы мне, поющие в «Берега».

И видятся мне моря вспенивающиеся.

И слышится мне дивная-дивная музыка правды!

СВЯЩЕННОЙ!

* * *

Лилия Козлова «Героический прадед – подполковник Ф. М. Сидоренко»:

«Фёдор Матвеевич Сидоренко – первый военком Гвардейского райвоенкомата. О своём героическом прадеде знают мои внуки и его правнуки – Максим и Ярослав, будущие защитники Отечества. Родился Фёдор Матвеевич 20 апреля 1907 года. Рано остался без отца. Батрачил на кулаков, окончил два класса. С 1929 года служил в Красной армии старшиной, а в 1936 году окончил курсы командного состава. С первых дней войны был в действующей армии. Начинал на Юго-Западном фронте, а в сорок втором окончил курсы “Выстрел”. Был назначен командовать полком. Служил на Западном фронте в составе 338-й стрелковой дивизии, в должности командира полка. До конца войны находился на 3-м Белорусском фронте, в составе 31-й гвардейской стрелковой дивизии, в должности командира 99-го гвардейского стрелкового Краснознамённого полка. За короткий период пребывания в дивизии полковник Сидоренко проявил себя способным и волевым командиром.

В феврале 1945 года у Фёдора Матвеевича за боевые отличия уже было три ордена Красного Знамени и два ордена Суворова третьей степени, орден Красной Звезды, медали “За взятие Кенигсберга” и “За победу над Германией” и т. д. 18 апреля 1945 года полк вступил в бой на подступах к городу Пиллау. Отбивая многочисленные контратаки противника и ведя тяжёлые бои, овладел городом...»

*А за окном черёмуха цветёт,
Но на парад он больше не пойдёт.
Лежит в постели, ноги отказали.
«Не встанет он», – жене врачи сказали.
Но он не верил и пытался встать...
(Лилия Козлова)*

Он пытался встать. Это высокая нота. Высочайшая!
Но это ещё не кульминация. Это вихрь!

* * *

Аркадий Мар из Нью-Йорка. Он словно сшивает своим песенным текстом два континента. Два полушария. Два моста. Три моря. Десять стран. И сушу.

«ДЕНЬ ПОБЕДЫ»

Рассказ

Сон вдруг подёрнулся рябью, расплылся, и Алишер понял, что проснулся. Он не открывал глаз и напрягался, стараясь вспомнить и связать цветные нити этого сна, но с каждой секундой спать хотелось всё меньше и меньше, и Алишер вздохнул. Всегда у него сон прерывается на самом интересном месте. Алишер потянулся, зевнул. Наверное, нужно вставать. Дома его всегда будит мать. Она тихо подходит к кровати, наклоняется и что-то шепчет в ухо. Становится щекотно-щекотно, даже чихнуть хочется. Алишер, не открывая глаз, обнимает маму за шею и, пока мама несёт его умываться, досыпает у неё на руках. Но сегодня Алишер ночевал у деда. У мамы премьеры, и ей нужно подготовиться.

Вчера мама, наверное, сто раз целовала Алишера и шептала: “Я так боюсь, сынок, так боюсь”. И чего ей бояться, непонятно? Ведь она танцует лучше всех.

Каждый день, утром и вечером, мама идёт в театр на работу. Утром на репетиции, вечером на спектакль. Мама работает балериной. А если совсем точно, в первой линии кордебалета. Иногда мама берёт его с собой. Тогда Алишер сидит на деревянном стуле с резной спинкой, грызёт яблоко и смотрит. Человек в чёрном свитере со смешным именем “балетмейстер” размахивает длинными руками, каждую минуту хватается за голову и кричит: “Стоп, стоп. Как вы не можете понять!”»

Здесь небольшой эпизод из жизни деда. Имя внука Алишер. И в этом имени тоже музыка. И весь рассказ – напев. Именно напев – перед колыбелькой, перед кроваткой, когда уже пора спать, но не спится. И глаза внука полны любви. И глаза деда тоже. И всё, что происходит событийно, теряется в самом взгляде. И находится в нём же. Как Петькина голубятня. Как праздничный салют. Как нечто огромное и пламенное по имени «музыка жизни»!

* * *

Алина Баева – известный поэт из ДНР:

*Я знаю, как поёт система «Град»,
Ведь до неё лишь пара километров,
Снаряды колокольцами звенят,
Царапаясь о плащ ночного ветра,
Уже не страшно, просто привыкаем,
Лишь ненавидим тех, кто виноват,
Что в подземелье мы рассвет встречаем
И знаем, как поёт система «Град».*

Звуки... канонада... боль... музыка самой смерти.

*Не под сводом церкви или храма,
Не в священном месте, не в святом,
Раз за разом сын твердил упрямо:
«Научи меня молиться, мама!» –*

*Два сухаря, что лежат про запас, крысы, грызущие пыльный палас,
Дырки от взрывов в соседской стене, из изоленты кресты на окне,
Бабушкин грязный пуховый платок, кровью залитый, верёвки моток,
Старая книжка стихов о войне, флаг ДНР на холодной стене,
Из теплосети разорванной пар, техника, что нанесёт артудар,
Фото отца (от него нет вестей) – вот вдохновенье донецких детей –
Тех, что с войной познакомились вдруг и позабыли про солнечный круг.*

Алина Баева – поэт созерцательный. Она рядом. И извне. Она вместе.

Вообще поэзия складывается из деталей. Наблюдений. Здесь дети. Они в подвалах. Иногда смотрю на нашу литературную почтенную публику и дивлюсь: вот где настоящее сейчас. Там, в Донецке. А не бытийной, мещанской тёплой и уютной жизни. Конечно, и то и это имеет право на жизнь. Но настоящая, исконная – именно у Алины Баевой. Она трогает до слёз. Она потрясает. Она даёт надежду. Большую.

С некоторых пор я не могу читать что-то иное, если это не про СВО, не про нашу страну. Ибо там, где больно, там и стих. Где народ мой, там и поэт. Где страна моя, там и поэзия.

* * *

Юрий Хоба «Место обитания – Донбасс»:

«Награду Фотинья вернула полтора месяца спустя, когда командир самоходчиков зашёл попрощаться со своей спасительницей. Вслед за ним в ординаторскую ввалились четверо его однополчан. По случаю мартовского тепла расхристанные, без шлемов, у говорливого бинты уже сняты, в одной руке полиэтиленовый пакет, из которого выглядывает зелёный чубчик ананаса, другой смущённо потирает огрызок левого уха.

– Не обессудьте, Златовласка вы наша, – повинулся одноухий. – Поляны с подснежниками все заминированы, а единственный в вашем городке цветочный магазин закрыт по причине болезни продащицы. Поэтому вместо букета примите нижайший поклон.

– И вам спасибо, парни... Как за что? Доброе слово не только кошке приятно.

– Позвольте сказанное считать тостом? – вскричал одноухий.

– С тостами повременим до лучших времён, – возразила Фотинья. – Да и ухом бы стоило заняться. Чтобы не травмировать психику будущей невесты. Кстати, где это вас угораздило?

– Командир оторвал, – рассмеялся одноухий. – Чтобы злее бил нациков».

Всё, что связано с Донбассом, – уже подвиг. Сам Донбасс – подвиг. Люди – герои. Живут, сражаются, противостоят. Там всё пахнет взрывами, лоскутками пространства, кожей листьев, кровью...

«На какое-то мгновенье Фотинья почувствовала, как исцарапанный танками асфальт качнулся под ногами. Однако не позволила ему, по примеру больничного коридора, занять вертикальное положение.

Лишь потемнела лицом. Но, может, это просто набезавшая тучка уронила скорбную тень на островки цветущей черёмухи, спасённые одноухим ополченцем фиалки и рыжего с белым котом, который игрался кончиком косы цвета омытого в горном ручье золотого самородка...»

* * *

Лидия Довыденко «Багратионовск – город русской славы»:

«Мы овладели Эйлау.

Ночь прекратила битву.

Город остался за нами.

Денис Давыдов

Приехав в город Багратионовск Калининградской области, я иду туда, где устремлён в синеву неба золотыми куполами великолепный православный храм Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Поднимаешь голову к куполам церкви: “Мы скромны и смиренны, – говорят они. – Мы только стремимся в мир небесный, мы не достигаем его, но совершенство и красота там”. И ловишь себя на мысли о встрече не с новым, а с вечным: “Возвысь взором и сердцем своим”, – говорит с тобой

белоснежный храм, ставший образом единения, целостности, согласия, устремлённости человека к божественному, к тому, что “не проходит”. Войдя в храм Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, ты вспоминаешь евангельское: “Войди и согрей своё сердце”. Идёт крещение крошечной девочки, одетой в крестильную рубашечку. Молоденькие крёстные родители нарядно одеты. В храме много света, торжественности: “Заходи же, здесь свет, и этот свет есть Любовь”.

Факел ангела на церковной огаде высвечивает героическую битву под Прёйсиш-Эйлау в 1807 году...»

Речь идёт о том, как отстаивали город во времена войны с французами. Ибо война пришла сюда не первый раз. Это историческая песнь главного редактора журнала. И это глубочайшее исследование – русский град пред нами. Русский Багратионовск!

«Участник битвы – Алексей Петрович Ермолов, генерал от инфантерии и от артиллерии. Герой Отечественной войны 1812 года, участник Кавказской войны 1817–1864 годов. В сражении при Прёйсиш-Эйлау тогда полковник А. П. Ермолов командовал конной артиллерией и проявил решительность и храбрость. В битве при Прёйсиш-Эйлау героически проявили себя будущие декабристы: Сергей Григорьевич Волконский, награждённый здесь “золотой шпагой”, Фёдор Григорьевич Кальм, отмеченный за героизм в сражении золотым крестом. После восстания декабристов в 1825 году С. Г. Волконский, оказавшись на допросе перед Николаем I, в ответ на повышенный тон царя произнёс: “Не кричите на меня, я был ранен при Эйлау”. “Храбрость и распорядительность” проявил граф, генерал-майор, самый молодой генерал в русской армии – в 22 года получил это звание – Александр Иванович Кутайсов, погибший в Бородинской битве. Казаки Платова чуть не пленили Наполеона на кладбище Прёйсиш-Эйлау. Этому помешало лишь то, что казацкие кони не пошли через могильные плиты и памятники, за одним из которых застыл от страха Бонапарт».

Широка история города. Пронзительны воспоминания Дениса Давыдова. Он яркий представитель военной интеллигенции того времени: после пламенных и ожесточенных боёв с французами под современным Калининградом Денис «получил в награду за подвиги именную саблю и ордена». Это ли не престиж? Потом были сражения, совместные с турками под началом героя Якова Кульнева, они-то как раз и принесли Давыдову должность командира батальона Ахтырского гусарского полка. А с самого начала, с первых дней Отечественной войны 1812 года Давыдов с отрядом подчинённых неожиданно и молниеносно для врага появлялся в самых опасных местах. Об этом, именно об этом – о столкновениях с неприятелем у деревни Мир (под русским Смоленском) – Денисов-предводитель описал в прозе и стихах. Звался он – путеводительной звездой людей в красных мундирах. А в самый канун славного Бородинского сражения генерал Михаил Барклай-де-Толли тогда собрал партизанские отряды из самых находчивых и храбрых солдат. Вот тогда и спонадобился «эскадрон гусар летучих», сгодился храбрый Денис Васильевич за «дело под Ляховым», где он получил ряд почётных наград для Руси ратной!

Это и есть симфония войны. Как шестая симфония Ленинграда.

И звучит она в очерке Лидии Довыденко.

Честно.

Ярко.

Пронзительно!

* * *

ДАЛЕЕ: **Андрей Маруденко** беседует с князем Н. Д. Лобановым-Ростовским.

Андрей Маруденко – политический консультант, общественный деятель, публицист, Москва.

«Никита Дмитриевич – человек крайне разносторонний, кладёшь знания, связей и опыта. С ним можно говорить на любые темы – от искусства и этикета до вопросов мирового шпионажа, политики в Афганистане и влияния семьи Ротшильдов. В нём – энциклопедия нашего времени. Поэтому нам – тем, кто его хорошо знает, важно запечатлеть этот исторический слепок середины XX – начала XXI века. Свидетельства Никиты Дмитриевича неожиданно приоткрывают завесу многих событий, что позволит будущим поколениям увидеть в нюансах это время таким, каким его видел наш дорогой князь. Этим я и руководствовался в создании книги “Диалоги с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским”, часть из которой представлена здесь вашему вниманию. И называется “ДИАЛОГИ”».

Жанр диалогов – это эпизодический, углублённый повод рассказа. Это похоже на маленький детектив про шпионов, английскую спесь, лицемерие, дикий Запад, это рассуждения и пристрастный рассказ, переходящий в зов...

Англия.

Париж.

Живое и присущее. Человек видит изнутри и пытается поведать миру свой взгляд на уклад.

* * *

Никола Р. Казански (БОЛГАРИЯ):

«О дворянстве

По мнению специалистов, русская аристократия, или точнее, российское дворянство, сформировалась как отдельное сословие в период XVI–XVII вв., когда Великое Княжество Московское избавилось от ордынского вассалитета. Именно при дворе государей Московских формировалась та прогосударственная и монархическая элита, которая сможет преодолеть и Смуту начала XVII века и станет активной соратницей по созданию Российской империи в XVIII веке. Слово “дворянин” буквально означает “человек с княжеского двора” или “придворный”. В основном все аристократические семьи – “княжата” как доордынского, так и ордынского периода (1240–1480) были или потомками князя Рюрика, ставшими именоваться Рюриковичами, или потомками Великого князя Литовско-Русского Гедимина, получившими в дальнейшем прозвище Гедиминовичей, и наконец, в третью группу старой, доимперской аристократии входили потомки казанских, половецких, черкесских, крымских и других властителей. Или, как говорилось в народе, “беглый татарский князёк на службе у московского Царя”»...

И я понимаю, что, несмотря на разделения, – мир един.

Все хотят – весь род планетный, чтобы было светло и уютно. Чтобы было добро. И рай на земле. Ибо для этого устремлены умы наши. Рассуждения.

* * *

Анатолий Байборodin – прозаик, публицист. Член Союза писателей России. С 2017 года – главный редактор журнала «Сибирь», «Противостояние тьме» (О книге Александра Орлова «Купель покаяния»):

*«Азь есмь истинная виноградная лоза,
а Отец Мой – виноградарь.*

*Всякую у Меня ветвь,
не приносящую плода, он отсекает;
и всякую, приносящую плод,
очищает, чтобы более приносящую плод.*

Ин. 15:1–2

Высокое духовное достоинство книги Александра Орлова “Купель покаяния” в том, что писатель мировоззренчески не опирается на мудрость мира сего, ибо апостол Павел поучал: “...Мудрость мира сего есть безумие пред Богом” (1 Кор 3:18–19). В мудрости мира сего, мудрости дольней, нет вечных...” душеспасительных истин, кои таятся лишь в мудрости божественной, мудрости горней. А посему помянутая книга Александра Орлова не оглашает идеи суетного мира, преходящие, заполошные, обманчиво увлекательные, иногда смертельно опасные; нет, истории, запечатлённые в рассказах, прямо или косвенно обретают христианское осмысление...»

Книжники и фарисеи, что любят красоваться внешней набожностью, брезгливо и высокомерно созерцают, обличают грешный мир, а герои книги, в чьих душах негасимый свет православной веры, будучи нетеплокровны, воплощают любовь ко Всевышнему в деятельной помощи ближним. Таков своеобразный по характеру Дмитрий Ружников из рассказа «Мостырник», что разочаровался в суетном мире, тем паче обезбоженном, и, отслужив в десанте, принял монашеский постриг. Послушник восходил к святому житию, но сорвался – побил ряженого казака, долго и скверно оскорблявшего его, и был изгнан из святой обители.

* * *

Александр Орлов «Купель покаяния» – приведу несколько фраз из этой книги:

«Если народ теряет веру в Бога, то его постигают бедствия, а если не кается, то гибнет и исчезает с лица земли. Сколько народов исчезло, а Россия существовала и будет существовать. Молитесь, просите, кайтесь! Господь вас не оставит и сохранит землю нашу!»

«Как только я подошёл к ней, получил сокрушительный удар по щеке, у меня на мгновение потемнело в глазах, чуть повело в сторону. А рядом с мамой стояла наша соседка тётя Шура, которая подозвала своего внука, моего закадычного друга Андрея, и врезала ему ещё сильнее...»

«Господи, как я стеснялась, из дома выходить лишней раз не хотела, всё понимала, что глазеть будут, и плакала...»

Книга рассказов. Книга взывания. Книга книг.

А. Байбородин ведёт честный и ёмкий разбор многих рассказов, опираясь на историю. И тем ценней книга, что она о жизни и любви. Даже зеки имеют право высказаться. Это книга-милосердие. Книга-познания себя. Книга-познания мира. И нас в мире сём!

* * *

Елена Крюкова:

«Александр Кердан вырастил шесть таких поэтических и прозаических лесов. И тут даже дело не в юбилее, не в возможности отметить свою хорошую, торжественную дату со дня рождения весомой, значимой работой. Дело тут в совокупности этих возможностей – в обретении себя на земле, в счастье художественного высказывания, в творческой радости большой личности».

Елена Крюкова – музыкант, поэт, эссеист, прозаик, исследователь пытливого этого огромного чуда – литературы русской. Во всех её страстях и мучениях. В родах. Как принимающая роды. В смерти, как призывающая к жизни. В пределе, как вечности. И выстилает она вечности полы да потолки, кружева на полки кладёт. Украшает вечность! И всегда музыку присутствующую слышит.

«Автор обнимает и мыслью, и сюжетом большие времена – эпохи.

Первый век нашей эры, Рим: эпоха Христа, первых мучеников за Христа, колоссальной драматической силы столкновения христианских максим, гласящих о любви как о параллели Бога, как о первом признаке бытия Божия, и злобы людской, неистребимой и узнаваемой, в борьбе с которой либо гибнет, либо укрепляется человек, поднимаясь до бесспорных нравственных высот. После изображения Рима перед нами предстаёт другое историческое время и другие страны – Первый Крестовый поход, Испания, Иерусалим, а потом тяжёлой волной, девятым валом трагедии наваливается Семнадцатый век – век колоссального кровопролития на землях Украины. То время и для Руси-России было неизмеримо болезненным, полным духовных сражений и подлинного ужаса: это пограничное, терминальное время русского Раскола, когда схватились, в битве за древние книги, царь Алексей Михайлович и Никон, с одной стороны, а с другой – опальный протопоп Аввакум.

Александр Кердан, погружая читателя в исторические бездны и в человеческие борения и страсти, говорит нам прежде всего о вечности человеческих чувств и о вечной тяге человека – познать ход времён и принять участие в переустройстве Мира. Человек всегда стоит перед выбором – его предоставляет человеку Господь. Да, история – это бушующий океан, и не всякий пловец его преодолет, не всякий капитан доведёт свой корабль до пристани без лоции. Судьбы иной раз безвозвратно тонут в море времени. А в памяти людей остаются герои – те, кто отважился пожертвовать своей жизнью во имя великой – и часто не личной, а общечеловеческой – цели. Воин, павший в бою давным-давно, в чуждой стране, в незапамятные времена, улетает душою в небо, не ведая, что станет живым звеном, соединяющим цепочку поколений...»

Скажу от себя – Александр Кердан очень мозаичный писатель, он выстилает свой путь из Уральских лесов, из войны, из мира, из пагубы и жизни. Он – гордость Урала, его гор и рек. Скал и городов. Дымный Урал. Исторический Урал. Цельный Урал. Урал – как республика. Как непроходимый лес. И не впускай сюда никого, кроме Хозяйки Медной горы и Данила-мастера. И высекай свою чашу Каменную из своих томов. Из своих книг гранитных, товарищ Александр!

*Бежит мальчишка, а навстречу
Ему едва бредёт старик...
Сойдутся, как рассвет и вечер,
И разойдутся в тот же миг.*

...могуч.

Искрящийся!

Воюющий!

И мирный!

Ибо мир – это тоже война для начала. И для рода людей!

«И шестой том естественно, с внутренней грацией и гармонией продолжает пятый; здесь опять стихи, но ещё пригоршни словесных сокровищ – песни, переводы, сказки, очерки. И много светлых, торжественных, звонких нот тут звучит, оркестр природы подчиняется дирижёру-поэту! С течением жизни мы начинаем лучше и глубже, любовнее слышать и видеть природу, – мы становимся ближе к ней, нам внятны голоса земли, зверей, растений, мы видим лик небес».

«Пуговицу-ворчунью и Царевича – золотые ножки, Медведя, героя-Солдата и важного Генерала, Попа и Поповича... В этих сказках – Россия, старая Русь: с её чудесами, с её заговорами и ведуньями, с её противостоянием самого нижнего и самого верхнего, владычного, с её поиском справедливости и счастьем любить. Да, эти сказки полны любви и света. И это главное в сказках. И – главное для писателя.

А какой писатель без очерков? Очерки Александра Кердана не столько журналистские, сугубо документальные, сколько писательские, художественные. Они сочетают в себе качества эссе, прозаических этюдов и собственно очеркистской стилистики...»

ПОЮЩАЯ.

ГИМНОВАЯ.

МАРШЕВАЯ.

мелодия...

мелодия...

И всё – есмь мелодия...

КАК всё-таки очаровательно слово!

***

Вера Сытник «Переключка между прошлым и настоящим» (О творчестве Натальи Советной).

«Мне посчастливилось несколькими годами ранее лично познакомиться с Натальей Советной на Международном Славянском литературном форуме “Золотой Витязь” в 2019 году (проходившем в Пятигорске) и прочитать её книгу “Угадывай любящим сердцем”, победившую в номинации “Публицистика”. Было удовольствием писать рецензию на книгу, как сейчас – радостно встретиться с ещё одним творением замечательной писательницы. Новая книга называется “Кремень” и включает в себя роман и две повести.

Разные, на первый взгляд, произведения объединены общей устремлённостью к доброте и духовности, к свету и любви, к прощению и милосердию. Перечисленные мотивы характерны для творчества Натальи Советной, которая в своих произведениях выступает как проповедник православного христианства. Каждое слово проникнуто верой в Иисуса Христа, в Его милость и власть над всеми живущими на Земле. Писательница говорит с читателями искренне и прямо, доверяя их чувствам и разуму. Такая позиция обусловлена бесконечным дружелюбием, позитивным мировоззрением и оптимизмом автора. О чём бы Наталья Советная ни писала, всё является проекцией её отношения к жизни, центр которого – духовность. Наталью Советную интересует история и современность, которые на протяжении всей книги ведут переключку, сливаясь в повествовательный поток <...>.

Сложные судьбы рисует Наталья Советная, соединяя в одном художественном пространстве (поезде) прошлое и настоящее. Безотцовщина Миколки, о котором все говорят, что он “крапивник”, ибо принесён не аистом, его отыскивали в крапиве; бывший фронтовик Кудрин, которого

разыскала якобы погибшая жена и которую он принимает, прощая, вместе с её дочерью, родившейся в его отсутствие; старушка-попутчица, знавшая о партизанском прошлом Кудрина, – всё переплелось на страницах романа, всё нацелено на то, чтобы высветить во мраке прошлого зачатки сегодняшнего дня.

Драматичные картины Наталья Советная уравнивает восхитительными пейзажными вставками, которые, как драгоценные стразы, рассыпаны по всему повествовательному полю. Одна из таких “страз” встречается в разговоре Олеевского с попутчиком, белорусским режиссёром, взволнованно рассказывающим о минуте вдохновения: “Вдруг увидел, как спелые сочные грозди звёзд свисают с небес, словно с отяжелевших лоз, они склоняются ко мне, окунаются в озеро, вода которого и не вода вовсе, а всё то же, таинственное, бездонное небо. И нет грани между ним и землёй...”

Пейзаж у Натальи Советной несёт в себе не просто эмоциональную ноту, а предваряет или завершает событие, усиливая эффект воздействия на читателя. Это ярко показано в последней главе романа: “Зловещая, необыкновенно плотная, от самого горизонта – на полнеба, не туча, а огромная сливовая волна надвигалась на город с запада”. Следом за тревожной картиной вечернего небосвода следует описание драматических событий, обрушившихся на Беларусь в 2020 году. Будто волна от цунами накрыла страну! Политические выступления против существующего режима с подачи западных сил взбудоражили столицу. Как опытный публицист, писательница высвечивает социальную проблему: общество раскололось на тех, кто поддерживает существующую власть, и тех, кто хотел бы свергнуть её. Среди последних – Юлия, жена Вани, сына Александра Николаевича. Молодая женщина готова проводить дни и ночи на площади города, где идёт отчаянное противостояние власти и протестующих. Для Натальи Советной она – олицетворение одурманенной вражеской пропагандой молодёжи, получающей с Запада искажённую информацию о родной стране, молодёжи, не знающей истории, доверчивой к сладкоречию европейских моралистов, призывающих к сексуальной, нравственной и политической свободе. Трагичность описываемых событий подчёркивает название главы – “Рога йейла”...

Наталья Советная, несомненно, яркий писатель, самобытный. Она исследует жизненное пространство насколько хватит взора. От мифологии Рима до сегодняшних дней. Словно все трагедии Греции сочетаются в современной Белоруссии и на окраине её, и в центре. И на деревенском простом кладбище, и на высоком взгорье. И в Храме её живёт этот мир. В Храме Натальи Советной!

* * *

В Берегах прочтения Алла Ермилова и «ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ АЛЕКСАНДРА ГРИНА».

«...быть участником боевых действий писателю довелось – его призвали в 1919 году, когда ему было почти сорок, и некоторое время он служил в роте связи. Крепким здоровьем Грин, действительно, отнюдь не отличался, спустя полгода службу прервала тяжёлая болезнь, которая едва не закончилась самым печальным образом...»

Алла Ермилова рассказывает о том, что Грин писал стихи – о войне, мире, жизни, любви... «...стихотворение “Король на войне”, в основу которого положена история легендарного сербского короля Петра I, ходившего, будучи уже семидесятилетним стариком, вместе со своими простыми солдатами-крестьянами в штыковую атаку против австрийских агрессоров в известной “Колубарской битве” 1914 года. Произведение датировано следующим, 1915 годом – значит, написано под впечатлением живых событий. Грина всегда глубоко трогало любое проявление благородства в реальном мире – которое, кто бы что ни говорил, всегда в нём было. В 2017 году Иван Пайович из Белграда перевёл стихотворение на сербский язык».

* * *

Валерий Громак исследует АНТОЛОГИЮ СТОЯНИЯ ДОНБАССА с прозаической и поэтической точки зрения. Для Валерия Громака это материал богатейший. Материал для изучения в школах. В вузах. Действительно, целый пласт новой литературы!

* * *

В. Терёхин о Стамбуле и празднике поэзии.

Краски...

Цветы...

И стихи поэтов мира!

А ещё пьеса **Валентина Баюканского** «Слава, богатство и хлеб насущный», именованная СКАЗ-КОЙ.

Так дети приобщаются к общему миру. К познанию. Через Сороку идёт вещание и глашатайство. Через Магиструса – учение. Алхимический настрой. А ещё Мария-вышивальщица – дочь Кузнеца, Пивовар – старший сын Кузнеца, Купец – средний сын Кузнеца.

Пьеса познавательная. Пьеса как увертюра небольшого события.

Вообще алхимики для меня – это отдельная тема.

Тема мечты.

...Начиналось всё просто из гимна и стали. Эта ложь неуместная, слов нищета. Лён волос моих гребнем зубчатым чесали, эликсир добывали единый из ста. Лунный, жёлтый, космический выдолблен камень, но алхимик, дружок мой, был верен программе. Добывала. Мне больно. И гребень был острым, а не проще ли ножницами выстричь косы?

*Эта магия, эта печаль вся к лицу нам, прорифмовывай цифр ты тяжёлые гири,
оцифровывай нежность как дважды четыре. Без тебя амальгамно и вся на плацу я!
Что слова? Это словно стекло в сердцеvine, больше я им ни вдоха – на русский с латыни.
У алхимика вечно палящая печь! У алхимика золота нет, лишь отвары,
сера, кучка золы, шорох да тары-бары...*

И вся музыка тоже – алхимия.

Добывающая золото. Вопреки всей науке.

И литература тоже дымящаяся алхимия!

...вот слушаю, слушаю – и слышу.

И даже ощущаю.

И понимаю.

Номер получился!

Номер музыкален! И мы все участники огромного концерта. Слушатели, зрители, участники.

Спасибо Лидии! И её дирижёрской пронзительной музыке!

Бережок

Вадим Новожилов

Вадим Александрович Новожилов – поэт, сценарист, автор-исполнитель. Родился в 1954 году в Риге. Окончил ЛГУ им. П. Стучки, историко-философский факультет. Член Союза писателей России.

В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ

Пьеса по мотивам сказки Л. Гераскиной

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Саша
Кол
Двойка
Тройка
Медведь
Корова
Портной
Запятая

Саша:

Что за бред, – ученье свет?!
Всем давно известно,
Свет, когда уроков нет
В школах повсеместно.
Если в детстве не гулять,
Только обучаться,
Детство птичкой может стать
И от нас умчаться.

Нет в ООН таких статей,
Чтоб грузить мозги детей.
Защитим свои права,
Чтоб пустой и чтобы ясной оставалась голова.
Вот бы оказаться мне,
Маша,
В сказочной стране,
Где уроков нет и школ,
А домашнее задание – сон, баклуши и футбол!

Кол:

Здравствуйте, дети, позвольте представиться,
Уверен, вам знакомство понравится.
Зовут меня Кол, а можно Коля,

И я очень рад, что вы не в школе.
Не стану ни ёрничать, ни откровенничать:
Главное в жизни – гулять и бездельничать.
И я приглашаю вас на прогулку
В страну, где с деревьев свисают булки,
Где наипервейшее есть изделие –
Безоговорочное безделье.
В стране невыученных уроков –
Ни дискомфорта, ни стрессов, ни шоков.
Спешите развлечься и позабавиться.
Welcome! Уверен: вам понравится!
Не торопись, Маша, постой-ка,
Вот подруга и спутница Двойка.

Двойка:

Я Двойка... красива... грациозна...
Люблю ленивых – не секрет.
Скорей за мной, пока не поздно,
В мою страну, где знаний нет.
Бросайте книжки и тетради!
Безделье – наш девиз – и лень.
И мы подружимся, поладим
И проведём прекрасно день!
.....
А здесь, в стране чудес,
Лени, безделья до небес!
Самый желанный гость... –
Любой балбес.

Висят ватрушки на
Деревьях
Для Саши Кукушкина,
И все Безделушкины тут
Да Хохотушкины.

Соврать, как здрасьте, как
Зевнуть,
И еда здесь – гимнастика!
Короче, не жизнь – мечта!
Страна – фантастика!

Медведь:

Нет больше сил...
Кто б оросил
Влагой,
Того б я на лапах носил.
Эта жара
Да мошкара
Не доведут Мишеньку до добра.

Кто на самый солнцепёк
Мишку в Африку упёк,
Да и утёк?

Как не реветь,
Жарко же ведь,
Молит о помощи белый медведь!
Плачу, рычу...
Снега хочу...
Дайте мне Арктику, Арктику, Арктику...
Озолочу!

Тройка:

Какая встреча! Аж удивительно!
Пожалуйте в парк удивительный.
Вообще он зовётся в народе «тройка»,
Здесь всё продаётся легко и бойко.
О тройке-сапе
гуляют байки,
Мол, дрыхнет в ватсапе,
шлѣпает лайки,
Пасѣтся в Delfi,
дружит с гадалками...
Ещё для селфи
торгует палками...
Всѣ это и прочую
словесную муру
Вы прочтѣте
в Википедии точка ру.

Злые языки ещё наговаривают,
Что неучей в парке у нас «отоваривают»,
Но ты-то, Саша, учёный парень,
Тебе мы лажу так просто не впарим.
Уши твои не для лапши,
Поэтому слушай и не дыши.
Тройка – опора для слабых и мнительных,
На всех заборах – удивительных

Буквы три, на них провожают
И на троих соображают,
Ещё есть конная упряжь – тройка,
Ещё трёхрядка – гармонь с прослойкой.
Гамбургер тоже из трёх частей,
Политый кетчупом всех мастей.
Жизнь прекрасна и удивительна,
Когда кругом всё удовлетворительно!

Двойка:

Чтобы на сердце не было пусто,
Я ознакомлю с селфи искусством,
С нашей жизни правдой суровой:
Берёте палку длины метровой,
Прихлѣбывая колу, махито, кофе,
Айфон на палке наводите на профиль.
Сперва покрутим айфон, повертим...
Щелчок... и ты, паренёк, бессмертен.
С помощью ботов, на зло врагам,
Выкладываешь фото в Инстаграм.
И сразу ясно робким и мнительным –
Жизнь прекрасна и удовлетворительна!

Кол:

Послушай, Саша, хорош муру нести.
Безделье наше есть рай для глупости.
Что за вбросы, какие ошибки?
Ты вопросы решай не шибко.
Твёрдым нужно быть в убеждении:
Жизнь даётся для наслаждения.
Играй в баскетбол, выкладывай байки
Да получай в Инстаграме лайки.
Хулигань, паясничай, раздавай пинки.
Двоек стыдятся лишь маменькины сынки.
Давай с тобой разом, гордо и стойко,
Выкрикнем фразу: «Опять двойка!»
С этой фразой, презрев рутину,
Художник Решетников написал картину!

Так что двойка – могучая сила,
Как бы это кого ни бесило.
Колу и двойке не надо пиара:
Мы «два сапога» по жизни – пара.
Между прочим, взгляни на Машу,
Вон, как палкой для селфи машет.
Скоро совсем забросит учёбу.
Тебе понравилось, Маша?

Маши:

Ещё бы!
Саша, Саша, смотри, как прикольно!
Это круче программы школьной...
Это Вселенная – инстаграм-пространство...

Сколько простора! Наслаждайся, странствуй!
Это страна духовного роста!
Всё здесь, Саша, легко и просто.
Смотри,
Если в сторис для Инстаграм
Свайпнуть вправо, то без заботы
Можно с лёгкостью выбрать нам
Вполне подходящий фильтр для фото.

А можно выбрать стикер и тапнуть на него,
Он изменится.
А если не устраивает кого,
Пусть молчит и не ерепенится.
А я добавлю на фото локацию,
Ну-ка, Саша, вникай давай-ка!
Ведь эта нехитрая комбинация
Добавит мне в Инстаграм лайки.
И можно весь день собой любоваться...
Впрочем, не будем в детали вдаваться.
А школа, Сашенька, вчерашний день.
Профанация и дребедень.

Двойка:

Я стала Маше первая подруга,
Нам неуютно друг без друга.
Мы обсуждаем досуг и наряды,
И этой учёбы нам даром не надо.
Сколько той жизни, Саня, осталось...
Гуляй, веселись, не зная усталость!
Лишь наслажденье и праздность первичны,
А слово «отлично» звучит неприлично.

Корова:

Определённо здесь что-то неладное.
Кто-то назвал меня плотоядною.
Какой-то невежда, кажется Саша,
Сказал, что коровья пицца наша
Мя-я-ясо!
Мне стыдно от хвоста до ушей,
Не ем я зайцев и прочих мы-ы-ышей!
Это же ересь незаурядная:
Корова – жи-и-ивотное травоядное.

Чтобы от голода не откинуть копыта,
Я отказалась от привычного быта.
Телёнка бросила, ушла из стада,
Теперь мне мяса всё время надо.
Нет предела моему возмущению:
Я против подобного импортозамещения.
О горе мне, горе! Где этот Саша?
Я им пообедаю, поужинаю Машей!

Портной:

Чёрной грустью ночи дни меняют,
В страхе ожидаю приговор.
Бедного портного обвиняют
В воровстве, считая, что он вор.
Только я не вор и не разбойник.
Клевета всё это и навет.
Просто на контрольной некий школьник
Написал неправильный ответ.
Как теперь мы истину добудем,
Кто задачу правильно решит?
Где тот миг, когда обратно людям
Шить портной костюмы поспешит?
Для меня весь мир теперь окрашен
В чёрно-серый неприглядный тон.
Где тот школьник, тот дремучий Саша?
Радость у портного выкрал он.

Запятая:

Люди, стойте!
Вы ж души сушите,
Вы запятую лучше послушайте.
Вы любите плакать, сморкаться в платочки
и где ни попадя ставить точки.
Но, дорогие, это от незнания.
Есть и другие знаки препинания.
Правописание – вещь крутая.
К примеру, я,
простая запятая.
Казалось бы, что может быть проще:
Захочу – поставлю,
захочу – сделаю прочерк.
А результат – вопрос жизни и смерти.
Мне не верите? На себя примерьте.
Не стану примерами изобилывать,
один лишь – казнить нельзя помиловать.
Здесь ошибка непоправима,
ни ангелы не помогут, ни херувимы,
ни даже Господа упоминание,
а только ваши глубокие знания
правил науки пунктуации
позволят выбраться из ситуации.
Помните, как молитву святую,
Эту притчу про запятую!

Финал:

Маятник судеб по жизни качается,
Что начинается, то и кончается,
И мы добрались до финальной части.
Все невредимы – и в этом счастье.
На чём хотелось бы заострить внимание.
Беды наши от недостатка знаний.
И если знания скудны и малы,

Цена им красная – двойки да колы.
Но это всего лишь плохие оценки,
Они имеют и иные оттенки.
Положим, двойке и единице
Надо в целое объединиться.
Известно каждому, кто прилежно учится, –
Число 12 в итоге получится.
12 апостолов, 12 месяцев, –
Много чего в число это вместится.
К примеру, граждане с угрюмыми лицами
Чаще, когда живут единицами,
А встретятся вместе, парюю будут,
Поговорят о бедах – да и забудут.
Выставят стрелки часов на двенадцать,
Встретят Новый год и будут улыбаться.
На все вопросы один ответ:
Знания – сила, ученье – свет!

Рано или поздно, поймёшь однажды ты,
Что в жизни не самое главное гаджеты,

Что надо много и упорно учиться,
Чтобы снова не очутиться
По случаю, как-нибудь ненароком
В стране невыученных уроков.
Где наивные девочки с крашеными чёлками
Только и знают, что фото щёлкают.
По их глубокому убеждению,
Это высшее наслаждение.
У них, увы, не сердца под майками,
А фотошопы да чаты с лайками.
Но рано или поздно придёт понимание,
Что главное в жизни есть только знания.
А всё остальное по истечению
Оказывается лишь забавой да увлечением.
Упустишь время,
не воротишь вспять
И проживёшь в незнании,
как в застенке.
Поэтому только четыре и пять –
Достойные оценки!

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdexhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргатак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении и подписке на журнал
Поддержка, приобретение и подписка на журнал «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка: 2202 2009 0582 4080